

Уральский государственный педагогический университет

На правах рукописи

Ряпосова Анна Борисовна

**Метафорические модели
с агрессивным прагматическим потенциалом
в политическом нарративе "Российские
федеральные выборы (1999 - 2000 гг.)"**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель –
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук
профессор А.П.Чудинов

Екатеринбург – 2002

Содержание

Введение	с. 4
Глава 1. Теоретические основы исследования метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом в современном политическом дискурсе	с. 11
1.1. Семантический и когнитивный подход к изучению метафоры ...	с.12
1. 2. Метафорическая модель, ее компоненты, основные функции и методика описания	с.24
1.3. Речевая агрессия как черта современного политического дискурса периода выборов	с.36
Выводы по первой главе	с. 56
ГЛАВА 2. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом дискурсе периода федеральных выборов 1999-2000 гг.	с. 59
2.1. Метафорическая модель «Российская политическая действительность – это мир криминала»	с. 60
2.2. Метафорическая модель «Российская политическая действительность – это война»	с.84
2.3. Метафорическая модель «Российская политическая действительность – это мир животных»	с. 106
Выводы по второй главе	с.139
ГЛАВА 3. Развертывание в тексте метафорической модели с агрессивным прагматическим потенциалом	с. 142
3.1. Концептуальная метафора как средство организации текста....	с.142
3.2. Основные виды развертывания концептуальной метафоры в тексте	с.148

3.3. Метафора в заголовке и ее развертывание в тексте	с.169
3.3.1. Заголовки, соответствующие метафорической модели, доминантной для данного текста	с.171
3.3.2. Стилистические эффекты, возникающие за счет метафоры заголовка.....	с.175
Выводы по третьей главе.....	с.181
Заключение.....	с.183
Библиографический список	с.187
Словари.....	с. 200
Список сокращений названий источников.....	с. 201

ВВЕДЕНИЕ

Одна из актуальных задач современной политической лингвистики - изучение языковой ситуации, сложившейся на рубеже веков в переживающей революционные политические изменения России. Ведущие отечественные лингвисты отмечают, что, несмотря на существование ряда негативных факторов, современный русский литературный язык интенсивно развивается, удачно адаптируется к переменам в жизни общества, чутко реагирует на изменения в социуме, активно идет процесс его демократизации (Е.А. Земская, Г.А. Золотова, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин и др.). Наиболее заметно демократизируются такие сферы литературного общения, как политическая коммуникация и язык средств массовой информации. Вместе с тем современные специалисты постоянно отмечают все возрастающую степень речевой агрессии в российской политической коммуникации, агональность современного политического дискурса (А.Д.Васильев, В.И.Жельвис, Е.В.Какорина, Н.А.Купина, Л.М.Майданова, А.К.Михальская, А.П.Сковородников, А.П.Чудинов, Е.И.Шейгал и др.), что проявляется, в частности, и в использовании метафор.

Существуют различные подходы к исследованию и анализу метафор. В современной науке противопоставляются, прежде всего, два основных направления – семантическое и когнитивное. С позиций первого, механизм и результат метафорического переноса хорошо описывается посредством концепции значения, в рамках второго – основную роль играет «знание» (В.В. Петров, 1990, с.135). В настоящей диссертации политические метафоры анализируются с позиций теории метафорического моделирования действительности – относительно нового научного направления, которое стало активно развиваться в рамках когнитивной лингвистики в конце XX века (Ф. Джонсон-Лэрд 1988, Дж. Лакофф, М. Джонсон 1987, 1990; А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов 1991; Е.С. Кубрякова 1999; В.В. Петров 1990, Е.В.

Рахилина 1998; Ю.Б. Феденева 1998; А.П. Чудинов 2000, 2001 и др.). В соответствии с данной теорией концептуальная метафора - это не столько троп, призванный украсить речь и сделать сообщение более доходчивым, сколько способ мышления и путь к преобразованию политической картины мира в сознании адресата. Современная российская политическая метафора тесно связана с социальной жизнью страны и имеющим исторические корни самосознанием русского народа, а следовательно, должна изучаться с учетом всех факторов, влияющих на ее создание и восприятие.

АКТУАЛЬНОСТЬ настоящего исследования связана с необходимостью продолжения исследований в области современной политической речи, в том числе изучения закономерностей метафорического представления политической картины мира с учетом специфики национального менталитета и особенностей конкретной политической ситуации. Изучение проявлений агрессивности в современной политической метафоре, возможно, будет способствовать постижению истоков этой агрессивности и одновременно поиску путей перехода к более толерантной политической коммуникации.

ГИПОТЕЗА данного исследования заключается в следующем предположении: метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом особенно активизируются в периоды обострения политической борьбы, что ярко проявилось во время российских федеральных выборов на рубеже веков. Конфликтная метафора является наиболее подходящим способом представления естественного для предвыборной кампании соперничества политических сил, для критики существующей политической ситуации и обоснования необходимости изменений.

ОБЪЕКТОМ нашего исследования стало метафорическое словоупотребление в политических текстах периода российских президентских и парламентских федеральных выборов (1999 - 2000 гг.).

ПРЕДМЕТ исследования – специфика функционирования метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом в российских политических текстах периода федеральных выборов 1999 – 2000 гг.

ЦЕЛЬ настоящей диссертации – исследование закономерностей функционирования метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом в политических текстах периода российских федеральных выборов 1999 – 2000 гг.

Для достижения указанной цели потребовалось решить следующие ЗАДАЧИ:

1. Определить теоретическую базу и методику исследования.
2. Отобрать и систематизировать текстовый материал.
3. Выделить, описать и классифицировать наиболее продуктивные метафорические модели, содержащие речевую агрессию.
4. Выявить и проанализировать прагматический потенциал исследуемых моделей политической метафоры.
5. Проанализировать закономерности развертывания исследуемых моделей в конкретных текстах.

В задачи исследования не входила эстетическая, этическая и какая-либо иная оценка анализируемых метафорических словоупотреблений.

Методология настоящего исследования сложилась под влиянием возникшей в Соединенных Штатах и успешно развиваемой в современной России теории метафорического моделирования (Дж.Лакофф, М.Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Динсмор, А. Ченки, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов, Т.В. Шмелева и др.); вместе с тем в процессе исследования активно использовались лучшие достижения отечественной теории регулярной многозначности (Ю.Д. Апресян, Н.В. Багичева, Л.В. Балашова, Л.М. Васильев, Э.В. Кузнецова, Л.А. Новиков, И.А. Стернин, Д.Н. Шмелев и др.) и других направлений лингвистики, связанных с изучением регулярности семантиче-

ских преобразований (Н.Д. Арутюнова, О.И. Воробьева, О.П. Ермакова, М.Р. Желтухина, Е.А. Земская, Н.А. Илюхина, Н.А. Кузьмина, В.В. Лабутина, С.Н. Муране, П.В. Павлович, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия, Е.И. Шейгал и др.). В процессе работы использовались **методы** современной антропоцентрической и системоцентрической семантики: дискурсивный анализ, когнитивное исследование, моделирование, классификация, контекстуальный анализ, статистическая обработка материала, лингвокультурологическая характеристика исследуемых явлений с учетом национального своеобразия отечественной культуры и современного этапа развития общества.

МАТЕРИАЛОМ для исследования послужили опубликованные в средствах массовой информации политические тексты периода выборов в Государственную Думу (1999 г.) и выборов президента России (2000 г.). Для анализа было использовано более 1000 текстов из различных по политической окраске и месту издания газет ("Аргументы и факты", "Известия", "Комсомольская правда", "Московский комсомолец", "Новые известия", "Правда", и др.). Обращение к газетным текстам обусловлено тем, что «политическая коммуникация не просто опосредована средствами массовой информации, но СМИ фактически являются основной средой ее существования..., исключение материалов СМИ из анализа обеднило бы и исказило картину современного политического дискурса» (Шейгал, 2000, с. 62). Материалы СМИ ярко отражают речевые инновации и тенденции развития политического языка.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ. В данной работе впервые последовательно и целенаправленно исследуется агрессивный прагматический потенциал политических метафор, функционирующих в российском политическом дискурсе во время выборов представительных органов государственной власти и главы государства. В процессе исследования выделены метафорические модели, обладающие наиболее значительным агрес-

сивным прагматическим потенциалом (милитарная, криминальная и зооморфная метафора), изучены их основные компоненты, охарактеризованы системы фреймов и слотов, выявлены закономерности использования указанных моделей и их роль в организации конкретных текстов.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДИССЕРТАЦИИ определяется тем, что анализ метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом позволяет глубже понять специфику современной русской политической речи и одновременно представляет собой очередной этап решения проблемы последовательной инвентаризации фонда метафорических моделей, используемых в современной политической речи. Уточнена роль концептуальной метафоры как средства создания связности и цельности политического текста, что имеет определенное значение для общей теории организации политического текста.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ заключается в возможности использования полученных результатов в лексикографической практике (при подготовке словаря политических метафор); материалы диссертации и наблюдения, полученные при рассмотрении агитационно-политических текстов, могут быть применены в практике вузовского преподавания русского языка, риторики, социологии и политологии, в том числе при создании элективного курса «Современная политическая метафора»; собранные материалы представляют интерес как для лингвистического исследования метафоры, так и для изучения менталитета соответствующих ораторов и журналистов, а через них и всего современного российского общества; отдельные положения и выводы, содержащиеся в данной работе, могут быть полезны сотрудникам СМИ, авторам политических текстов, а также широкому кругу рядовых избирателей, которые в период выборов подвергаются активному информационному, эмоциональному и идеологическому воздействию.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры риторики и культуры речи Уральского государственного педагогического университета.

Основные положения диссертации были изложены автором на межвузовских научных конференциях и семинарах в Екатеринбурге (2000, 2001, 2002), Соликамске (2002), Челябинске (2001), Тюмени (2002).

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, выносимые на защиту:

1. В политическом нарративе «Российские федеральные выборы 1999 – 2000 гг.» активно функционируют метафорические модели, обладающие агрессивным прагматическим потенциалом: «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА», «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ПРЕСТУПНОЕ ОБЩЕСТВО», «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – МИР ЖИВОТНЫХ».
2. Метафорические номинации, соответствующие рассматриваемым в настоящей диссертации моделям, чаще всего использовались для обозначения политических лидеров, партий и объединений, органов государственной власти, взаимоотношений между этими субъектами, конкретных видов политической деятельности, деятельности органов государственной власти и социально-политической ситуации в стране.
3. Концептуальная метафора в современной политической речи часто становится фактором, обеспечивающим связность, целостность и выразительность конкретных текстов. Развертывание той или иной метафорической модели на протяжении всего текста (начиная с заголовка) скрепляет в единое целое все части текста, обеспечивая тем самым его восприятие как синтаксического и речевого единства.
4. Концептуальная метафора в названии политической статьи, как правило, предопределяет закономерности развертывания метафорической модели в тексте; такая метафора создает также условия для проявления

стилистических эффектов усиленного ожидания и обманутого ожидания.

СТРУКТУРА диссертации. Работа включает в себя введение, три главы, заключение, библиографический раздел, список словарей, список сокращений. Объем основного текста диссертации составляет 182 машинописные страницы.

Глава 1. Теоретические основы исследования метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом в современном политическом дискурсе.

Основная задача данной главы – определение исходной теоретической базы, которая будет служить основой для изучения метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом в последующих разделах диссертации.

Для решения поставленной задачи необходимо, во-первых, рассмотреть специфику когнитивного подхода к изучению политической метафоры, во-вторых, охарактеризовать составляющие метафорической модели и методику ее описания, в-третьих, изучить вопрос об особенностях современного политического дискурса и о речевой агрессии как характерной черте современных российских политических текстов.

Для нашего исследования принципиально значимо расширенное понимание термина «метафора». Следуя за авторами «Словаря русских политических метафор» А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым (1994), при анализе метафорических моделей мы будем учитывать не только собственно метафоры (в традиционном понимании), но и метонимические переносы, синекдоху, сравнительные конструкции, метафорические образы в составе фразеологизмов, что «связано с общностью их функций в ...дискурсе» (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, 1994, с. 6). Такой подход обусловлен общими для когнитивной лингвистики представлениями о том, что метафора - это не средство украшения речи, а основная ментальная операция, проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. За рамками настоящего исследования остается также вопрос том, к какой части речи принадлежит то или иное слово с метафорическим значением и каковы контекстуальные средства, свидетельствующие о том, что это именно метафора. Это связано с тем, что язык в когнитивной лингвистике понимается как единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся есте-

ственным образом на лексикон, морфологию и синтаксис (Т.Г. Скребцова 2000, с.12; А.П. Чудинов, 2001, с.37). Характерное для когнитивистики широкое понимание метафоры позволяет увидеть некоторые общие закономерности, которые могут ускользнуть от внимания исследователя при его ограничении рамками традиционного понимания метафоры.

1.1. Семантический и когнитивный подход к изучению метафоры

Выяснение природы и сущностных характеристик явления метафоризации ведется в современной лингвистике преимущественно в двух принципиально различных направлениях – семантическом и когнитивном. Первое направление описывает механизм и результат переноса, основываясь на концепциях значения. Когнитивное направление использует для этой цели понятия «аналогии», «знания».

Многообразные направления в рамках семантического подхода к изучению метафоры объединяются одной фундаментальной идеей, идущей еще от Аристотеля, - идеей переноса на основе аналогии. Как известно, Аристотель утверждал, что метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид. Детализация этой идеи – что и как переносится – лежит в основе многочисленных вариантов указанного направления.

В зарубежной лингвистике современный этап исследования семантики метафоры берет свое начало с работ М.Блэка, который конкретизирует идею метафорического переноса, используя понятие «проекции» некоторых характеристик В на А (M. Black 1962). При описании модели метафорообразования М.Блэк делает упор на концепцию значения. В соответствии со строго семантической точкой зрения образование метафоры обязательно предполагает изменение значения исходного выражения. Самый

простой вариант – экстенсивное расширение значения слова или выражения до нового, метафорического значения. При этом утверждается, что одно и то же выражение может иметь два вида значения – буквальное и так называемое метафорическое, появляющееся в конкретных актах употребления. Однако М.Блэка и его последователей нередко упрекают в том, что они так и не прояснили вопрос, как же действительно осуществляется метафорический перенос и каков механизм выделения проецируемых семантических характеристик, на каком основании из множества характеристик R вычлениаются те характеристики R , которые проецируются на S . Как подчеркивал Дж.Серль, не существует механических правил, алгоритма, которые позволяли бы автоматически переходить от прямого к производному (метафорическому) значению слова. По его мнению, во многих метафорических употреблениях, основанных на синестезии (*мягкий человек, теплый прием, горячая любовь* и т.п.), невозможно говорить о сходстве как основе метафорического переноса, и все же мы понимаем значение этих выражений (Searle 1985, 181-182).

Другой подход, объясняющий механизм образования метафор, опирается на теорию семантического поля. Истоки названной теории восходят еще к Ф.де Соссюру, утверждавшему, что значение слова в языке зависит от его смысловых отношений с другими словами. В рамках данного подхода метафорический перенос стал рассматриваться как перенос от одного структурированного и взаимосвязанного в единое целое семантического поля к другому полю, что приводит к реорганизации семантического поля и в конечном счете к сдвигу в значении (Д.Ротбарт 1984, Е.Киттей 1987).

В отечественной лингвистике семантический подход к процессу метафоризации представлен направлением, которое изучает преимущественно семную структуру языковой и речевой метафоры, семантические процессы, формирующие метафорическое значение, соотношение сем в ис-

ходном и метафорическом значениях, механизмы образования метафоры, специфику денотатов (Н.Д. Арутюнова 1978, 1979, 1980; М.В. Никитин 1979; Л.А. Новиков 1982; Г.Н. Скляревская 1993; И.А. Стернин 1985; Е.Т. Черкасова 1968, Д.Н. Шмелев 1973 и др.).

Для семантического направления характерно разграничение метафоры и близких или смежных языковых явлений: терминов, переноса по функции, метонимии, синекдохи и т.п.

Так, Е.Т. Черкасова в своих исследованиях стремится уточнить конкретное содержание понятия, обозначаемого словом метафора, чтобы «обезвредить» его использование в качестве термина. Для этого автор отграничивает процессы и явления, в отношении которых терминологически оправданным с лингвистической точки зрения является применение слова «перенос». Это образование новых слов и использование старых слов для обозначения предметов и явлений, не имеющих еще своего имени (первоначальная номинация в широком смысле слова, включающая и терминообразование, и явления так называемой «функциональной номинации»), а также использование старых слов для условного переименования предметов и явлений, уже имеющих свое имя (символы, арготизмы и т.д.). В перечисленных случаях название одного предмета или явления «переносится» (точнее используется) для наречения имени другому предмету. В этом смысле применение понятия, означаемого словом «перенос» в отношении метафоры лишено внутреннего основания, потому что метафоризация – это «глубокое внутреннее семантическое преобразование слова, семантическая эволюция его значения» (Е.Т. Черкасова, 1968, с. 29).

Е.Т. Черкасова отчетливо отграничивает метафору и от других видов тропов, особенно критикуя переживавшее из античных риторик и бытующее поныне определение метафоры как «сокращенного сравнения». Автор говорит о том, что понятия «сравнение» и «метафора» близкие, но не тождественные: сравнение как процесс ассоциаций по сходству - кате-

гория психологическая, а метафора – явление собственно семантическое, характеризующееся семантической двуплановостью, которая возникает на базе взаимодействия только лексических значений слова; сравнение в метафоре выражается нерасчлененно, собственно семантическими средствами (Там же, с. 34-35).

Продолжает рассматривать вопрос о разграничении языковой метафоры и близких явлений Г.Н.Скляревская, которая в монографии «Метафора в системе языка» (1993) стремится определить место языковой метафоры в лексико-семантической системе языка, рассматривает структуру и способы образования метафоры, характеризуя семы основного и производного значений, образный потенциал языковой метафоры.

Описание метафорического переноса посредством подробной характеристики сем основного и производного значений, выявления коннотаций, периферийных и факультативных сем, которые нейтрализуются или актуализируются во вторичных значениях, основательно разработано в теории регулярной многозначности. Основные положения этой теории отражены в публикациях Ю.Д. Апресяна (1974), Л.В. Балашовой (1998), И.А. Стернина (1985), А.П. Чудинова (1988), Д.Н. Шмелева (1973) и ряда других авторов.

Семантические теории, исследующие метафору как языковое явление, предлагают различные типологии метафор. Обычно классифицируют «живую» (образную, не утратившую семантической двуплановости) и генетическую метафору (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак) либо языковую (общепотребительную и общеизвестную) и поэтическую (индивидуальную) метафору, как в типологии Ю.И. Левина.

К примеру, В.Г. Гак традиционно определяет метафору как результат отношения между двумя значениями слова, из которых одно выступает как исходное, а другое как производное, и оспаривает утверждение Дж. Серля об отсутствии алгоритма и правил метафорического переноса. Ученый вы-

страивает свою «вероятностную модель метафоризации», где, опираясь на характер семантических процессов, выделяет следующие структурно-семантические типы метафор: А. Полный метафорический перенос: 1) двусторонняя метафора (голова – котелок); 2) односторонняя семасиологическая метафора (ножка стула); 3) односторонняя ономасиологическая метафора (вольтинить). Б. Частичный перенос (зубец вилки). Процесс метафоризации, по мнению автора, - это яркий пример динамики в сфере лексической семантики, показывающий, каким образом одно языковое явление преобразуется в другое. Несмотря на семантический подход к метафоре, исследователь считает, что было бы чрезвычайно ценным для лингвистики, психологии, теории познания выявить закономерности переноса понятий из одной сферы в другую, отражающуюся в изменениях значений слов (Гак, 1988, с. 11-26).

Н.Д. Арутюнова вычленяет типы языковой метафоры, исходя из функциональных возможностей этого явления:

1. номинативная метафора – генетическая, утратившая образный элемент и выполняющая номинативную функцию;
2. образная метафора - ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации или оценки предмета, смысловых нюансов;
3. когнитивная – предикатная, признаковая метафора, сводится к присвоению объектам признаков, свойств и состояний, принадлежащих другому классу объектов; из средства создания образа превращается в способ формирования недостающих языку значений;
4. генерализующая метафора – конечный результат признаковой метафоры, приводящей к генерализации понятий (специфические и обобщенные значения).

Н.Д. Арутюнова, подводя итоги исследования выделенных ею метафор, заключает, что «метафора предпочитает работать на той области идеального, которую принято называть коннотациями значения слова». А так

как «в коннотации входят утилитарные оценки, вызываемые предметом ощущения, эмоции», то в результате «метафора обнажает процесс переработки в языковое значение различных субпродуктов идеальной (интеллектуальной, эмоциональной, перцептивной, когнитивной) деятельности человека» (Н.Д. Арутюнова, 1978, с. 333-342).

К подобному выводу приходит и Ю.Д. Апресян, рассматривая пути объективного языкового проявления коннотаций. По его мнению, все коннотации материализуются в переносных значениях, в метафорах и сравнениях. Ученый считает, что на формирование коннотаций лексемы решающее влияние оказывает господствующий тип восприятия или использования соответствующего объекта действительности, традиции литературной обработки лексемы, а также исторический, религиозный, политический, психологический или иной культурный контекст ее существования, то есть другие внешние по отношению к ее непосредственной жизни в языке факторы (Ю.Д. Апресян, 1988, с. 37-39).

Признание роли экстралингвистических факторов в процессах метафоризации приводит многих ученых к необходимости рассматривать метафору в более широком эвристическом контексте, чем собственно языковедческий. Новый логико-семантический подход вводит в исследование метафоры параметр антропометричности и рассматривает метафору как способ создания языковой картины мира (В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, 1993; В.Н. Телия 1988). Так, В.Н.Телия отмечает, что поскольку все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта, метафора по своей природе антропометрична: она соизмеряет разные сущности, создавая новый «гештальт» из редуцированных прототипов, формируя на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей, что является характерной чертой метафоризации и что позволяет получить «на выходе» этого процесса совершенно новые смыслы (и соответственно – понятия, а на их основе и значения).

Специально подчеркивается, что «антропометричность метафоры, то есть соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям этих сущностей, самым естественным образом вписывается в современную антропологическую парадигму научного знания, исходящую из допущения, что человек познает мир через осознание своей предметной и теоретической деятельности в нем» (В.Н. Телия, 1988, с. 3-4).

При таком подходе метафора понимается как способ мышления о мире, который использует прежде добытое знание, и, следовательно, получает возможность интерпретироваться в когнитивном аспекте.

Когнитивные теории метафоры. Как справедливо отмечают А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, сейчас мы переживаем период развития лингвистики, в котором заметно влияние когнитивной науки. По их мнению, когнитивная лингвистика, обращаясь к категории знания как базовой, снимает противопоставление лингвистического и экстралингвистического, позволяя исследователю использовать один и тот же метаязык для описания знаний различных типов (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, 1997, с. 11-15).

Становление когнитивной лингвистики в нашей стране относится к 80-м годам прошлого века. Возникновение этого направления, с одной стороны, было связано с влиянием западных концепций (Дж. Лакофф, Л. Талми, Ч. Филлмор, У. Чейф), а с другой – определялось преодолением идеологии структурализма, все большим пониманием особой значимости человеческого фактора в развитии и функционировании языка (А.Н. Караулов).

В когнитивной лингвистике основное внимание уделяется вопросу о том, как связаны между собой языковые формы (и любые проявления языка вообще) со структурами человеческих знаний и опыта, а также о том, как те и другие представлены (репрезентированы) в сознании человека.

Проблемы соотношения концептуальных систем с языковыми, взаимодействия научной, обыденной и языковой картин мира, соотношения когнитивных или же концептуальных структур нашего сознания с объективирующими их единицами языка в осуществлении процессов познания и осмысления мира, в проведении процессов его концептуализации и категоризации, - все это те новые проблемы, которые входят в компетенцию когнитивной лингвистики (Е.С. Кубрякова, 1999, с. 4-5).

Одним из важнейших направлений современной когнитивной лингвистики стало исследование метафоры. Интерес к метафоре связан с ее представлением как языкового явления, отображающего базовый когнитивный процесс. Современные когнитологи отказались от традиционного взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», один из способов «украшения» речи или характерного для генеративистики (Н.Хомский, Л.Н.Мурзин и др.) представления о метафоре как своего рода взаимодействии двух глубинных (базисных) структур, а также от присущей структурализму ориентации на изучение «собственно языковых» закономерностей метафоризации. По мнению многих сторонников когнитивного подхода, метафора является языковым отображением крайне важных аналоговых процессов, активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления, восприятия (В.В. Петров 1990, А.П. Чудинов 2001 и др.).

Сложилось отдельное направление когнитивной лингвистики – теория концептуальной метафоры, которая впервые была представлена в работе Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980). Авторы исследования выдвигают идею, согласно которой метафора – это не просто феномен языка, но и повседневная концептуальная реальность, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой. Наиболее из-

вестные примеры концептуальных метафор: «Инфляция – это война», «Любовь – это путешествие», «Время – это ресурс» и др. Метафора используется для того, чтобы увеличить объем знаний относительно слабо понимаемой области путем переноса дополнительной информации из более известной ситуации. Другими словами, концептуальные метафоры часто служат средством осмысления некоторой более абстрактной сферы (сферы-мишени) в терминах более известной, обычно конкретной сферы (сферы-источника), а также входят в понятийную систему человеческого разума и участвуют в концептуализации настоящей действительности, оказывая влияние на физический и культурный опыт (Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1980, с. 126-148).

Возникшая в США теория концептуальной метафоры нашла много приверженцев в России (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина, Т.Г. Скребцова, А.П. Чудинов и др.). Так, в «Очерке когнитивной теории метафоры» (1991) А.Н. Баранов рассматривает процессы метафоризации в когнитивном измерении и дает им следующее определение: «это специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания (неизвестное становится известным, а известное – совершенно новым и т.п.)» (с.185). Фактически происходит «наведение» новой категоризации на действительность или ее отдельные фрагменты. Здесь, считает ученый, возможны два основных варианта. Первый вариант: метафора приводит к декатегоризации – старая категориальная сетка разрушается, возникают черты новой, которые совершенно изменяют стандартное представление о фрагменте действительности. Второй вариант: функция метафоры заключается в категоризации еще не структурированного концепта, исходно воспринимающегося как довольно абстрактная сущность, плохо поддающаяся рациональному осмыслению (А.Н. Баранов, 1991, с. 184-192).

Для того чтобы ответить на вопрос, как обеспечивается эффект «наведения» новой категоризации, когнитивная лингвистика предлагает заимствованный из теории представления знаний понятийный аппарат фреймов и сценариев. Согласно М. Минскому (1979), под фреймом понимается структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации. Фрейм является декларативным способом представления знаний, формулируемым в терминах описаний (дескрипций). В отличие от фрейма, сценарий – процедурный способ представления стереотипного знания, который формулируется в терминах алгоритма или инструкции. Как считает Е.С.Кубрякова, эти понятия – так или иначе – помогают ответить на вопрос о приемах и способах восприятия человеком мира и структуризации этого восприятия в простейших типах человеческой деятельности (Е.С. Кубрякова, 1999, с. 11).

А.Н. Баранов дает более подробное пояснение названным понятиям. Фрейм – это описание типизированной ситуации (в частном случае – описание типизированного объекта), состоящее из слотов. Каждый слот представляет некоторый тип информации, релевантный для описываемого фрагмента действительности. Релевантность характеристики определяется ее необходимостью для успешной деятельности в выбранном фрагменте действительности конкретной когнитивной системы. К примеру, интеллектуальная программа, обслуживающая работа-мойщика лобового стекла автомобиля, должна содержать фрейм машины, в котором будет множество слотов, характеризующих размеры лобовых стекол различных марок (А.Н. Баранов, 1991, с. 186).

При таком подходе метафоризация предстает как совокупность формальных процедур над двумя фреймами. Первый фрейм – фрейм источника – соответствует сигнификативному дескриптору (показывает, какое слово-понятие было использовано для метафорического обозначения), а второй – фрейм цели – денотативному дескриптору (определяет, какая

реалия получила данное метафорическое обозначение). Процесс метафоризации сопровождается весьма сложными процедурами обработки знаний, это может быть замена содержания слота, перенесение содержания из одного слота в другой, введение нового слота во фрейм, уничтожение или элиминация содержания слота или всего слота в целом, свертывание фрейма к одному или нескольким слотам и т.д.

Таким образом, преимущества когнитивного подхода к исследованию процессов метафоризации заключается в выходе за пределы собственно языкового значения, такой подход «открывает широкие перспективы видения языка во всех его разнообразных и многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» (Е.С. Кубрякова, 1999, с. 3). Язык фреймов удобен для описания процессов метафоризации именно потому, что это типичный метаязык представления знаний, который не делает различий между лингвистической и экстралингвистической информацией.

В связи с выше изложенными доводами дальнейшее описание закономерностей метафоризации в настоящей диссертации будет проводиться в рамках когнитивной концепции с использованием метаязыка фреймов.

Итак, интерпретация метафоры осуществляется на двух разных уровнях – семантическом и когнитивном, предлагающих свои модели репрезентации этого феномена. По мнению В.В. Петрова, несмотря на многочисленные достоинства, когнитивный подход имеет свои ограничения, а именно: отождествление метафоры с аналогией приводит к излишней интеллектуализации метафоры и противоречит нашей внутренней интуиции, видящей в ней не только перенос знаний, но и тонкие образно-ассоциативные подобию (В.В. Петров, 1990, с. 142).

В монографии А.П. Чудинова (2001) представлено контрастивное рассмотрение теории концептуальной метафоры (как составной части когни-

тивной лингвистики) и теории регулярной многозначности (как одного из вариантов структурно-семантического описания словесной семантики).

Исследователь приходит к следующим выводам:

- несмотря на все различия, в теории и особенно в методике описания моделей концептуальной метафоры и моделей регулярной многозначности существуют общие элементы;
- различия между рассмотренными теориями нередко связаны с фокусированием внимания: вопрос, чрезвычайно важный для представителей одной теории, нередко предстает как второстепенный в публикациях, отражающих взгляды другой лингвистической школы;
- судя по публикациям специалистов по теории регулярной многозначности, многие из них уже в той или иной степени учитывают достижения когнитивистики;
- рассмотренные концепции способны в определенной степени обогатить друг друга (А.П. Чудинов, 2001, с. 37 -38).

Мы в своей работе будем стремиться к тому, чтобы использовать при исследовании метафоры достижения исследователей и в области теории регулярной многозначности, и в области теории концептуальной метафоры, постараемся учитывать опыт, накопленный как семантическим, так и когнитивным направлением. Вслед за Ю.Б. Феденевой (1998) мы считаем, что в процессе коммуникации **метафора** должна рассматриваться как сложный вербально-образный комплекс, где образная система имеет дело с информацией о конкретных объектах и сущностях и может быть подвергнута концептуальному анализу, так как, концентрируя в себе существенные черты обозначаемого, образное средство становится инструментом познания объектов политической действительности.

1.2. Метафорическая модель, ее компоненты, основные функции и методика описания.

Понятие метафорической модели относительно новое в лингвистической науке и поэтому достаточно дискуссионное. Данный термин оформился и используется преимущественно в рамках теории метафорического моделирования действительности – нового научного направления, которое, как уже было сказано выше, стало особенно активно развиваться в конце XX века (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов 1991; Дж. Лакофф, М. Джонсон 1987, 1990; Е.С. Кубрякова 1999; Е.В. Рахилина 1998; Ю.Б. Феденева 1998; А.П. Чудинов 2000, 2001 и др.), хотя истоки современной теории метафорического моделирования можно обнаружить в традициях различных научных школ и направлений.

Метафорическая модель обозначает образное представление той или иной денотативной сферы с помощью лексики, относящейся в первичном значении к совсем иной сфере. Для обозначения названного явления специалисты используют различные по внутренней форме термины в зависимости от акцентирования собственно лингвистического, общелингвистического, психологического или же когнитивного аспекта (А.П. Чудинов, 2000, с. 94).

К примеру, А.М. Панченко, И.П. Смирнов (1976) используют термины *архетип* или *метафорический архетип*, Дж. Лакофф, М. Джонсон (1987, 1988, 1990) – *базисная метафора, образ-схема (image-scheme)*, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов (1991) – *метафорическая модель*, Н.В. Павлович (1995) – *парадигма образов*, Н.А. Кузьмина (1999) – *поэтическая формула*, Н.А. Илюхина (1998) – *образ*, Д.Н. Шмелев (1964, 1973), Ю.Д. Апресян (1971), А.П.Чудинов (1988) – *модель регулярной многозначности*, Г.Н. Складневская (1993) – *метафорическое поле* и др.

Истоки метафорических моделей многие специалисты ищут в сенсомоторном опыте человека. Так, предваряя анализ пространственно-ориентационных метафор, Дж. Лакофф и М. Джонсон (1987) говорят о значимости образных схем в обработке человеческого опыта, которая происходит еще до формирования человеком ясно осознаваемых концептов. М. Джонсон полагает, что противопоставление того, что находится ВНУТРИ чего-то (IN), тому, что находится ВОВНЕ или же ВНЕ чего-то (OUT), демонстрирует именно такую базовую схему структурирования опыта, которая к тому же не облечена в форму пропозиции и вообще не носит пропозиционального характера. Схема возникает на уровне передвижения человека в пространстве, манипулирования вещами и т.п. Эту схему он называет далее схемой КОНТЕЙНЕРА (ВМЕСТИЛИЩА).

Комментируя схему, Джордж Лакофф указывает на то, что с помощью этой схемы осмысливается, прежде всего, тело человека, в которое что-то постоянно входит и из которого что-то удаляется. Более того, подчеркивает он, с помощью этой схемы мы ориентируемся во времени и пространстве, а сама она связывает в единый конструкт два противоположных (по направлению) начала:

Дж. Лакофф ссылается при этом на работу С. Линднер, где она описывает более 600 английских глаголов с out, которые означают не только направление физических действий, но и абстрактные понятия (типа work out или figure out «выработать представления о»). Таким образом, здесь начат анализ концептуальных метафор, связанных с распространением телесно-обоснованного опыта и схемы КОНТЕЙНЕРА на широкий круг абстрактных понятий. Поле зрения мыслится как КОНТЕЙНЕР, а разные вещи то попадают В него, то исчезают ИЗ виду; точно так могут восприниматься (по этой схеме) и отношения людей, ср. *вступить в брак, впасть в*

немилость. В качестве отдельных элементов схемы Лакофф уже называет не только понятия ВНУТРИ и СНАРУЖИ, но и концепт ГРАНИЦЫ.

Итак, исследователи пытаются выявить путь преобразования исконной простой схемы, выделенной в сенсомоторном опыте человека, в более сложные схемы – при перенесении базовой схемы по аналогии на более абстрактные сущности (Е.С. Кубрякова, 1999, с. 6).

Мы привели пример когнитивного подхода к метафорическому моделированию действительности, когда метафорическая модель (образная схема) рассматривается с позиций антропоцентризма, а именно с точки зрения когнитивной деятельности человека.

Подробно рассматривают когнитивный аспект данного явления на примере представления эмоций в русском национальном менталитете В.Ю. Апресян и Ю.Д. Апресян, авторы статьи «Метафора в семантическом представлении эмоций» (1993). Анализ эмоций, которые концептуализируются в языке так же, как физические состояния, приводит к выводу о том, что при толковании эмоциональной лексики часто используются телесные аналогии: страх – холод, отвращение – неприятный вкус, жалость – физическая боль, страсть – жар и т.п. Предложенные образы выстраиваются в последовательную систему концептуализации эмоций в языке. В основе этой системы лежит единый принцип уподобления того, что недоступно прямому наблюдению (реакции души) тому, что может наблюдаться более непосредственно (реакции тела). Реакции тела, пусть в ограниченном числе случаев, оказываются ключом к тому, что происходит в душе человека. Указанные мотивирующие образы, по мнению авторов, составляют весомую часть сознания говорящих и, подобно всякой другой продуктивной модели, могут обладать и предсказательной силой: новое выражение *Ему стало жарко от гнева* будет принято и проинтерпретировано с большей легкостью, так как эксплуатирует правильный образ, опирающийся на массовое языковое сознание (с.32-33).

Собственно лингвистический (семантический) аспект рассматриваемого явления во многом унаследован от теории регулярной многозначности, которая анализировала однотипные вторичные значения семантически близких слов в пределах той или иной части речи, а в ряде случаев обращалась и к однотипным вторичным значениям различных частей речи (А.П. Чудинов, 2000, с. 95).

Так, А.П. Чудинов, исследовавший регулярную многозначность в глагольной лексике (1986, 1988 и др.), разграничивает общие, частные и специальные модели, предлагает многомерную классификацию моделей. К примеру, по мнению автора, знаменитое восклицание В. Маяковского «Заштопайте мне душу!» есть ничто иное, как метафорическое употребление глагола по уже существующей модели: глаголы, имеющие значение «сделать менее заметными недостатки какого-либо предмета, обусловить исчезновение этих недостатков», могут переносно употребляться с зависимыми существительными абстрактной семантики. В подобных контекстах абстрактизируется и значение глагола, ср. *заглаживать просчет, замять неловкость, заслонять достоинства и т.п.* (А.П. Чудинов, 1986, с. 13).

В монографии, диссертации и серии статей Н.А. Илюхиной (1994, 1996, 1997, 1998) интересен пример детального рассмотрения регулярной метафорической модели «животное – человек», связанный лишь с одним образом («конь», так называемые «лошадиные» метафоры). Автор тщательно анализирует метафорический комплекс «лошадь – человек» и выводит его типичные употребления, например:

- «по отношению к межличностным связям человека с целью отразить его подчиненное положение...»;
- «по отношению к моральным нормам как сдерживающему, ограничивающему началу»;
- «по отношению к тяготящим человека повседневным обязанностям» и т.п.

Исследователь приходит к следующему выводу: данная метафорическая категория воплощается в языке на базе ассоциативно-семантического поля, лексический состав которого, имеющий разную категориальную природу и денотативную отнесенность, обуславливает возможность структурирования типовых ситуаций и их разновидностей (Н.А. Илюхина, 1994, с. 26-27).

Таким образом, и семантическое и когнитивное направления констатируют факт существования в сознании носителей языка типовых моделей (схем) метафорических употреблений слов.

Особое место в развитии теории метафорического моделирования действительности занимают публикации А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова.

Во вводных разделах словарей «Русская политическая метафора» (1991) и «Словарь русских политических метафор» (1994) рассмотрены проблемы выделения и представления метафорических моделей, дано определение этого понятия, выделены структурные части, охарактеризованы языковые способы оживления метафоры, ее функции в политических текстах и др., в самих словарях представлены образцы конкретного описания метафорических моделей.

Например, первый словарь разделен на две части. В первой из них «Метафорические модели политической реальности» – приводятся объединенные по семантическим группам слова-метафоры, причем против каждого метафорического употребления указывается, с какой реальностью оно соотносится. Так, метафора *война* прилагается к понятиям: «политическая деятельность, законодательная деятельность, финансовая деятельность». Метафора *механизм* использована при обозначении экономики и хозяйства, рынка, финансов и биржи, государства и аппарата управления, демократии и гласности, армии, Советов, общества, перестройки, репрессий...

Если первый раздел словаря построен по семасиологическому принципу (от означающего к означаемому), то второй – в ономасиологическом плане (от означаемого к означающему). В этой части, которая называется «Мир политики в зеркале метафор», представлены элементы политической жизни, получающие метафорические обозначения. Основные разделы этой части: «Демократия», «Законодательство», «КГБ», «КПСС», «Политические лидеры», «Россия», «Финансы», «Экономика». Материалы этих разделов имеют огромный интерес, поскольку в используемых метафорах отражаются отношения между объектами и отношение говорящих к данному объекту.

Словарь дает огромный срез использования метафоры в языке политики периода перестройки (1985 – 1991 гг.). На основании анализа метафор авторы заключают, что в сознании (или подсознании) людей перестройка предстает как некий недифференцированный неподъемный объект, который надо постоянно толкать и двигать вперед, как стихийная сила, внеположенная человеку и социуму. Особенно подробно они останавливаются на концептуальном милитаризме, высвечивающемся в метафорах эпохи перестройки.

Продолжением характеристики ведущих моделей метафорического представления современной политической реальности стали диссертация и статьи Ю.Б. Федневой (1997, 1998). Следуя за Ю.Н. Карауловым и А.Н. Барановым, исследователь избирает при описании метафор подход, ориентированный, скорее, на методологию когнитивной лингвистики: анализ и описание метафорических моделей представлены в работе посредством метаязыка фреймов. Автор рассматривает функционирование метафор в политических текстах в периоды резкого обострения политической ситуации (референдум, выборы, «путч») и выделяет ряд наиболее продуктивных моделей. К их числу относятся следующие: «Общество – это биологический организм», «Политические отношения – это война», «Политика – это

игра», «Общество – это механизм», «Политические процессы – это дорога», «Политика – это стихия» и др. Ю.Б. Феденева выделяет и менее продуктивные метафорические модели, определяет воздействие политической ситуации на активизацию исследуемых моделей, а также отдельных фреймов и слотов.

Отдельные модели современной политической метафоры детально проанализированы в публикациях Т.С. Вершининой (2001), Е.В. Колотниной (2000), Н.А. Кузьминой (1999), С.Н. Муране (2001), Е.И. Шейгал (2000), Т.В. Шмелевой (2001) и др.

Многие теоретические положения настоящей диссертации заимствованы из монографии А.П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. 1991 –2000». Автор подробно анализирует модели политической метафоры в понятийных субсферах «Человек», «Социум», «Природа», «Вещи» как источниках метафорической экспансии, подчеркивает лингвокультурологический характер проблемы, тесную связь метафорической системы с политической и экономической жизнью страны, рассматривает функции метафорических моделей и их место в контексте, тексте и политическом дискурсе, намечает дальнейшие перспективы исследования метафорического моделирования.

Итак, как видно из обзора, несмотря на различия в терминологии, специалисты рассматривали очень близкие явления, для обозначения которых нам представляется оптимальным использовать термины **«метафорическое моделирование действительности»** и **«метафорическая модель»**, так как для осмысления метафоры необходимо знание денотативной и сигнификативной областей метафоризации, их структуры и внутренних связей, закономерностей ассоциирования концептов. Восстанавливая эти связи и закономерности, мы строим модель, когнитивный коррелят данного фрагмента действительности. Метафорическая модель предстает как когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира,

их взаимодействий и зависимостей; этот аналог создается на основе классификационных связей метафорических единиц. Элементы модели «связаны различными семантическими отношениями («выполнять функцию», «способствовать», «каузировать», «быть частью», «быть видом», быть примером» и др.), причем каждый элемент модели соединен с другими элементами существенно более сильными связями, чем с элементами других понятийных областей» (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, 1994, с. 15).

Метафорическая модель образно представляет ту или иную денотативную (понятийную) сферу, используя при этом лексику, относящуюся в первичном значении к совсем иной сфере. К примеру, метафорическое представление сферы политики в образах войны, криминала и мира животных позволяет выделить метафорические модели «Политика – это война», «Современная российская действительность – это мир преступности», «Российская действительность – это животный мир». Метафорические модели представляются как своего рода типовые схемы, отражающие специфику национальной ментальности на данном этапе развития общества и социальные представления о концептуальной организации сферы-источника и сферы-мишени метафорической экспансии (А.П. Чудинов, 2001, с.55).

При характеристике метафорической модели и ее составляющих в настоящей диссертации используется **методика**, предложенная в монографии А.П. Чудинова (2001). В соответствии с названной методикой для описания метафорической модели необходимо охарактеризовать ее следующие признаки:

- **исходную понятийную область** (в других терминах – ментальную сферу-источник, сферу-донор, источник метафорической экспансии, источник сферу), то есть в терминах теории регулярной многозначности семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении;

- **новую понятийную область** (в других терминах – ментальную сферу-мишень, денотативную зону, реципиентную сферу, направление метафорической экспансии), то есть в терминах теории регулярной многозначности семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова во вторичном (переносном) значении;

Важное условие развития метафорической модели – исходная понятийная сфера должна быть детально структурирована в сознании носителей языка, «общеизвестна», должна принадлежать к ближайшему кругу интересов человека, к наиболее освоенным сторонам его опытно-познавательной деятельности; в то время как новая понятийная область, как правило, требует категоризации, объяснения, осмысления и концептуализации.

- **типовые для данной модели сценарии**, которые отражают наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций: например, сценарий «войны» предполагает ее подготовку, объявление, ведение боевых действий с использованием разнообразного оружия, возможность ранения (с последующим лечением) и смерти участников боев, победу или поражение и т.п.
- **относящиеся к данной модели фреймы**, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу); такими фреймами являются, в частности, названные выше составляющие сценария «войны». По определению В.З. Демьянкова, фрейм – «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия...Фрейм организует наше понимание мира в целом...Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» (Е.С. Кубрякова и др., 1996, с.188);

- **составляющие каждый фрейм типовые слоты**, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Например, фрейм «Вооружение» включает такие слоты, как «огнестрельное и холодное оружие», «боевая техника», «боеприпасы» и т.п. При характеристике составляющих слота мы используем термин «концепт»; для обозначения концептов чаще всего используются слова естественного языка. Как отмечает Е.С. Кубрякова, концепт отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких *квантов* знания» (Там же, с. 90). Концепт в отличие от лексической единицы (слова) – это единица сознания, ментального лексикона. По словам Е.В. Рахилиной, «главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими такими же – это определяет то, что всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру... Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт» (2000, с.3). Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептосферу;
- **компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц**, то есть необходимо выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих концептов, почему понятийная структура сферы источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы.

Таким образом, метафорическое моделирование – это отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действи-

тельности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совсем иной понятийной области.

При дальнейшей характеристике метафорической модели обычно можно определить ее продуктивность (способность к развертыванию и типовые направления развертывания) и частотность, выявить прагматический потенциал, то есть типовые особенности воздействия на адресата, а также «тяготение» модели к определенным сферам общения, речевым жанрам, социальным ситуациям и т.п. (А.П. Чудинов, 2001, с.44-46).

Среди функций метафорического моделирования А.П.Чудинов выделяет следующие:

- когнитивная (метафора служит орудием познания мира, она помогает вычлениить какие-то ментальные пространства и работать с ними);
- номинативная (фиксация знания: если у реалии нет адекватного наименования, то метафора помогает его создать и вместе с тем осознать существенные свойства реалии);
- коммуникативная (передача информации: метафора позволяет представлять новую информацию в краткой и доступной для адресата форме);
- изобразительная (метафора помогает сделать сообщение более образным, ярким, наглядным) и др.

Основной акцент при анализе политических метафор в настоящей диссертации будет делаться на моделирующей и прагматической функциях метафоры. При реализации моделирующей функции метафора позволяет создать некую модель мира, уяснить взаимосвязи между его элементами. Прагматическая – это функция воздействия на адресата: метафора является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему мировосприятия, она позволяет изменять существующую у адресата политическую картину мира.

Каждая метафорическая модель обладает определенным **прагматическим потенциалом** – возможностью типового эмоционального воздействия на адресата. При использовании метафорических образов в сознании адресата формируются типовые прагматические смыслы. Прагматический потенциал метафорической модели может быть различным. Например, у метафорической модели «Российская действительность – это театр» наблюдается значительный сатирический потенциал, при использовании моделей с исходными понятийными сферами «Дом» и «Родство» часто формируются позитивные прагматические смыслы.

Агрессивный прагматический потенциал модели может проявляться в большей или меньшей степени. Например, у моделей «Россия – это транспортное средство» или «Россия – это мир растений» достаточно низкий агрессивный прагматический потенциал, так как речевую агрессию могут выражать только некоторые метафорические словоупотребления, соответствующие фреймам и слотам типа «бунт на корабле», «пиратский корабль», «сорняки» и т.п. Средний агрессивный прагматический потенциал характерен, например, для метафорической модели «Политика – это спорт»: спортивные состязания – это, как правило, соперничество. В том случае, когда агрессивные прагматические смыслы несет большинство соответствующих модели метафор, можно говорить о высокой степени возможного агрессивного воздействия на адресата.

Предметом нашего исследования являются метафорические модели с наиболее сильным агрессивным прагматическим потенциалом, поэтому в следующем параграфе мы рассмотрим вопрос о сущности речевой агрессии, особенностях ее проявления в агитационно-политическом дискурсе и выделим метафорические модели, обладающие максимальными возможностями для агрессивного воздействия.

1.3. Речевая агрессия как черта современного политического дискурса периода выборов

В исследованиях, посвященных современному политическому языку, постоянно отмечается усиление в российском политическом дискурсе концептуальных векторов агрессивности (А.Н. Баранов, А.Д. Васильев, О.И. Воробьева, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Н.А. Купина, Л.М. Майданова, А.К. Михальская, П.Б. Паршин, Г.Г. Почепцов, Л.И. Скворцов, Ю.А. Сорокин, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов, В.Н. Шапошников, В.И. Шаховский, Е.И. Шейгал и др.). Однако категориальный аппарат современной политической лингвистики еще до конца не сформировался, а поэтому продолжаются дискуссии о том, что такое речевая агрессия в политическом дискурсе и в каких формах она может проявляться. Поэтому прежде чем начать анализировать конкретные метафорические модели со значительным агрессивным прагматическим потенциалом (это задача следующей главы), необходимо уточнить основные понятия и термины, используемые в настоящем исследовании: **политический язык, политический дискурс, политический нарратив, речевая агрессия и средства ее выражения, агрессивный прагматический потенциал метафорической модели.**

В настоящей диссертации политический язык понимается как особая подсистема национального языка, предназначенная для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе (А.П. Чудинов, 2001, с. 11). Вместе с тем учитывается и тот факт, что наряду с провозглашенным П. Грайсом принципом сотрудничества в речи нередко наблюдается и тенденция к соперничеству (Е.А. Земская, 1988, с.

37), к подавлению и подчинению адресата. Это особенно относится к политической речи: не случайно Е.И. Шейгал определяет политический язык как «язык власти» и выделяет концепт «власть» как основной в политическом дискурсе (Е.И. Шейгал, 2000, с. 74).

Политический язык реализуется в политическом дискурсе. Понятие **дискурса** является одним из базовых для нашей работы. В связи с тем, что сущность дискурса по-разному определяется в концепциях многих специалистов, попытаемся, опираясь на наиболее распространенные в современной лингвистике подходы к данному вопросу, определить наше понимание дискурса.

В 60-70-ые годы дискурс понимался преимущественно как связанная последовательность предложений или речевых актов, что сближало его с термином «текст». Однако в современной лингвистике понятия дискурса и текста разграничиваются по нескольким параметрам: категория дискурса относится к области лингво-социального (значимым является лингвистический и экстралингвистический контекст), а текст относится к области лингвистического. Ср. определения Н.Д. Арутюновой: дискурс - это «текст в событийном аспекте», «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова, 1990, с. 137). В концепции Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова: дискурс – это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» (Ю.Н. Караулов, В.В. Петров, 1989, с. 8). В состав дискурса включают также множество текстов, которые взаимодействуют в сознании автора и адресата при создании и восприятии соответствующего текста.

Дискурс и текст часто противопоставляются как процесс и результат (продукт речепроизводства), когда дискурс рассматривается в качестве «реального речевого события, процессуального явления, связанного с реальным речепроизводством» (Е.И. Шейгал, 2000, с. 9-10).

Таким образом, понятие дискурса оказывается тесно связанным с понятием коммуникации, что отразилось в определении, данном С.И.Виноградовым: дискурс – это коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и /или других знаковых комплексов в определенной ситуации и определенных социокультурных условиях общения (С.И. Виноградов, 1999, с. 238).

Тот факт, что общение всегда протекает в определенной сфере человеческой деятельности, в определенном социокультурном пространстве, приводит к конкретизации дискурса. Это проявляется в сочетании термина «дискурс» с определениями: публичный дискурс, политический дискурс, тоталитарный дискурс, дискурс Жириновского, дискурс рынка и пр. Пытаясь осмыслить названную особенность дискурса, П.Б. Паршин (1999) предлагает рассматривать фактор агента социального действия, которым является «либо физическое лицо, либо групповой агент социального действия, либо некоторая социально значимая категория, которая на поверхности может выступать как предмет обсуждения». И дискурс определяется им как характеристика коммуникативного своеобразия агента социального действия.

Е.И. Шейгал, соглашаясь с П.Б. Паршиным в том, что специфика агента социального действия существенна для определения типа дискурса, считает, что одного этого фактора не достаточно, так как не менее значимым является «фактор интенции». Исследователь аргументирует свою точку зрения тем, что человек вступает в то или иное дискурсное пространство не только в определенной социальной роли (включающей или подразумевающей фактор сферы общения и тип социального института), но и с определенными целями. Интенциональную базу политического дискурса составляет «борьба за власть». Таким образом, по мнению Е.И. Шейгал, с учетом двух приведенных выше факторов политический дис-

курс – это «то, как говорит политика» («политики», «в политике») в «борьбе за власть» (Е.И. Шейгал, 2000, с. 14-15).

Такой подход в какой-то степени перекликается с точкой зрения А.Н. Баранова, который определяет политический дискурс «как совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» (А.Н. Баранов, 2001, с. 14). Под дискурсивной практикой автором понимаются тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного смысла. С лингвистической точки зрения дискурсивные практики определяются устойчивыми наборами языковых средств вариативной интерпретации действительности, свойственными данному политическому субъекту или характерными для обсуждения данной темы политической коммуникации (Там же).

Итак, в настоящей диссертации мы принимаем следующее рабочее определение: **политический дискурс** – это сложное коммуникативное явление, включающее, с одной стороны, совокупность всех речевых актов (дискурсивных практик, политических текстов), представляющих политическую коммуникацию, а с другой – всю сумму знаний о политической реальности, необходимую для понимания указанных речевых актов, так называемый социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

Соответственно, агитационно-политический (в том числе предвыборный) дискурс представляет собой разновидность политического дискурса в процессе политической агитации граждан за принятие ими какого-либо решения. Интенциональная база такого дискурса – борьба за электорат, за голоса избирателей. Дискурс конкретной избирательной кампании имеет

свою специфику, свои особенности создания и восприятия функционирующих в нем политических текстов.

В связи с тем, что временные и тематические рамки нашего исследования ограничиваются периодом избирательных кампаний 1999 – 2000 гг., необходимо рассмотреть понятие **политического нарратива**, который, по определению А.П. Чудинова, представляет собой совокупность политических текстов разных жанров, тематически сконцентрированных вокруг определенного политического события (А.П. Чудинов, 2002, с. 71). Это своего рода речевая реакция общества на политическое событие, комплекс текстов в конкретном дискурсе.

Е.И. Шейгал, обращаясь к понятию политического нарратива, определяет его как сложное коммуникативное событие, происходящее в социально-политической действительности (например, избирательная кампания и выборы, кампания протеста, скандал, путч, референдум и т.п.), и рассматривает комплекс публицистических текстов, связанных с политическим скандалом (Е.И. Шейгал, 2000, с. 297-315).

Предлагаемое понятие политического нарратива соотносится с понятием сверхтекста у Н.А. Купиной и Г.В. Битенской. Сверхтекст определяется как «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся модальной установкой, достаточно определенными позициями адресата и адресанта, с особыми критериями нормального/ аномального» (Н.А. Купина, Г.В. Битенская, 1994, с. 215). Важно подчеркнуть, что сущность нарратива отличается от понятия сверхтекста тем, что в нарративе отсутствует единство позиций адресата и адресанта.

Без введения терминов «сверхтекст» или «нарратив» названное явление рассматривалось в ряде печатных работ и диссертационном исследовании Ю.Б. Феденевой «Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века» (1998). Автор подробно исследо-

дует воздействие крупнейших политических событий в России первой половины 90-х гг. XX века (референдум, путч, выборы) на употребительность и особенности реализации ведущих моделей метафорического представления современной политической реальности в политическом дискурсе. Автор показывает, что каждое из названных политических событий оказывает серьезное влияние на систему российских политических метафор.

Политический нарратив всегда существует в определенной политической ситуации и завершается вместе с изменением ситуации. Предметом нашего исследования является политический нарратив «Федеральные выборы 1999 – 2000 гг.» как совокупность агитационно-политических дискурсных образований, которые тематически сконцентрированы вокруг политической ситуации указанных выборов и основываются на общности содержания и событийной канвы (избирательная кампания) и персонажей (избираемые, избиратели, политические партии и поддерживающие их средства массовой информации).

Для политического нарратива характерны тематическое единство, общность основных действующих лиц, локализованность во времени и пространстве, общая событийная канва. Вместе с тем, важнейшие свойства политического нарратива – отражаемое им многоголосие участников политической борьбы, множественность повествователей и соответственно разнообразие рациональных и эмоциональных оценок. Каждый из повествователей выделяет в своем тексте те или иные события и, возможно, оставляет за пределами своего внимания какие-то иные факты, по-своему структурирует соответствующую событийную канву, создавая тем самым в своих текстах оригинальную политическую картину мира (А.П. Чудинов, 2002, с. 72). Политический нарратив «Федеральные выборы на рубеже веков» охватывает сразу две последовавшие друг за другом избирательные кампании – выборы депутатов Государственной Думы и выборы Прези-

дента Российской Федерации. В соответствии с поставленными в настоящем исследовании задачами, нас, в первую очередь, интересует специфика функционирования в указанном нарративе метафорических моделей с агрессивной прагматикой.

При рассмотрении вопроса о сущности вербальной агрессии, необходимо предварительно подробнее остановиться на характеристике общих понятий **агрессии и агрессивности**.

Изучением проблемы агрессивного поведения человека занимаются представители многих наук, но наиболее серьезных результатов в изучении природы и механизмов агрессивного поведения человека достигли специалисты по психологии и этологии.

Агрессию определяют как «любую форму поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» (Р. Бэрн, Д. Ричардсон, 1998, с. 26). Американский ученый-психолог А.Х. Басс предложил для описания агрессивных действий три шкалы:

1. физическая – вербальная;
2. активная – пассивная;
3. прямая – непрямая.

К примеру, вербальная – активная – прямая агрессия – это словесное оскорбление или унижение другого человека.

Вербальная – активная – непрямая агрессия – это распространение злостной клеветы, сплетен о другом человеке (цит. по: Р. Бэрн, Д. Ричардсон, 1998, с. 27).

В агитационно-политическом дискурсе периода выборов 1999-2000гг. реализуются оба названных вида агрессии, примеры первого типа речевой агрессии будут рассмотрены в дальнейшем при анализе конкретных метафорических словоупотреблений.

Ю.И.Щербинина, исследующая природу речевой агрессии и особенности ее проявления в школьной среде, определяет данное явление как словесное выражение негативных чувств, эмоций или намерений через форму и (или) содержание высказываний. Автор выделяет и описывает следующие виды вербальной (речевой) агрессии:

1. *Явная (открытая) — скрытая.* К явным проявлениям речевой агрессии можно отнести прямую угрозу, намеренное оскорбление, категорическое требование, замечание-порицание; к скрытым — намек, иронические замечания, высказывания и обращения.
2. *Целенаправленная (осознанная, намеренная) — нецеленаправленная (менее осознанная, защитная).*
3. *Переходная — непереходная.* Первая направлена на реального и конкретно представленного в данной речевой ситуации участника, вторая — на отсутствующего врага, реально не представленного в данной речевой ситуации, или опосредованно направлена против принадлежащих личности предметов, одежды, работы. Сюда же относятся абстрактные, обобщенные высказывания против окружающих в целом (Ю.Щербинина, 2000, с. 15).

Существует еще один вариант дихотомического деления агрессии: враждебная и инструментальная.

Враждебная агрессия – главной целью агрессора является причинение страданий жертве, физический и/или психологический ущерб тому, на кого нападают.

Инструментальная агрессия – агрессоры нападают на других людей, преследуя цели, не связанные с причинением вреда; агрессивные действия являются инструментом для осуществления иных желаний (Там же, с. 31). Иначе говоря, при инструментальной агрессии вред, причиняемый объекту, - это не самоцель, а побочный результат действий субъекта, которые

изначально преследуют другие цели. Как нам кажется, в агитационно-политическом дискурсе преобладает вторая из названных форм агрессии.

Представляется важным различать агрессию как действие (собственно агрессия, нападение) и агрессивность как психическое и «мотивационное» состояние (Р. Хайнд, 1975, с. 378).

Происхождение агрессии обосновывают по-разному, но наиболее распространенными являются два подхода – этологический и теория фрустрации. В соответствии с этологическим подходом признается имманентность агрессии и считается, что агрессивность является врожденным свойством человека, формой его поведения, обусловленной его биологической природой. Так, немецкий этолог Конрад Лоренц считает, что человечество «не потому агрессивно и постоянно готово к борьбе, что разделено на партии, враждебно противостоящие друг другу; оно структурировано именно таким образом потому, что это предоставляет раздражающую ситуацию, необходимую для разрядки социальной агрессии» (К. Лоренц, 1994, с. 256).

Согласно теории фрустрации причиной пробуждения агрессии являются внешние обстоятельства, или так называемые фрустрирующие ситуации, которые блокируют, создают помехи для какого-либо целенаправленного поведения. Благодаря результатам эмпирических исследований, которые показали, что фрустрация не всегда ведет к агрессии, в данную теорию были внесены поправки: «фрустрация порождает различные модели поведения, и агрессия является лишь одной из них. Агрессия является следствием многих факторов, помимо фрустрации, и может появляться при полном отсутствии фрустрирующих обстоятельств» (Miller, цит. по: Р. Бэрн, Д. Ричардсон, 1998, с.40). Ученый аргументирует свое суждение следующими доводами: агрессия со стороны киллера, убивающего свою жертву по заказу; действия военного пилота, выполняющего приказ бомбить город, - эти агрессивные поступки вызваны отнюдь не фрустрирующими обстоятельствами. Аналогичными являются случаи проявления вербальной

агрессии в СМИ периода избирательной кампании, когда появляются заказные статьи и телепередачи, порочащие политического противника, ложные обвинения и клевета в адрес людей, не причинивших автору зла. Это пример так называемой инструментальной агрессии – использование агрессивных действий для достижения определенных целей.

Существуют и другие концепции происхождения и природы агрессии, но большинство исследователей сходятся в том, что агрессия есть сумма и сложное взаимодействие биологических, социальных и индивидуальных слагаемых (Э. Аронсон 1998, Л. Берковитц 1988, 1989, Р. Бэрн, Д. Ричардсон 1998, Л.В. Енина 1999, К. Лоренц 1994 и др.).

Таким образом, **речевая (вербальная) агрессия** – это одна из форм проявления агрессии, выраженная вербальными средствами. Речевая агрессия может быть мотивирована агрессивным состоянием говорящего (агрессора), его стремлением 1) причинить психологический, моральный ущерб объекту агрессивных действий; 2) достичь определенных целей; 3) ввести объект в агрессивное состояние, спровоцировать на агрессивные действия; 4) снять собственное напряжение («разрядка», «катарсис») и т.д.

Анализируя причины распространенности вербальной агрессии в современном обществе, Ю.И. Щербинина в ряду биологических, психологических и собственно коммуникативных факторов выделяет социальные и социокультурные. Исследователь считает, что к **социальным причинам** речевой агрессии можно отнести неуклонный рост преступности и случаев асоциального поведения, пропаганду насилия в СМИ; применительно к российскому обществу — искажение в сознании наших соотечественников системы духовных ценностей (культ силы, стремление к власти, популярность идеи «цель оправдывает средства» и т.д.) и соответствующие социальные установки (представление о мире как о жестоком и полном насилия, ориентация на достижения высокого социального положения, идеал успешной и уверенной в себе личности как человека, способного «дать

словесный отпор», и т.д.). **Социокультурными факторами**, обуславливающими большую или меньшую степень проявления в обществе вербальной агрессии, можно назвать:

- во-первых, отношение к речевой агрессии и степень ее порицаемости в данном обществе, культуре (например, значительная степень социальной лояльности к вербальной агрессии в российском обществе позволяет предположить, что данное явление встречается в нашей логосфере значительно чаще и представлено многообразнее, чем, скажем, в японской культуре, где вербальная агрессия встречает активное общественное осуждение);
- во-вторых, традиционную для данного общества форму сублимации физической агрессии (Ю. Щербинина, 2000, с. 5-6).

Итак, подчеркнем - борьба за власть является одним из важнейших факторов развития агрессивности в политической жизни.

К изучению феномена вербальной агрессии обратились в последнее время не только психологи, но и лингвисты (В.И. Жельвис, Л.П. Крысин, Э.А. Лазарева, Ю.И. Левин, Л.М. Майданова, А.К. Михальская, Д.В. Ольшанский, В.Ф. Петренко, Л.И. Скворцов, А.П. Сквородников, Б.А. Успенский и др.). Показательно, что специалисты отмечают не только негативные, но и позитивные свойства вербальной агрессии.

Так, А.К. Михальская, исследуя речевую агрессию в современной логосфере, наблюдает следующую тенденцию: «вербальная (словесная, речевая) агрессия в современном мире оценивается общественным сознанием как менее опасная и разрушительная, чем агрессия физическая» (А.К. Михальская, 1996, с.159). Л.П. Крысин рассматривает эвфемизмы в современной русской речи и одновременно отмечает высокую частотность агрессивных высказываний: «В наши дни, - замечает автор, - чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей. Необыкновенно активизировался жанр речевой инвективы, использующий многообразные образные средства негативной оценки поведения и личности адресата – от

экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо просторечной и обсцентной лексики» Л.П. Крысин, 1996, с. 385-386). Ученые наблюдают, с одной стороны, повышение уровня агрессивности современной речи, а с другой стороны, достаточно терпимое и лояльное отношение общественности к этому явлению. К интересному заключению приходит В.И. Жельвис, проведя глубокое социологическое и психолингвистическое исследование использования бранных выражений в речи. Он следующим образом определяет роль и место инвективы в современном общении: «общество будет ожесточенно бороться с инвективами, одновременно отдавая себе отчет, что вовсе без инвектив оно не сможет нормально функционировать», человек не сможет полностью отказаться от инвектив, так как они являются «средствами вербализации негативных эмоций» (В.И.Жельвис, 1990, с. 68-70). Значительно хуже, если эти эмоции приводят к агрессии физической.

Исследует проблему речевой агрессии в СМИ Л.М. Майданова - один из авторов работы «Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации» (1997). Исходя из того, что общение через средства массовой коммуникации имеет более сложную структуру, чем обычная коммуникация, Л.М. Майданова поднимает вопрос о возможностях представления того, как проявляется речевая агрессия в этой области. Предлагается учитывать следующие элементы акта общения через СМИ: автор (это может быть конкретный журналист; анонимный автор, чей материал подан как редакционный; читатель, письмо которого опубликовано редакцией, и т.п.) – адресат (массовая аудитория газеты, радио или телевидения) – предмет речи (событие, проблема, лицо – участник события, политический деятель и т.п.) – цели автора. Пользуясь этими понятиями, Л.М. Майданова выделяет следующие варианты речевой агрессии в СМИ:

1. Автор своим материалом прямо призывает адресата к агрессивным действиям против предмета речи;

2. Автор своим представлением предмета речи вызывает или поддерживает в адресате агрессивное состояние;
3. Автор агрессивно вводит предмет речи в сферу адресата и побуждает его совершить неагрессивное, но прямо или косвенно выгодное адресату действие (Л.М.Майданова, 1997, с. 10).

Первый тип речевой агрессии реализуется в агитационно-политическом дискурсе преимущественно в жанре лозунгов, агитационных листовок, а вот второй и третий случаи речевой агрессии наиболее типичны для средств массовой информации (особенно в период обострения политической ситуации, в том числе и во время предвыборной кампании).

Важными для нашего исследования являются наблюдения специалистов по политической психологии над динамикой агрессивности в политическом дискурсе. Как показывают публикации О.В. Митиной и В.Ф. Петренко (1997), Д.В. Ольшанского (2001), Л.П. Гозман и Е.Б. Шестопала (1996) в политическом дискурсе постоянно наблюдаются своего рода «пики» и спады агрессивности, причем «пики» очень часто совпадают со временем выборов, референдумов, массовых митингов и демонстраций, тогда как, например, во время заседаний Государственной Думы взаимная агрессивность политических противников ослабевает, и они в большей степени стремятся к компромиссам, демонстрируют уважение к политическим взглядам и позициям друг друга. Однако, как уже было сказано выше, мы анализируем именно избирательную кампанию – один из наиболее значительных «пиков» политической агрессивности.

Обратимся теперь к специализированным знакам вербальной агрессии в политическом дискурсе. Традиционно вербальную агрессию связывают с использованием бранных инвектив. Е.И.Шейгал предлагает рассматривать бранную инвективность как прагматическое заимствование из сферы бытового общения, а специализированные знаки выделять исходя из сути

вербальной агрессии, которая в широком понимании заключается в нацеленности на ниспровержение оппонента, понижение его политического статуса.

Таким образом, к специализированным агональным знакам в политическом дискурсе автор относит:

- 1) маркеры «чуждости» в оппозиции «свой – чужой»;
- 2) показатели умаления значимости (умаление значимости превращается в принижение и унижение, что, в свою очередь, оборачивается отстранением и отчуждением);
- 3) показатели недоверия к оппоненту, сомнение в достоверности его слов и искренности его намерений (Е.И. Шейгал, 2000, с. 131-133).

Другими словами, речевая агрессия по отношению к политическому сопернику в агитационно-политическом дискурсе проявляется в том, что он представляется как «чужой», незначительный политический деятель, которому нельзя доверять. В вербализации обозначенных агрессивных проявлений задействованы определенные языковые средства: эмоционально-оценочная лексика и фразеология; местоимения, выводящие референта за пределы круга «своих»; пейоративная лексика и политические термины, применяемые в качестве политических ярлыков, и пр.

Не умаляя значимости перечисленных языковых средств, которые мы обязательно будем учитывать при анализе метафорических выражений, определим теперь место и роль метафоры как способа выражения агрессии в агитационно-политическом дискурсе.

В силу своей образности и способности воздействовать на эмоциональную сферу адресата многие метафорические высказывания могут прямо выражать речевую агрессию, если несут в себе отрицательную (негативную) оценку характеризуемого явления.

Ср.: *Город Златоуст захвачен бандой депутата областного Законодательного собрания Морозова (В. Овчинский).*

Мы не имеем права выбирать парламент «недопойманных воров» (В. Овчинский).

Ельцин шагал по летному полю в окружении шакалов-журналистов (А. Будберг).

...если уж я собралась, как свинья, вывалиться в навозе политики, мне придется привыкать к этой неопрятной шумихе слов (Д. Асламова о своей предвыборной борьбе).

Негативная оценка при использовании метафоры формируется за счет тех неблагоприятных для объекта метафоризации ассоциаций, которые сопровождают восприятие созданного автором образа.

В предыдущих параграфах мы рассмотрели не только семантический подход к метафоре как яркому образному средству, но и когнитивное толкование процесса метафоризации как способа осмысления, отражения и структурирования новой реальности с помощью активно функционирующих в языке метафорических моделей. Анализ политического дискурса периода федеральных выборов позволил нам выделить три метафорические модели с наиболее сильным агрессивным прагматическим потенциалом, которые активно функционируют в данном политическом нарративе (модели с исходными понятийными сферами «Война», «Преступность» и «Животный мир»). Средним агрессивным потенциалом, на наш взгляд, обладают метафорические модели с исходными понятийными сферами «Спорт», «Болезнь», «Секс», так как далеко не все составляющие их метафорические выражения способны продуцировать агрессивные образы, поэтому специального исследования по указанным моделям не проводилось.

В настоящей диссертации используется предложенное А.П. Чудиновым понятие прагматического потенциала метафорической модели – возможности типового эмоционального воздействия на адресата (А.П. Чуди-

нов, 2001). Конкретизируем названное понятие в соответствии с обсуждаемой темой речевой агрессии.

Под агрессивным прагматическим потенциалом метафорических моделей мы понимаем, во-первых (в узком смысле), возможность соответствующих данной модели метафорических выражений оказывать эмоциональное воздействие на адресата: призывать к агрессивным действиям, провоцировать агрессивное состояние и т.д. (см. типологию Л.М. Майдановой); во-вторых, способность понижать политический статус, имидж характеризуемого метафорой предмета речи, умалять его значимость в глазах адресата; в-третьих (в широком смысле), тенденцию к моделированию образа агрессивной, враждебной реальности (в нашем случае политической реальности в период выборов).

Другими словами, исследуя предвыборный дискурс, мы задаемся вопросом, какую политическую реальность моделируют (создают) метафоры каждой группы и насколько они «конфликтны», т.е. способны продуцировать негативные образы, возбуждать в адресате агрессивность, резко критичное отношение к предмету речи, или, наоборот, «неконфликтны» (по А.Н. Баранову), «толерантны» (по А.П. Чудинову), то есть не способствуют возбуждению агрессивности, настраивают на конструктивное восприятие предмета речи.

Рассмотрим потенциал трех указанных выше метафорических моделей как средств выражения выделенных выше знаков агрессии.

1. Метафорическая характеристика политических действий как физической агрессии (в том числе призывы к физической агрессии). Ср.: *Идет третья мировая война. Мы готовы рисковать собой и идти в штыковую* (В. Стародубцева).

Но должностным лицам некогда заниматься благосостоянием народа, они воюют друг с другом (М.Светлова).

Степашин помешал Кремлю устроить «резню» в руководстве Газпрома (М. Ростовский).

Бывшая первая дама северной столицы (Л.Б. Нарусова) будет драться за мандат Думы как независимый кандидат (М. Погодин).

...самую нервную часть работы – внутриполитическую бойню – Ельцин взял на себя (А. Рубцов).

Зря, хоть и не без успеха сражался с Явлинским на телевидении Чубайс (В. Леонов).

Олигархи готовы перегрызть друг другу глотку (С. Макров).

Команда Лужкова вгрызается в глотку» Березовского (А. Рубцов).

Как показывает анализ нашего материала, война, преступность и мир животных – основные сферы, которые служат в современной политической речи источником метафорических номинаций при необходимости обозначать агрессивное поведение.

2. Метафорические инвективы. Нетрудно заметить, что значительная часть современных метафорических инвектив – это метафорическое обозначение объекта речевой агрессии как представителя мира животных (животное, зверь, козел, осел, ишак, акула, шакал, таракан, клоп и др.).

Ср.: Наши противники говорили избирателям: «Не верьте этим жирным московским котам» (Е. Карсанова).

Тыловые крысы грабят фронтовиков...Да только на проценты с задержанных фронтовикам боевых тыловая крыса в генеральских лампасах может не одну дачу построить (А. Кондрашов)

Поубавится в России двуногих мафиозных акул, а у горемык-пенсионеров действительно появятся на столах хлеб и масло (А. Труфилов).

Ловконогие либеральные верблюды завели Россию черт знает куда (Ю. Поляков).

Показательно, что среди инвективных метафор встречаются и образы из военной и криминальной сфер (шестерка, бандит, вор, лох, оккупант, захватчик, мародер и др.).

Ср.: Порой такое ощущение, что Кабинет министров - «сборище бандитов», которые регулярно собираются, чтобы обсудить, что как поделить, с кем свести счеты и кого запугать (К. Маркарян).

Ни Кошман, ни те «козлы», которые вокруг него, не знают, как и что делать (С. Герасименко).

И.о. президента, как и прежнего, окружают разрушители и жулики. Один из них – Жириновский (А. Терновский).

Клиентура тоже не теряется, пиарцев кидают, как полных лохов (А. Рубцов).

3. Негативная оценка при помощи метафор политических оппонентов, национальных, социальных и других групп, политических институтов и т.п. Сюда относят, в частности, выделенные Е.И. Шейгал знаки агональности: маркеры «чуждости», показатели умаления значимости, выражение недоверия к искренности оппонента и достоверности его суждений. Метафорическое представление оппонентов как преступников, воинов враждебной армии или животных, которым чужда гуманность, позволяет акцентировать все низменные качества политических противников.

Ср.: Больше всего новых погон было нарезано Министерством обороны для депутатов от КПРФ и ЛДПР, что следует объяснить успехами этих фракций в строевой подготовке: первые всегда ходят в ногу, а вторые при каждом удобном случае отдают честь (В. Шендерович).

Как тявкают политические партии друг на друга, имитируя бурную политическую жизнь, в конечном счете значения не имеет (В. Петров).

По отношению же к власти лучше всего поза подчинения. Как у хищников. В такой позе тебя не тронут. Более того, допустят до остатков трапезы (В. Егорушкин).

Чтобы цапнуть Лужкова ниже пояса, кое-кому пришлось встать на четвереньки (А. Рубцов).

Как показывает А.П. Чудинов (2001, с.160-161), метафорическим моделям с сильным агрессивным потенциалом противопоставляются модели с исходными понятийными сферами «Мир растений», «Родство», «Дом», «Человеческое тело», которые акцентируют идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы, важность физического и морального здоровья, крепких корней и другие фундаментальные для русского национального сознания ценности. Конечно, и в этих моделях некоторые концепты способны продуцировать агрессивные образы (например, концепт «мачеха» в модели с исходной сферой «Семья»), однако подобные метафоры нетипичны для названных выше моделей. Точно также не все метафоры, соответствующие моделям со значительным агрессивным потенциалом, ориентированы именно на агрессию, но отдельные исключения не изменяют общей картины.

В специальной научной литературе неоднократно высказывалось мнение о связи повышенной метафоричности политического языка с кризисным состоянием сознания, с проблемной ситуацией в обществе и с поисками решения проблемы. Ярким подтверждением этой взаимосвязи служат статистические подсчеты, сделанные голландским ученым Х.де Ландшер на материале нидерландского политического дискурса на протяжении двух столетий. Данные этого исследования показали, что возрастание количества метафор в политическом дискурсе – признак кризисности политической и экономической ситуации (цит. по: А.Н. Баранов 2001, с. 252-254). А.Н. Баранов отмечает, что исследование выглядело бы еще более убедительным, если бы автор не только выявил типы метафор, но и оценил частотность различных метафорических моделей, выявил их воздействующий (возможно, конфликтный) потенциал (Там же, с. 254).

Метафора как «универсальный способ проявления бессознательного», с одной стороны, (Л.Б. Лебедева, 1999, с. 140) и как «отражающий процесс мышления когнитивный феномен» – с другой (А.Н. Баранов, 2001, с. 573) – может дать важную информацию о том, как в действительности воспринимается и осмысливается то или иное понятие (явление) говорящим (пишущим). Склонность к использованию конфликтных метафор характеризует конфликтное, кризисное мышление и свидетельствует о негативном восприятии и осмыслении предмета речи.

Усиление агрессивности политического языка в период выборов отмечают также М.Р. Проскуряков (1999), М. Ремезов (2000), И.В. Рогозина (2001), Е. Родионова (2000), А.А. Романов (1999) и другие исследователи.

Проведенный нами анализ агитационно-политического дискурса 1999-2000 гг. позволяет говорить о высокой степени его метафоричности. На основе методики случайной выборки было выделено по 10 текстов, соответствующих парламентским и президентским выборам, и выявлено общее количество используемых в этих текстах конфликтных метафор с исходной военной, криминальной и зоологической сферами. В политической ситуации «Парламентские выборы – 1999 г.» наиболее активными оказались зооморфные метафоры (22 единицы в 6 текстах), практически не уступают им военные образы (19 единиц в 7 текстах), чуть меньше криминальных метафорических словоупотреблений (10 единиц в 5 текстах). В политической ситуации «Президентские выборы – 2000 г.» наиболее активны милитарные метафоры (18 единиц в 10 текстах), затем зоологические образы (14 единиц в 8 текстах) и криминальные метафоры (11 единиц в 9 текстах).

Подобная смысловая наполненность политических текстов метафорическими выражениями, моделирующими российскую действительность в понятиях и образах войны, преступности и мира животных, характеризует агитационно-политический дискурс периода федеральных выборов 1999

г. и президентских выборов 2000 г. как содержащий агрессивный прагматический потенциал. По мнению А.К. Михальской, нельзя не учитывать «реальной социальной опасности речевой агрессии как первого шага на пути к агрессии физической, а также, что особенно важно, как явления, создающего у членов общества «агрессивный подход к действительности», а тем самым – агрессивную социальную среду» (А.К. Михальская, 1996, с. 160).

Итак, предвыборная борьба кандидатов в депутаты Государственной Думы и политическая борьба за пост Президента страны метафорически осмыслены в российском политическом дискурсе преимущественно как война, преступные разборки, звериная грызня. В подобных случаях происходит подмена реальной действительности моделью, «не всегда удачной, - по справедливому замечанию А.Н. Баранова, - и к тому же социально небезопасной в плане ее влияния на поведение человека» (А.Н. Баранов, 2001, с. 225).

В последующих разделах настоящего исследования ставятся задачи, во-первых, детально рассмотреть структуру и специфику использования в агитационно-политическом дискурсе федеральных выборов 1999-2000 гг. метафорических моделей с наиболее сильным агрессивным потенциалом, а во-вторых, выявить закономерности развертывания и взаимодействия указанных моделей в конкретных текстах.

Выводы по первой главе

1. Исследование процессов метафоризации в агитационно-политическом дискурсе периода федеральных выборов 1999-2000 гг. должно опираться на лучшие достижения теории концептуальной метафоры и теории регулярной многозначности. Такой подход позволяет рассматривать метафору как сложный вербально-образный комплекс, где образная система, концентрируя в себе существенные черты обозначаемого,

становится инструментом познания объектов действительности. В сознании носителей языка существуют метафорические модели - типовые схемы взаимосвязи понятийных областей, являющиеся образцом для возникновения новых вторичных значений.

2. Для описания функционирующих в агитационно-политическом дискурсе метафорических моделей необходимо охарактеризовать следующие их признаки: исходную понятийную область, новую понятийную область, типовые для данной модели сценарии, относящиеся к данной модели фреймы и составляющие их типовые слоты, а также компонент, связывающий первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц.

3. Метафорическое моделирование выполняет в агитационно-политическом дискурсе несколько функций: номинативную, когнитивную, коммуникативную, моделирующую, изобразительную и др. Одной из важнейших является прагматическая функция – воздействие на адресата, формирование у него необходимого говорящему мировосприятия. Возможность типового эмоционального воздействия на адресата метафорическими высказываниями составляет прагматический потенциал метафорической модели, который может быть различным (сатирическим, конструктивным, толерантным и др.), в том числе агрессивным, когда соответствующие данной модели метафоры возбуждают агрессивное состояние адресата, негативно представляют предмет речи, а также создают в предвыборном дискурсе образ агрессивной, враждебной политической реальности.

4. В агитационно-политическом дискурсе периода федеральных выборов 1999-2000 гг. можно выделить три активно функционирующие метафорические модели с наиболее сильным агрессивным прагматическим потенциалом: РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА, РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это КРИМИНАЛ, РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬ-

НОСТЬ – это МИР ЖИВОТНЫХ. Потенциал указанных моделей включает, во-первых, метафорическую характеристику политических действий как физической агрессии; во-вторых, метафорические инвективы; в-третьих, негативную оценку при помощи метафор различных денотатов из сферы политики и экономики.

ГЛАВА 2. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом дискурсе периода федеральных выборов 1999 – 2000 гг.

Основная задача настоящей главы – детально рассмотреть структуру и специфику использования метафорических моделей с наиболее сильным агрессивным прагматическим потенциалом в агитационно-политическом дискурсе периода федеральных и президентских выборов.

Подчеркнем: вопрос о классификации метафорических моделей является дискуссионным. К настоящему времени не сформировалась единая и общепризнанная классификация метафорических моделей, не определены жесткие критерии принадлежности к категории «модель», да и сама категория «метафорическая модель» не имеет объективно существующих строгих границ, в ней различаются ядро, приядерная зона, ближняя и дальняя периферия. Однако, по справедливому замечанию А.П. Чудинова, при решении проблем классификации метафорических моделей процесс значительно важнее, чем результат, поскольку позволит выделить хотя бы наиболее частотные и продуктивные модели, а также даст богатый материал для постижения общих закономерностей метафорического моделирования действительности (А.П.Чудинов, 2001, с.171-172). В настоящем диссертационном исследовании при описании и характеристике функционирующих в предвыборном дискурсе метафорических моделей мы будем руководствоваться теоретическими положениями и методикой, которые представлены в предыдущей главе.

Название метафорической модели дается в соответствии с исходной понятийной сферой и отвечает следующим требованиям:

- имя метафорической модели должно «иметь в виду» какой-то денотат, то есть допускать пространственную и временную локализацию;

- оно должно обладать ассоциативной «прозрачностью», то есть давать возможность видеть за ним состав данной модели;
- оно должно задавать ориентацию разворачиванию метафорической модели (Ю.Б. Феденева, 1999, с.46).

Основными свойствами метафорических моделей являются их способность к разворачиванию, взаимодействию с членами других моделей, системный характер. В монографии А.П. Чудинова (2001) выделены следующие наиболее важные для описания свойства метафорических моделей: иерархическое устройство (возможность выделить модель, «подмодель»), пересекаемость в некоторых фреймах и слотах (например, модели с исходными сферами «Война» и «Болезнь» пересекаются во фреймах «ранение», «смерть»), полевая структура (возможность выделить центральный концепт, элементы, относящиеся к центру или к периферии).

Анализируя предвыборный дискурс 1999-2000 гг., мы выделили ряд наиболее продуктивных моделей политических метафор с точки зрения их структурированности и частотности. Как уже отмечалось выше, рассматриваемые нами модели отличаются повышенным агрессивным прагматическим потенциалом.

2.1. Метафорическая модель РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это МИР КРИМИНАЛА.

В основе данной метафорической модели лежит представление современной российской политической действительности как преступного мира, где нет места цивилизованным отношениям между государством и гражданами.

Исходная понятийная область рассматриваемой модели, к сожалению, слишком хорошо знакома многим нашим гражданам и поэтому достаточно детально структурирована в их обыденном сознании. Когнитивный сценарий данной модели можно описать следующим образом: общество

делится на законопослушных граждан и разнообразных нарушителей закона; криминальный мир состоит из преступных сообществ (мафиозных кланов, семей, банд, группировок и т. п.), в которых существуют иерархические отношения между преступниками - членами этих организаций и свои совершенно особые законы. Преступники могут конфликтовать между собой как внутри группы, так и в масштабах района, города, области и даже страны. Основным видом деятельности криминальных организаций является незаконное приобретение денежных средств и материальных благ, борьба за власть и сферы влияния; в процессе своей деятельности преступники пренебрегают естественными правами граждан и существующими законами. Государство имеет силовые структуры для борьбы с преступностью, тюрьмы для изоляции от общества криминальных элементов. Но мафиозные структуры проникают даже в государственные органы, что препятствует искоренению преступности в обществе. В современной России, по мнению А.П. Чудинова, «на смену прежним социальным заблуждениям об отмирании преступности в мире побеждающего социализма в нашем обществе все шире распространяется миф о всемогуществе преступного мира, о преступлении как единственном средстве добиться справедливости и даже просто выжить, о России как стране преступников» (А.П.Чудинов, 2001, с.95).

Сформировавшиеся в массовом сознании концепты данной сферы легко ложатся в основу политической метафорики для структурирования и концептуализации понятийной области политики и экономики, для выделения в ней самого важного и необходимого, для эмотивной оценки ее элементов.

Типовое соотношение между областями сферы-источника рассматриваемой метафорической модели и областями сферы-мишени иллюстрирует следующая таблица.

Сфера-источник	Сфера-мишень
<p>1. Преступники и их специализация</p> <p>2. Преступные сообщества и их структура</p> <p>2.1. Сообщества (банда, шайка, семья, клан, группировка);</p> <p>2.2. Иерархические отношения в преступных сообществах (авторитет, пахан, важняк, крестный отец, вор в законе, подельники, братва, шестерки и пр.).</p>	<p>1. Политические деятели</p> <p>2. Политические и государственные организации и их структура:</p> <p>2.1. Политические организации (партия, блок, движение, союз);</p> <p>2.2. Отношения внутри полит. организации (лидеры, члены партии);</p> <p>2.3. Государственные, властные структуры (правительство, парламент, министерства и пр.)</p> <p>2.4. Иерархические отношения на государственном уровне (президент, члены правительства, министры, губернаторы и пр.).</p>
<p>3. Преступные действия</p> <p>3.1. Преступления против государства;</p> <p>3.2. Преступления против собственности;</p> <p>3.3. Преступления против личности.</p>	<p>3. Политические действия:</p> <p>3.1. Избирательная кампания;</p> <p>3.2. Управленческая, законодательная деятельность;</p> <p>3.3. Поддержание и сохранение имиджа, самореклама.</p>
<p>4. Жертвы преступников (лохи, заложники, терпилы)</p>	<p>4. Избиратели (народ, простые граждане)</p>

<p>5. Быт, экипировка, орудия деятельности преступников:</p> <p>5.1. Место сбора (притон, малина);</p> <p>5.2. Орудия (нож, пистолет, отмычка и пр.);</p> <p>5.3. Экипировка (маска, перчатки).</p>	<p>5. Политическая жизнь в стране:</p> <p>5.1. Места сбора политических и государственных деятелей (Дума, Кремль, мэрия и пр.);</p> <p>5.2. Средства агитации, пропаганды, взаимодействия с гражданами страны (пресса, телевидение, радио и пр.)</p>
<p>6. Места лишения свободы и их обитатели.</p> <p>6.1. Места лишения свободы (лагерь, тюрьма, зона, камера и пр.);</p> <p>6.2. Обитатели (лагерники, зеки).</p>	<p>6. Россия как правовое государство</p>
<p>7. Быт в местах лишения свободы.</p>	<p>7. Взаимоотношения политических деятелей</p>
<p>8. Милиция, охрана, наказание преступников.</p>	<p>8. Судебная система</p>

Как показывает анализ криминальных метафор в политическом дискурсе, в процессе метафоризации происходит взаимодействие практически всех выше названных источниковых фреймов с целевыми фреймами политики и экономики.

Так, в первом и четвертом фреймах сферы-источника осуществляется перенесение содержания в соответствующие фреймы сферы-мишени: политики и государственные лица метафорически представляются в полити-

ческом дискурсе как *шулеры, гангстеры, убийцы, душегубы* и т.п., а простые граждане – как жертвы преступных действий (*лохи, заложники*).

Слоты второго фрейма «Преступные сообщества и их структура» активно взаимодействуют с фреймом «Политические и государственные организации и их структура». В процессе такого взаимодействия происходит свертывание целевого фрейма к двум слотам, соответствующим источниковому фрейму, а затем – перенесение содержания из одного слота в другой. В результате, российское правительство метафорически представляется в политическом дискурсе «*мафиозной семьей, кланом, бандой*»; политические партии и движения – «*бандитскими группировками*», государственные лица и лидеры партий – «*крестными отцами, паханами, авторитетами*» и т.п.

Слоты третьего фрейма-источника взаимодействуют со всеми слотами целевых фреймов «Политические действия» и «Экономическая деятельность». Так, в криминальных метафорах политические действия властных структур по управлению страной переосмыслены как *рэкет, грабеж* и *воровство*. Сами политики предпочитают силовое воздействие друг на друга и на подчиненных им людей: «*прессовать, прижимать, мочить, насилловать*» и т.п., или обманные действия: «*разводить, кидать, динамить*». Особенно активизируются слоты силовых и обманных действий во время метафоризации политической деятельности, связанной с избирательной кампанией. Криминальная метафора показывает, что политического оппонента можно «*заказать киллеру, замочить, урыть, похоронить*», «*наехать на него*», «*подставить, обуть*», а избирателя – «*утрамбовать, изнасиловать*».

В сфере политики новым содержанием наполнился слот «Средства агитации и пропаганды»: теперь это главное орудие – «*оружие*» деятельности в новых («криминальных») политических взаимоотношениях. Результатом такого метафорического переосмысления роли СМИ в полити-

ческой жизни страны стало переструктурирование фрейма «Политические деятели» – введение в него нового слота «Журналисты, телеведущие».

Содержание шестого и седьмого фреймов сферы-источника обычно переносится в первый, четвертый и шестой фреймы политики: наша страна метафорически характеризуется как *тюрьма, лагерь, зона*, а ее граждане – как *лагерники и зеки*.

Слоты последнего фрейма «Милиция и наказание преступников» могут взаимодействовать с целевыми фреймами – «Политические деятели», «Политические действия». В таких криминальных метафорах политики сравниваются с *палачами и надзирателями*, а политические действия – с *наказанием, казнью, помилованием, розыском* и пр.

Рассмотрим подробнее, состав фреймов и слотов метафорической модели **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это МИР КРИМИНАЛА**.

1. Фрейм «Преступники и их специализация»

Анализ криминальных метафор, составляющих данный фрейм, показывает, что в современном политическом дискурсе граждане России, экономические организации, правительственные структуры метафорически представляются как преступники. Журналисты, например, часто представляются в образе киллеров – профессиональных наемных убийц.

Ср.: *Поэтому «информационные киллеры», работающие на ОРТ, проигрывая суд за судом, успевают все же выполнять заказы своих хозяев на дискредитацию людей, партий или общественных движений (Ю.Скуратов // РГ.2000. №52.). Я обращаюсь прежде всего к тем, кто делает свой выбор в последний момент, под влиянием нанятых олигархами телевизионных и газетных «киллеров» (Г.Зюганов // РГ. 2000. №52.). И тем не менее дети начали писать в школьных сочинениях «Хочу стать телекиллером» (О. Костенко-Попова // АиФ. 2000. №23.). Телевизионному киллеру Дорен-*

ко, по слухам, заплатили 1,5 миллиона долларов (Е.Егорова // МК. 1999. №43.).

По словам Е.И. Шейгал, в дискурсе масс-медиа журналисты выступают в качестве посредников между политиками-профессионалами и массовой аудиторией непрофессионалов. Поскольку население дистанцировано от правительства и не может непосредственно наблюдать процесс принятия решений, касающихся общественной жизни, журналисты-«рассказчики» о политике и политиках являются своеобразными «агентами влияния», способствующими формированию общественного мнения (Е.И. Шейгал, 2000, с. 25).

Таким образом, популярные журналисты и телеведущие могут активно участвовать в политической деятельности, добиваясь определенных результатов (положительных или отрицательных) в зависимости от преследуемых целей. Дискредитация политического деятеля в СМИ может скомпрометировать его в глазах избирателей, повредить его политической карьере. Во время избирательной кампании 1999 –2000 гг. заметно активизировалась деятельность журналистов по сбору и выбросу компромата, сплетен и клеветы, что, в свою очередь, привело к рождению выше приведенных криминальных метафор.

Уподобление газетчиков и телевизионных ведущих киллерам – наемным убийцам – достигается актуализацией нескольких сем: «выполнение чьего-то приказа», «причинение серьезного ущерба неугодному лицу», «получение материального вознаграждения за свои действия». Названные семы поддерживаются контекстуально: «*выполнять заказы*», «*нанятых*», «*заплатили 1,5 миллиона долларов*».

Данные метафорические высказывания содержат агрессивный прагматический потенциал, о чем свидетельствуют следующие знаки вербальной агрессии:

Во-первых, специализированные знаки агрессии в политическом дискурсе – маркеры «чуждости». Так, указание на наличие у объектов метафоризации *«своих»* хозяев» приводит к их отделению в ранг «чужих», дистанцированию от автора и адресата высказывания.

Во-вторых, пояснение «нанятых *олигархами*» придает всему метафорическому выражению крайне негативную эмоциональную оценку, так как, по словам Е.И. Шейгал, «в последнее время резко эволюционировало в сторону политического ругательства слово *олигарх*, ставшее, по сути дела, синонимом выражения «враг общества №1» (Е.И. Шейгал, 2000, с. 143). А подтекст «нанятые врагом» поддерживает маркирование чуждости.

И, в-третьих, сама метафорическая номинация журналистов как информационных и телевизионных киллеров, неоднократно встречающаяся в современном политическом дискурсе, становится уже политическим ярлыком, который «используется не столько для характеристики денотата и отнесения его к классу, сколько для обвинения в опасных для общества свойствах» (Е.И. Шейгал, 2000, с. 133). Ярким примером, подтверждающим данное суждение, является недавно появившееся в политическом дискурсе абстрактное существительное *«киллерство»* для обозначения явления, ставшего новой реалией российской политической жизни.

Ср.: *Скучная-де президентская кампания – ни скандалов особенных, ни стычек, ни информационного киллерства* (И.Петровская // Изв. 2000. №55.).

Итак, прагматические смыслы, формируемые рассмотренными метафорами, можно сформулировать следующим образом: в нашей стране СМИ продажны, телевизионные ведущие и журналисты абсолютно беспринципны и готовы за хорошую оплату оклеветать кого угодно; успеха в политической борьбе добивается тот, кто имеет много денег (олигарх = враг = «чужой») и может за эти деньги покупать СМИ и навязывать избирателям выгодную для него информацию сомнительного характера.

Продолжим обзор метафорических выражений данного фрейма. В качестве преступников в современных политических текстах часто выступают руководители государственных структур, производственных предприятий, банков и т.п. Ср.: *Сегодня, в сущности, руководство государства мафиозное: порой такое ощущение, что Кабинет министров – «сборище бандитов», которые регулярно собираются, чтобы обсудить, что как поделить, с кем свести счеты и кого запугать* (К. Маркарян // КП. 2000. №68.).

Государство больше похоже на рэкетира, чем на цивилизованного заемщика (А. Денисов // МН. 1999. №43.). *Г. Георгиев получил прямое указание на «отстрел» политических противников и ведет себя как настоящий гангстер* (П. Ветров // Европа-Азия. 2000. №2.). *В ближайшее воскресенье Лужков с Примаковым предстали перед телезрителями вновь в роли убийц и душегубов – на сей раз свободы слова* (Е. Егорова // МК. 1999. №47.). *После окончания кампании с Чечней одним из главных вопросов должна стать борьба с мафией, возврат денег бедным и обездоленным людям за счет полной конфискации денег и имущества у коммерческих фирм – воров и жуликов* (А. Извеков // КП. 2000. №61.). *Пока что наиболее крупная дичь, на которую открыл охоту Международный валютный фонд, это европейский банковский гигант, окрещенный в международных финансовых кругах «головорезом» за свои смелые операции в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе* (М. Стурца // Изв. 2000. №51.).

В метафорическом представлении государства как *рэкетира*, коммерческих фирм как *воров и жуликов*, журналистов как *шулеров* актуализируются ассоциативные семы «обмана», «наживы» и «противозаконности» производимых данными объектами действий. Актуализация периферийных сем «опасности», «угрозы», «вреда» при метафорическом использовании концептов *бандиты, убийцы, душегубы, гангстер, головорез* оживляет многочисленные отрицательные ассоциативные признаки, связанные с

этими понятиями. Средством выражения агональности помимо используемой пейоративной лексики, обозначающей отступления от социальных норм, является контекстуальная поддержка криминальных метафор путем пояснения, развертывания метафоры в тексте, противопоставления или сопоставления ее с другим, положительным, явлением.

Типичные прагматические смыслы метафор этой группы - в нашей стране люди, находящиеся у власти (политической или экономической), презирают законы и готовы пойти на все ради своей выгоды, что может прямо или косвенно угрожать интересам простых граждан.

Итак, денотативная область функционирования метафор первого фрейма достаточно разнообразна: политические деятели, система управления, экономика, финансовые структуры. Прагматический потенциал большинства метафорических выражений содержит высокую степень вербальной агрессии, так как «криминальное» представление предмета речи вызывает в адресате состояние тревожности и недовольства существующим положением дел, приводит к отстранению и отчуждению простых граждан от политиков, что не способствует гуманизации общения.

Для сравнения хотелось бы привести пример того, как же в политическом дискурсе метафорически характеризуются настоящие преступники. Оказывается, такие метафоры могут содержать как негативные, так и вполне положительные коннотации в зависимости от того, о ком идет речь. Так, за чеченскими террористами закрепилась бранная инвектива *отморозки* – люди, лишённые каких-либо эмоций и моральных принципов, а для своих представителей мафиозных структур используется преимущественно лексика современного блатного жаргона – *братки, конкретные пацаны, крутые парни* и т.п. Ср.: *В отличие от «кровавого араба» Хаттаба, Руслан Гелаев пользуется репутацией «отморозка с понятиями»* (С.Герасименко // КП. 2000. № 45.).

Покончим ли мы с «отморозками» к пятнице? (о Чечне) (С.Герасименко // КП. 2000. №48.).

В ноябре прошлого года наша газета писала о том, как «братки» вышибают «дурь» из наркоманов Екатеринбурга. Там «конкретные пацаны» взяли в свои руки борьбу с наркоторговцами, обвиняя власть в бездействии (Ю. Снегирев // КП. 2000. №45.).

2. Фрейм «Преступные сообщества и их структура»

При анализе данного фрейма можно выделить два основных слота: первый включает наименования преступных сообществ, а второй - специфику отношений внутри этих сообществ.

Слот 2.1. Преступные сообщества

Метафоры этой группы представляют политические и правительственные структуры в качестве различных преступных (мафиозных) объединений. Ср.: Банда Ельцина прячет на Кавказе концы в воду (В. Анпилов // АиФ. 1999. №45.). На сцену был выпущен Кириенко с единственной целью – обратить многонулевые пустые бумажки в реальные доллары, что и было проделано в очередной, последний раз околоельцинской бандой сразу же после очередного транша. Масштабы грабительской дележки застилали глаза, и руководящая шайка даже не позаботилась о том, кто будет продолжать игру (В. Воробьев // МК. 2000. №13.).

Но к весне 1999 года самые информированные российские финансисты и политигроки уже твердо знали: за молодым замминистром финансов стоит кремлевская «семья» (М. Ростовский // МК. 2000. №26.). У многих лиц, приближенных к «семье», нет ни совести, ни достоинства (Ю. Скуратов // АиФ 1999. №35.). В. Путин – лишь послушное орудие в руках «семьи». Под угрозой шантажа он (Путин) будет вынужден исполнять волю «семейного политбюро» (Т. Нетреба, В. Цепляев // АиФ 2000. №7.). Очевидно, что среди избирателей найдет живой отклик предло-

жение Явлинского покончить с властью криминально-олигархического клана (И. Кравченко // КП. 2000. №43.).

Путин должен будет продемонстрировать, насколько он способен абстрагироваться от «ельцинского клана» (М. Чикин // КП. 2000. №16.). В России укрепился криминально-номенклатурный политический режим, опирающийся на олигархические кланы, которые приватизировали государственную власть, а через нее – и бывшую гос. собственность (В.Лукин // КП. 2000. №14.). Скажем, патриотическое движение отвергает в своей пропаганде как лужковскую, так и кремлевско-путинскую группировку (А. Проханов // АиФ. 1999. №45.). А премьеры – люди подневольные и просто обреченные на лавирование между кремлевскими группировками (М. Ростовский // МК. 2000. №26.).

Итак, как видим из приведенных примеров, денотативная сфера функционирования метафор рассматриваемого слота довольно ограничена – это в основном российское правительство, окружение президента, реже политические объединения. Метафорическое использование криминальных концептов *клан, семья, группировка, банда, шайка* для номинации государственных и политических объединений основывается на общности нескольких семантических компонентов:

1. единство, группа;
2. общие интересы;
3. структурированность.

Актуализируются также некоторые периферийные и факультативные семы – «взаимовыручка и, как возможное следствие, покровительство», «многочисленность, но в то же время избранность», «преданность интересам коллектива», «наказание непослушных членов группы».

Проанализируем агрессивный прагматический потенциал метафорических высказываний. Резкую негативную оценку выражают инвективы *банда, шайка*, характеризующие руководство страны. Сильный агрессив-

ный заряд данных инвектив связан с яркой коннотацией грубости и неуважения к предмету речи. Конфликтный потенциал остальных метафорических выражений проявляется не так ярко. По словам Е.И. Шейгал, основным логическим приемом вербальной агрессии в политическом дискурсе выступает маркирование чуждости, в оппозиции «свой – чужой» агрессия всегда направлена против чужих (Е.И. Шейгал, 2000, с. 143-144). Подчеркивая «семейственность» правительственных и политических объединений, авторы метафор ставят себя и адресата в оппозицию к предмету речи.

Существуют и контекстуальные средства агональности, поддерживающие противопоставление «свой – чужой» в рассматриваемых примерах.

Во-первых, относительные и притяжательные прилагательные *кремлевские, кремлевско-путинская, олигархические, криминально-олигархические, ельцинские, лужковская*. Перечисленные определения выполняют функцию маркеров чуждости, так как указывают на принадлежность предмета речи определенным лицам или его отнесенность к определенным – «не нашим» - структурам.

Во-вторых, манипуляции с именем (употребление без инициалов, образование прилагательных, сочетающихся с криминальной лексикой) приводят к умалению значимости упоминаемых лиц, их принижению и унижению, что, в свою очередь, оборачивается отчуждением предмета речи от автора и адресата.

И в заключение отметим, так как в метафорических выражениях подразумеваются криминальные (мафиозные) *семьи, группировки и кланы*, актуализируются ассоциативные признаки силы, опасности и угрозы, формирующие негативные прагматические смыслы – у власти находятся преступные сообщества, вся государственная система коррумпирована.

Слот 2.2. Иерархические отношения в преступных сообществах

Метафоры данного слота показывают иерархическую структурированность политических организаций по аналогии с иерархическими отношениями в преступных сообществах. Ср.: *Как бы многим премьер не был обязан Березовскому своим восхождением, он – буквально в первые же недели своего президентства – вынужден будет отмежеваться от своего крестного отца* (В. Костиков // МН.1999. №49.).

Если бы избиратели поддержали нас тогда более решительно, последние 4 года страной управляли бы ответственная власть, правительство народного доверия, а не самодурствующий «крестный отец» вконец разложившейся «семьи» олигархов и коррумпированных чиновников (Г. Зюганов // Рос.газета. 2000. №50.).

Должность спикера Государственной Думы, которую Селезнев занимал все четыре года и с которой блестяще справлялся, позволила ему действовать независимо от своего партийного босса (Е. Анисимов // КП. 2000. №2.).

Должности «пахана» в подмосковном городке он предпочел карьеру в государственной французской компании (Н. Паклин // Рос.газета. 2000. №17.).

Объекты метафорической номинации – важные политические деятели. Устойчивое сочетание *крестный отец* в исходной криминальной сфере обозначает хозяина мафиозной группировки, оказывающего ей защиту и покровительство и получающего значительную часть выручки, но при этом находящегося в стороне от ее деятельности. Указанное сочетание содержит следующие коннотативные компоненты значения: «уголовный мир, жестокость, смерть, беспредел; влияние и богатство», часть из них лежит в основе метафорического переноса в политическую область. Негативное воздействие приведенных контекстов на адресата осуществляется путем ассоциирования предмета речи с недоступным и действующим

безнаказанно руководителем банды преступников. В результате формируются типичные прагматические смыслы – у власти (в государстве, в его регионах, на отдельных предприятиях и т.п.) находятся криминальные группировки, преступные сообщества, в которых всё иерархически структурировано, все члены связаны между собой общими интересами, совместной деятельностью и всегда готовы покрывать друг друга.

3. Фрейм «Преступные действия»

В данном фрейме мы выделили несколько слотов в зависимости от целей, результатов и особенностей называемых действий.

Слот 3.1. Действия в целях незаконного обогащения

Метафоры этого слота характеризуют государственную, политическую и экономическую деятельность как *грабеж, воровство, рэкет и мошенничество*.

Ср.: *К власти крадутся, чтобы красть не крадучись (Л. Леонов // АиФ. 2000. №20).* *Мы должны лишить Центр права грабить нашу нефть (Б Ельцин // АиФ. 2000. №1-2).* *Не акулы капитализма нас грабят, а неумехи-чиновники привели страну к баснословным потерям (В. Кузьмищев // Рос.газета. 2000. №78.).*

Можно и дальше грабить предприятия, умудрившиеся выжить, можно драть три шкуры с населения за коммунальные услуги... (И. Ковпак // Рекламная брошюра. 1999). *Большевики пошли еще дальше – они сделали тотальный грабеж государственной политикой (Г. Явлинский // КП. 2000. №46).* *Власть устанавливает грабительские налоги (Л. Телень // МН. 1999. №43).* *В годы пореформенные были напрочь забыты правоохранные функции уполномоченных на то структур и их место заняли два типа рэкета – государственный и собственно бандитский (А. Колесников // Изв. 2000. №46.).*

При метафорической характеристике государственной деятельности с помощью лексем *грабить*, *грабеж*, *грабительская*, *рэкет* актуализируются семы «разорять», «обогащаться силой», «присваивать чужое имущество». Кроме того, данные лексические единицы нагружены негативными оценочными коннотациями, которые оживляют ассоциативные признаки грубости, насилия, агрессии. Поддерживает агональность оппозиция «свои – чужие», которая выражена маркерами чуждости – личными и притяжательными местоимениями *нас (грабят)*, *нашу (нефть грабят)*, а также противопоставлением *власть, чиновники*, с одной стороны, и *население, предприятия*, с другой. В результате формируются следующие прагматические смыслы: государственные служащие («*неумехи-чиновники*») и представители власти, пользуясь своими полномочиями, наносят значительный ущерб населению, предприятиям – настоящим труженикам; обогащаются за чужой счет.

Следующие контексты продолжают финансовую тему.

Ср.: *Благодаря В.В.Кириллову из России уходили и «отмывались» сотни миллионов долларов (А. Бессонов // КП. 2000. №48.). Павла Бородину обвиняют в «отмывании» незаконно полученных средств (Л Ионова // КП. 2000. №61.). Сталин ездил в Стокгольм «отмывать» партийные деньги (Н.Грачева // КП. 2000. №61.). Починок отмывает «черный нал» через быка Ваську (Е.Колядина // КП. 2000. №80.). Не трудно сосчитать, сколько валюты «отстеживает» свирское предприятие государству: закон оставляет экспортерам одну четверть валютной выручки (Т.Ковальская // Рос.газета. 2000. №95.). Одного из нечистых на руку высокостоящих госслужащих предприниматели в своем кругу кличут «Мистер 2%» – то есть с любой завизированной им сделки ему полагается «отстегнуть» два процента (А.Куликов // МК. 2000. №34.). Когда Жорес Алферов стал депутатом Госдумы, первое, что он сделал, - стал «выбивать» из каждого*

премьер-министра деньги на создание научно-образовательного центра при Физтехе (И.Боброва // МК. 2000. №43.).

Выражения *выбивать, отмывать деньги* относительно новые в политическом языке и заимствованы из жаргонной речи. Образовались названные жаргонизмы для обозначения новых понятий, появившихся в российском криминальном мире в связи развитием преступного бизнеса, и уже из сферы криминала перешли в область политики и экономики для характеристики политических, экономических и финансовых взаимоотношений государственного уровня.

Типичные прагматические смыслы, формируемые метафорами этой группы, можно сформулировать следующим образом – экономические организации даже государственного уровня используют преступные способы ведения финансовых операций, денежные отношения связывают политиков с криминальными структурами, власти не заботятся о развитии российской экономики, что приводит к ухудшению экономической ситуации в стране.

Слот 3.2. Действия, направленные на причинение ущерба.

В состав этого слота входят наименования разнообразных действий, ориентированных на причинение объекту того или иного ущерба. Соответствующие обозначения заимствованы преимущественно из криминального жаргона. Ср.: *Правда ходят упорные слухи, что постоянные «наезды» Кремля на Е. Примакова организывает конкретно-исполнительный секретарь СНГ Б. Березовский (К.Сергеев // АиФ 1999. №6.). Информационно-чиновничий «наезд» на Семенова чрезвычайно симптоматичен (М.Текеев // КП. 2000. №71.). И ни единожды Бородин не уронил себя в глазах избирателей «наездом» на соперника, неуважительной оценкой его деятельности (Д.Говоров // МН 1999. №48.). И действительно, ждать пришлось недолго – уже весной на Громова впервые серьезно «наехали»*

друзья прежнего губернатора А. Тяжлова из «Гута-банка» (О. Герасименко // КП. 2000. №68.). Избирательная кампания 2000 года рискует войти в историю Кольского полуострова как одна из самых грязных и разнузданных политических «разборок» между действующей администрацией и оппонентами (С.Корнилов // КП. 2000. №51.). Мне бы хотелось, чтобы и в России, и в Белоруссии взаимодействие оппозиции и власти, законодательных и исполнительных органов строилось бы на конструктивной основе, не превращалось бы в мордобой (С.Степашин // МН. 1999. №46.). Увы, но когда дело доходит до политических разборок в столице, стиль поведения Путина меняется так, что можно подумать, что речь идет о двух совершенно разных людях (М.Ростовский // МК. 2000. №26.).

Жаргонизмы *наехать – наезд, разборка* активно используются в криминальной речи. Они обозначают процесс выяснения отношений между преступниками путем применения физической силы или оружия, в результате возможны убийства, ранения людей. Перенесение этих концептов в сферу политических и экономических отношений приводит, как и в слоте 3.1, ко вторичной метафоризации. В исходных понятиях элиминируется сема «физическое уничтожение», и на первый план выходит значение «конфликт, разбирательство». При этом актуализируются фоновые семы «грубости, жесточенности, нецивилизованности», сохраняется негативная оценка, вызванная ассоциациями с криминальным характером явления, применением насилия.

В переносных значениях глаголов *урывать, утрамбовать, удушить, прессовать, прижать, мочить* и пр. содержится общий семантический компонент «силовое воздействие» и агональные коннотации, что позволяет метафорически представлять деятельность политических лиц в негативном плане как целенаправленную агрессию. Ср.: *Дело в том, кто из некоммунистов кого глубже урует* (Д.Орешкин // МН. 1999. №44.). Главное для Ле-

беда – давай деньги, а избирателя утрамбуем (Д.Орешкин // МН. 1999. №44.).

Женщина – вице-премьер и вела себя как истинная женщина. Впадала в истерику, «прессовала» попавших под горячую руку подчиненных (М. Соколов // Изв. 2000. №43.). Ельцин «прессовал» Путина до тех пор, пока тот не сказал «да» (С. Бабаева // Изв. 2000. №1.).

Нас на заседании Думы чуть не изнасиловали. Мы едва убежали (С. Говорухин // АиФ. 2000. №4.).

Коммунисты 6 лет «мочили» Б. Ельцина и его «антинародный режим» (Там же). Березовского решили «замочить»? (О. Вандышева // КП. 2000. №69.). В.Жириновский, не выбирая, как всегда, выражений, «мочил» Примакова, вспоминая его работу в службе внешней разведки и Министерстве иностранных дел (А. Вартаков // Труд. 1999. №183.).

Криминальный жаргонизм *мочить* (*замочить*) содержит такие коннотативные компоненты значения, как «уголовный мир, преступление; опасность, кровь», которые в результате переноса в сферу политики становятся неактуальными, но сохраняют связанные с данным понятием негативные ассоциации и отрицательную оценочность.

Слот 3.3. Обманные действия

Обманные действия - один из основных способов обогащения преступного мира, а поэтому соответствующая лексика широко представлена в жаргоне, который служит источником следующих политических метафор. Ср.: Тогда Волошин «кинул» и Чубайса, сорвав его встречу с Ельциным (А.Будберг // МК. 1999. №42.). Зюгановская Дума «кинула» читателей «Комсомолки» (А. Баринков // КП. 2000. №12.). Джордж Сорос предложил МВФ «кинуть» Россию (А.Бузин // КП.2000. №18.).

Олигархи «разводят» премьеров (А. Неринков // МК. 2000. №27.). Весной прошлого года Ельцин «продинамил» председателя правительства Испании Х.М.Аснара, заставив недоуменно ждать уже назначенной

встречи, демонстративно уехав в загородную резиденцию (Е. Умеренков // КП. 2000. № 56.).

Напрашивается и еще одна версия происходящего: не пытаются ли прямые конкуренты Зюганова «подставить» Геннадия Андреевича, упомянув его имя в странной истории, напрямую выходящей на криминал? (Д.Надеждин // КП. 2000. № 41.).

Как «Комсомолка» обула Вовку Путина (А.Теребунов // КП. 2000. №67.).

Займованные из уголовного жаргона глаголы *кинуть, обуть, подставить, продинамить, развести* используются в политическом дискурсе в значении «обмануть, подвести, поступить нечестно, причинить ущерб своими действиями, доставить неприятности» и характеризуют политическое или финансовое взаимодействие субъектов политики, экономики, СМИ.

Итак, как показывают приведенные примеры, денотативная сфера функционирования метафор фрейма «Преступные действия» очень широка, она охватывает деятельность органов политического управления, партий, движений, а также экономику и финансы. Слова, займованные из уголовного жаргона, тянут за собой шлейф соответствующих ассоциаций и, обозначая политические реалии, вызывают представления об уголовном мире, жестокостях и преступлениях.

4. Фрейм «Жертвы преступников»

В данном фрейме как жертвы преступных действий (*заложники, пострадавшие*) метафорически представляются политики и обычные граждане страны.

Ср.: Явлинский, Примаков, Кириенко и Степашин внезапно оказались в оппозиции и больше не желают быть заложниками таких «сюрпризов» власти (А.Кабанников // КП. 2000. №10.).

Тогда наша страна будет гарантирована от опасности вновь стать заложницей властных амбиций Президента и его ближнего окружения (Ю.Скуратов // Рос.газета. 2000. №52.).

Россия похожа на Америку, хотя бы в том, что мы тоже потихоньку становимся заложниками законов (Е.Баюн // МК 1999. №45.).

Сегодня в стране много таких же, как мы – специалистов-менеджеров, работников предприятий, - ставших жертвами «грабежа среди бела дня» (Д. Хайдаров // КП. 2000. №33.).

Денотативная сфера метафор этой группы – российские граждане: как простое население, так и политические лица. Метафорический перенос осуществляется вследствие актуализации семы «пострадавший от чьих-либо действий».

Контекстуальными средствами выражения речевой агрессии являются, во-первых, оппозиция «власть – российские граждане», во-вторых, личные местоимения *мы, такие же как мы*. Названные средства поддерживают агональность политического дискурса, так как содержат компонент дистанцирования: в контекстах происходит как бы мысленное очерчивание круга, отделяющего своих (автора и адресата) от чужих (предмета речи).

Типичные прагматические смыслы можно сформулировать следующим образом – российское государство не заботится о своих гражданах, поэтому население часто страдает от жестоких и несправедливых действий властей.

5. Фрейм «Быт, экипировка и орудия деятельности преступников»

Этот фрейм составляют такие слоты, как «жилье, место сбора преступников», «орудия совершения преступления», «экипировка». Денотатами таких метафорических словоупотреблений являются различные инст-

рументы и необходимые составляющие политической и экономической деятельности. Ср.: *Волею судеб в касьяновской епархии оказался один из самых лакомых минфиновских «малинников» (М. Ростовский // МК. 2000. №26.).*

Владивостокцы знают, что именно при Черепкове эффективность управления была гораздо выше, чем до и после него, потому что городской бюджет не был общаком братвы, для которой нынешняя власть служит «крышей» (Т. Нетреба // АиФ. 2000. №11.). Милицейский общак – клуб МВД имени чекиста Менжинского (Р. Ахмирова // КП. 2000. №19.).

Предпринимателей не устраивают налоговая дубинка и силовая удавка (В. Гончаров // КП. 2000. №70.).

Даже части этих денег нам вполне хватило, чтобы выйти из кризиса, избавиться от «удавки» МВФ (Ю. Скуратов // Рос.газета. 2000. №52.).

Но верность никогда не была сильной стороной Владимира Яковлева – после «ножа в спину Собчака» он сразу же нарушил коалиционные обязательства с «Яблоком» (В. Волошина // МН. 2000. №2.).

Метафорические словоупотребления, относящиеся к данному фрейму, формируют у адресата представление о проникновении криминальных отношений во все сферы жизни современного российского общества.

6. Фрейм «Места лишения свободы и их обитатели»

Слот 6.1. Места лишения свободы

Для характеристики нашей страны здесь метафорически используются понятия, связанные с местами заключения преступников: *тюрьма, лагерь, зона, камера, неволя* и пр.

Ср.: *Я тоже из-за рубежа всегда бежал в свой «лагерь», который занимал 1/6 часть суши и назывался СССР (И. Изгаршев // АиФ. 2000. №8.).*

Россия никогда не отпустит Чечню на волю (Е. Анисимов // КП. 2000. №33.).

На очереди в Бутырку стоят другие олигархи (Л. Коробков // МК. 2000. №27.).

Слот 6.2. Быт в местах лишения свободы

Источником метафорических выражений становятся концепты, связанные в представлении носителей языка с жизнью заключенных в тюрьмах и лагерях: *нары, кандалы, оковы, баланда, колючая проволока и т.п.*

Ср.: В каком-то смысле каждому россиянину хоть раз стоит почувствовать под собой нары (А. Муждаба // МК 2000. № 136.).

Можно прогнозировать плавное отлучение олигарха от кремлевского двора, чтобы он не стал «кандалами» на ногах своего хозяина (Т. Нетреба // АиФ. 2000. №1-2.).

Вице-губернатор и девять воров в законе идут париться на нарах (В. Цепляев // АиФ. 1999. №33.).

Основные денотаты метафорических выражений этого фрейма – Россия как государство и граждане этого государства. В словоупотреблениях актуализируется сема «силового контроля» и формируются прагматические смыслы об отсутствии в современной России совершенной системы демократических прав и свобод.

7. Фрейм «Милиция и охрана правопорядка (наказание преступников)»

Метафоры данного фрейма представляют государственные структуры как карательные органы, а связанных с ними деятелей – как палачей и надзирателей.

Ср.: Напуганная региональная элита сама придумывает варианты казни. А Кремль милостиво выберет наилучший (П. Акопов // Изв. 2000. №46.).

Вешняков и К. стали единственными верховными арбитрами, имеющими возможность решать – какие объединения казнить, какие – миловать (Е. Баюн // МК 1999. №45.).

Ельцин – извращение человечества, погубил свою Родину-мать, казнил свой народ, который в каждый год ельцинского ига уменьшался на миллион человек (В. Николаев // Рос.газета. 2000. №127.).

А одна из карикатур на Бориса Ельцина была под стать тем, которые рисовал на «кровавого палача» Тито знаменитый советский карикатурист Борис Ефремов (Н.Паклин // Рос.газета. 2000. №17.).

2 марта газета областной администрации «Молодой коммунар» напечатала призыв разгневанных жителей района ко всем воронежцам: завалить Кремль требованиями отозвать своего «надзирателя» (Р. Ахмедов // Изв. 2000. №42.).

Полковнику юстиции Сергею Малышеву помогли три «важняка» – Геннадий Минин, Николай Чистяков, Сергей Хазов и другие коллеги (Ю.Васильев // Рос.газета. 2000. №58.).

Эта организация (ФАТФ), как показало время, отнюдь не горела желанием помогать России в розыске и возвращении наших «беглых» капиталов (Н.Козлова // Рос.газета. 2000. №127.).

Денотативная сфера функционирования метафор преимущественно охватывает область политики, государственной деятельности, реже – сферу экономических отношений.

При метафорической характеристике деятельности властей лексемами *казнь, казнить* происходит элиминация семы «физическая смерть» и актуализируются ассоциативные семы «жестокости наказания», «невозможности дальнейшего развития, существования (конец карьеры)».

Контекстуальная поддержка вербальной агрессии развивается противопоставлением «палач – жертва», где в роли палача выступают государственные структуры, политические деятели, а в роли жертвы – народ, предприятия, объединения.

Прагматические смыслы можно сформулировать следующим образом – в России по-прежнему опасно жить, работать, заниматься честным биз-

несом, так как безопасность и защищенность граждан зависит от того, кто в данный момент находится у власти.

Итак, мы рассмотрели метафорическую модель **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ** – это **МИР КРИМИНАЛА**. Как показал анализ криминальных метафор, для данной модели характерно преобладание агрессивного прагматического потенциала в составляющих ее контекстах. Концептуальные векторы тревожности, опасности, агрессивности, противоестественности существующего положения дел пронизывают рассмотренные примеры метафорических выражений. Используемые в политическом дискурсе криминальные метафоры, проводя аналогию между политическими и экономическими отношениями, с одной стороны, и преступными действиями, с другой, вызывают и/или поддерживают агрессивное состояние адресата формированием негативных прагматических смыслов.

2.2. Метафорическая модель **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это **ВОЙНА****

По словам А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, авторов словаря «Русская политическая метафора», наиболее распространенным способом восприятия, осмысления и оценки новейших политических реалий стала антигуманистическая метафора войны (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, 1991, с. 62). Исследователи называют это явление «концептуальным милитаризмом», высвечивающимся из метафор, и связывают военизированность политического языка с милитаризацией нашего сознания, начатой еще в советскую эпоху (Там же). Подобные метафоры в современной политической речи были предметом исследования в публикациях О.П. Ермаковой (1996), Е.В. Колотниной (2001), А.А. Касловой (2002), С.Н. Муране (2001), Ю.Б. Феденевой (1998) и других исследователей. Наша задача – рассмотреть

специфику использования указанных метафор в политическом нарративе «Российские федеральные выборы 1999-2000гг.»

Как отмечает А.П.Чудинов, российская история сложилась так, что на судьбу едва ли не каждого поколения приходится война, а поэтому военная лексика – это один из основных источников метафорической экспансии на самых разных этапах развития русского языка (А.П. Чудинов, 2001, с.104). Понятийная сфера «Война» принадлежит к наиболее освоенным сторонам опытно-познавательной деятельности человека, она четко структурирована в сознании носителей языка, имеет «общеизвестный» типовой сценарий: войну готовят, объявляют, ведут боевые действия с использованием разнообразного оружия, побеждают или терпят поражение, участники боев могут быть ранены, убиты и т.п.

Анализируя в своей работе конкретный языковой материал (агитационно-политические тексты 1999-2000 гг.), мы убедились в том, что «война» как источник политических метафор занимает огромное место в языке российских политиков и журналистов, что актуализирует метафорическую модель РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА. Характерная особенность указанной модели заключается в том, что она обладает сильным агрессивным прагматическим потенциалом. Метафора как экспрессивное образное средство обладает воздействующей силой и значительно повышает прагматику текста. Используемые в политическом дискурсе военные метафоры подчеркивают антагонистический характер политических отношений, акцентируют конфликтные пути решения политических проблем, моделируют образ угрожающей действительности и, как правило, характеризуют предмет речи с негативных сторон.

Рассмотрим, как и в предыдущем параграфе, в сопоставлении фреймовую структуру исходной сферы и сферы-мишени.

Сфера-источник	Сфера-мишень
Война	Политика (современная российская)

	действительность)
<p>1. Война и ее особенности</p> <p>1.1 Виды войн;</p> <p>1.2. Места ведения боев;</p> <p>1.3. Противоборствующие стороны.</p>	<p>1. Политическая и экономическая ситуация в стране</p> <p>1.1. Отдельные сферы конфликтов (информационные, экономические и др.);</p> <p>1.2. Места и сферы политических конфликтов;</p> <p>1.3. Партии, политические лидеры и т.п.</p>
<p>2. Организация военной службы:</p> <p>2.1. Военные подразделения;</p> <p>2.2. Иерархические отношения;</p> <p>2.3. Специализация воинов.</p>	<p>2. Политические и государственные структуры:</p> <p>2.1. Политические и государственные организации;</p> <p>2.2. Иерархические отношения в данных структурах;</p> <p>2.3. Участники политической борьбы, специализирующиеся в различных сферах.</p>
<p>3. Военные действия и вооружение</p> <p>3.1. Атакующие действия;</p> <p>3.2. Оборонительные действия;</p> <p>3.3. Виды вооружения.</p>	<p>3. Политическая борьба, средства борьбы за власть</p> <p>3.1. Достижение (завоевание) власти;</p> <p>3.2. Борьба за сохранение власти;</p> <p>3.3. Средства агитации, поддержания имиджа, денежные и материальные ресурсы.</p>

4. Итоги (результаты) военных действий (победа, поражение, плен, ранение, смерть...)	4. Результаты политической борьбы, политической деятельности
5. Воинские символы, атрибуты, амуниция.	5. Идеологические символы и атрибуты

Когнитивный анализ милитарных метафор, функционирующих в агитационно-политическом дискурсе, показывает, что в результате процессов метафоризации сфера «Политика» попадает в сферу когнитивной экспансии исходной понятийной области «Война» и организуется в последовательную фреймовую структуру, практически полностью повторяющую организацию исходной сферы. Происходит перенос содержания источниковых фреймов в соответствующие фреймы и слоты сферы-мишени, и политический дискурс периода выборов, используя образы войны, метафорически представляет ситуацию в стране как очень напряженную и агрессивную.

Так, по данным центральных и региональных средств массовой информации, в настоящее время в России ведется (ведутся) – *холодная война, опиумная война, компьютерные войны, политические войны, олигархические войны, информационные войны, эфирные войны, война компроматов, война плакатов, энергетические войны, нефтяная война, корпоративные войны, водяная война, продуктовые войны, война с коррупцией (оргпреступностью) и т.п.*

Российские граждане (деятели политики и экономики, бизнесмены, журналисты, простой народ) постоянно «ведут затяжные бои», «дают бой по всему фронту», «шагают в ногу в дружном строю», «сидят в засаде или окопах», «минируют», «взрывают бомбы», «выдерживают осаду» и «бросаются на амбразуры». Руководят боями «полководцы», «главнокомандующие», «генералы». В результате «военных действий» появляются

«жертвы и разрушения» приходится «объявлять передышку», «выбирать стратегию и готовить ответный удар». Одним из лучших боевых средств оказываются средства массовой информации, или, как верно подметил А.Панкин, «средства массового поражения» (Новая газета. 2000. №25) – грозное «информационное оружие», с помощью которого производятся «информационные взрывы» и «информационные убийства».

Категориальная сетка военной понятийной сферы накладывается на частично структурированную в обыденном сознании носителей языка область политики, что приводит, во-первых, к доструктуриации и докатегоризации сферы-мишени, во-вторых, к категориальному сдвигу – разрушению стандартных представлений о некоторых фрагментах действительности (ср. СМИ как *оружие поражения*, Дума, президиум как *плацдарм*, поле боя и пр.).

Рассмотрим основные фреймы и наполняющие их метафорические словоупотребления, представляющие метафорическую модель РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА.

1. Фрейм «Война и ее особенности»

1.1. Слот «Виды войн»

Данный слот представлен метафорическими словоупотреблениями, которые характеризуют современную политическую и экономическую ситуацию в стране как ведение различного вида войн.

Ср.: Даже телеканалы объявили на короткое время передышку между двумя избирательными кампаниями в эфирных войнах (Н. Желнорова // АиФ. 1999. №52.). Мужские и женские потери в российской войне полов несоизмеримы. Россия – кладбище мужчин? (А. Беляков // АиФ. 1999. №31.). Разумеется, информационная война была развязана в рамках подготовки к президентским выборам 2000 года (А. Угланов // АиФ. 1999. №31.). Пока первые полосы газет и добрая половина теленовостей заняты репортажами с Северного Кавказа, в «нефтянке» заканчивается другая

война – без бомбежек и терактов, но едва ли не столь же фатальная для России. Эта война за нефть... (С. Константинов // Труд. 1999. №186.). Из-за чего же тогда разгораются продуктовые войны? Это, как в боксе, бой с тенью. Могут ли добавки вызвать страшные болезни? (Т. Виркунен // АиФ. 1999. №43.). Как сообщают наши источники на ОРТ, первый канал в ближайшие недели продолжит войну на поражение ОВР (Е. Бычкова // АиФ. 1999. №47.). Рем Вяхирев объявил энергетическую войну Анатолию Чубайсу. Энергетические войны взрывают российскую экономику (Е. Артемов // Изв. 2000. №56.). Во время самых ожесточенных информационных сражений премьера если и пытались зацепить, то делали это крайне осторожно и опосредованно (Е. Анисимов // КП. 1999. №242.). Чем ближе к выборам, тем ожесточеннее схватки на фронтах так называемой «алюминиевой войны» (С. Смирнов // КП. 2000. №48.).

Анализ метафор данного слота показывает, что политические и экономические взаимоотношения в современной России постоянно метафорически представляются как военные действия, битвы и схватки.

Понятия, получившие метафорические обозначения, - выборы и предвыборные кампании, информационные процессы, законодательная деятельность, международные отношения, конкуренция в СМИ, в экономических и продовольственных сферах.

Метафорическое представление политической ситуации в стране как объявление и ведение различного вида войн моделирует образ агрессивной и опасной действительности, что способно оказывать негативное эмоциональное воздействие на адресата провоцированием и / или поддержанием в нем агрессивного состояния. Милитарные метафоры формируют прагматические смыслы, которые можно сформулировать следующим образом: практически в любой общественно-политической (экономической) сфере происходят конфликты и столкновения, которые невозможно разрешить мирным путем; политики, бизнесмены, партии, компании рвутся к полити-

ческой и экономической власти, используя при этом СМИ, компрометирующие материалы и пр., в результате страдают как сами участники конфликтов, так и обычные граждане.

Агрессивность метафорических высказываний поддерживается контекстуально. Используется эмоционально-оценочная лексика, которая подчеркивает негативную оценку, выражаемую метафорой: *развязана, поднадоела, фатальная, ожесточенных, страшные* и т.п. Часто происходит развертывание метафорического образа войны: *потери несоизмеримы, взрывают российскую экономику, наносят непоправимый урон, схватки на фронтах, объявили передышку, противник назначил время битвы, ушел на другой фронт* и т.п.

В процессе такой метафоризации актуализируются семы «антагонизма», «борьбы» и «враждебности отношений».

1.2. Слот «Места ведения боев»

В метафорических словоупотреблениях данного слота используются такие концепты исходной сферы, как *плацдарм, арена сражений, поле боя* и т.п.

Ср.: *В ближайшие годы торгово-экономическая сфера будет главной ареной сражений, поскольку именно она в конечном счете определяет рост государства в мировых связях (А.Кузнецов // МН. 2000. №5.). На поле телевизионной брани все обстоит по-прежнему (А. Филиппов // Изв.2000. №11). Выборы в парламент резко сжали плацдарм оппозиции на выборах президента (А. Рубцов // МН. 2000. №1.). Если кремлевские междоусобицы вдруг выйдут из-под ковра на публику, «Отечество» может стать новым политическим плацдармом для «путинцев» (Е. Красников // МН. 2000. №14.). Помнится В.Вольфович и раньше появлялся в президиуме, но только по большой нужде, когда срочно нужно было кого-то полить водой. Теперь этот плацдарм боевой завоеван им на четыре года вперед (В.*

Шендерович // МН. 2000. №25.). С новомосковского плацдарма № 175 дважды брала Госдуму и не намерена отступить «женщина России» Жанна Лозинская (Л. Бутузова // МН. 1999. №44.). Михаил Митюков отказался прогнозировать дальнейшие действия главы государства, отметив, правда, что после вердикта Конституционного суда поле для маневра у Совета Федерации сузилось (Н. Дорофеев // Труд. 1999. №227.).

Денотаты, метафорически характеризуемые как места ведения боевых действий, - это преимущественно политические (реже экономические) сферы: Дума, президиум, Совет Федерации, избирательный округ, политические партии, телевизионные трансляции и пр.

Метафорический перенос осуществляется благодаря актуализации периферийных ассоциативных и фоновых сем. К примеру, плацдарм – это участок местности, на котором подготавливается и разворачивается военная операция. Дума, президиум, избирательный округ – места (включая участников), где происходят, разворачиваются политические события. Фоновые семы «величины», «масштабности», «значительности» происходящего, а также негативные ассоциации, связанные с боевыми действиями, делают возможным использование названных военных понятий для метафорической номинации политических структур, действия которых ассоциируются у авторов метафор с чем-то опасным, враждебным и угрожающим.

Можно отметить следующие контекстуальные средства поддержания агрессивного потенциала метафор: во-первых, разворачивание военной тематики (*завоеван, брала Госдуму и не намерена отступить, кремлевские междоусобицы*), во-вторых, манипуляции с именем, направленные на уничижение, умаление значимости называемых лиц (*В.Вольфович- отчество политика используется как фамилия, «путинцы» - ассоциируются в сознании русского человека с ленинцами*).

1.3. Слот «Противоборствующие стороны»

Источником метафорических номинаций становятся концепты *противники, враг (враги), неприятель, противоборствующие стороны*.

Ср.: *Бывший мэр Петербурга и его заклятый враг баллотируются в Государственную Думу по одному округу* (Т. Максимова // КП. 1999. №226.).

Администрация президента нас ненавидит и считает своим главным противником (А. Гамов // КП. 1999. №227.).

Все силы брошены против общего неприятеля – правительства (А. Макурин // КП. 1999. №228.).

Подобные метафоры используются для представления конкурирующих политических сил, политических оппонентов, характеризуют их как враждебно настроенных по отношению друг к другу, подчеркивают неумение и неготовность мирно улаживать возникающие между ними конфликты, уважать политических соперников.

2. Фрейм «Организация военной службы»

2.1. Слот «Воинские подразделения»

Названный слот представлен метафорическими выражениями, в которых в качестве источника метафорической экспансии используются военные концепты: *армия, взвод, полк, гвардия, десант; штаб, разведрота* и т.п.

Ср.: *На содержание дополнительной армии чиновников потребуются деньги, соразмерные расходам на госаппарат России* (В. Цепляев // АиФ. 1999. №50.). *В полку кандидатов прибыло (о регистрации В.Путина и А.Тулеева кандидатами на должность Президента РФ)*. (А. Козырева // Рос.газета. 2000. №33.). *Что же до проблемы, из-за которой нам придется прерывать свой мирный труд и делать из парламента засадный полк, - то жалко, что в Страсбурге не услышали недавних слов министра внутренних дел Рушайло* (В. Шендерович // МН. 2000. №14.). *Путин предпочитает идти вперед с людьми, у которых незапятнанная репутация*

(С.Шойгу, В.Христенко и др.). *С такой ратью в самый раз начинать битву за Кремль* (А. Макурин // КП. 2000. №3.). *На ОРТ целый отряд ведущих, четко отрабатывающих команду «мочить»* (Е. Рыковцева // МН. 1999. №44.). *В Кремле же не просто вернули бывшего пресс-секретаря, а пустили его как бы в штрафной батальон: если не подорвется под огнем журналистов и мирового сообщества, дозируя информацию из Чечни, то искупит кровью* (П. Артемьев // МН. 2000. №3.).

Денотаты метафор этой группы – политические объединения, трудовые коллективы, любая группа совместно действующих людей. В процессе метафорического переноса актуализируются признаки «количества», «размера»: очень большое объединение образно представляется как *армия*, поменьше – как *полк*, *дивизия* и т.д.

Негативную оценку характеризваемым явлениям дают не все метафоры данного слота. Например, метафорические выражения «*полк кандидатов*» или «*рать*» как команда В. Путина не содержат каких-либо агрессивных коннотаций. Негативные прагматические смыслы развиваются при помощи контекста: использования дополнительных языковых средств, развертывания метафоры «войны». Например, определения *штрафной (батальон)*, *засадный (полк)* указывают на отрицательную оценку обозначаемого предмета; метафорическое развитие «военной» темы – *подорвется под огнем*, *искупит кровью*, *отрабатывающие команду «мочить»*, *содержание армии чиновников* – формирует неприглядные образы политической действительности.

2.2. Слот «Специализация воинов»

Здесь источником метафор послужили концепты *саперы*, *десантники*, *разведчики*, *пехота*, *артиллерия* и т.п.

Ср.: *Российский политик подобен саперу, у которого нет права и времени на ошибку хотя бы потому, что наша реальность увы, слишком*

часто напоминает бомбу с громко тикающим часовым механизмом (М. Берда // КП. 2000. №13.). Характерная особенность информационных войн в том, что «навшие» в ней появляются и после того, как прекратятся бои. Ведь, в сущности, журналист – наемник, снайпер или пулеметчик, стреляющий компроматом, - камикадзе (В. Долгих // КП. 1999. №242.). Фракцию «Единство» в Госдуме Шойгу назвал «нашим десантом». «Десантники» Грызлов, Локтионов, Бойко дружно говорили о том, какие важные задачи они должны принять (В. Устюжанин // КП. 2000. №38.). В адрес нынешней Думы – никакой критики. И понятно почему. Бойцам, закрепившимся на «командных высотах» (именно так характеризовали лидеры «Единства» свои комитетские посты) до сих пор не дали координаты целей, по которым должна стрелять их тяжелая артиллерия (Т.Скоробогатько // МН. 2000. №13.).

Денотативная сфера функционирования метафор этого слота – субъекты политической деятельности, политические партии, средства массовой информации. Характеризация названных денотатов милитарными образами, как правило, требует развертывания метафоры в контексте. Если политическая партия метафорически представляется как *тяжелая артиллерия*, то ее представители могут характеризоваться *бойцами*, комитетские посты – *командными высотами*, а работа в Думе может быть переосмыслена как *стрельба по заданным целям*. Если журналист метафорически характеризуется как *снайпер, стреляющий компроматом*, то политическая обстановка в стране в предвыборный период – это *информационная война*, в которой он принимает участие. И тогда политические оппоненты, потерявшие уважение в глазах избирателей, могут быть метафорически представлены как *навшие в боях*. Уподобленный *снайперу* политик должен что-либо «разминировать», а так как сфера его деятельности российская политическая реальность, то она метафорически характеризуется в предвыборном дискурсе как *бомба с громко тикающим часовым механизмом*.

В целом, подобные метафорические выражения способны оказывать агрессивное эмотивное воздействие на адресата, потому что характеризуют политические действия как физическую агрессию, формируют образ опасной, угрожающей политической действительности, навязывают негативные прагматические смыслы о невозможности плодотворного и мирного сотрудничества в области политики.

2.3.Слот «Иерархические отношения военнослужащих»

Источником метафорических номинаций послужили такие понятия из военной сферы, как *генерал, главнокомандующий, командир, полководец, солдат, боец* и т.п.

Ср.: Новый виток информвойны олигархов не может обойтись без жертв. И пока главнокомандующие противоборствующих сторон еще держатся в седле, первыми их жертвами становятся их верные вассалы (Ю. Калинина // МК. 2000. №37.). Пехота предвыборных штабов различается не только по «родам войск», но и по званиям. В ней есть «рядовые», но есть и «сержанты» - бригадиры (В. Цепляев // АиФ. 1999. №46.). Олигархам и их оруженосцам из числа адвокатов и журналистов не следует вступать на тропу войны с Президентом (Г. Шахназаров // Рос.газета. 2000. №122.). Ведь чего было проще рассказать, что действительно стояло за войной с нефтяными генералами (Е. Альбац // Изв. 2000. №1). Татарских нефтяных «генералов» понизили до «майоров» (А. Персиков // КП. 2000. №50.). А на древе ОВР и вовсе нереальные отраслевые отпочкования: командиры, не спросясь у рядовых, порешили разбить свой думский отряд на «отечественное» и «региональное» подразделение (Т. Скоробогатько // МН. 1999. №50.). Строев – осколок брежневской эпохи, «седой солдат КПСС» (С. Жихарев // КП. 2000. №24.). Командиры ОВР, не спросясь у рядовых, порешили разбить свой думский отряд на «отечествен-

ное» и «региональное» подразделения (Т. Скоробогатько //МН. 1999. №50.).

Денотативная сфера функционирования милитарных метафор данного слота значительно сужена. Здесь главным объектом метафорической номинации являются, прежде всего, политики и их помощники в ситуации выборов в различные органы управления. Но, как видим из примеров, метафорические «воинские звания» затронули и крупных деятелей экономики.

Во время метафорической характеристики в лексемах, обозначающих наименования воинов, актуализируются семы «главенства» и «подчинения», метафорический перенос осуществляется на основе общности двух семантических компонентов: «те, кто отдает приказы» и «те, кто выполняет приказы».

Прагматические смыслы, формируемые указанными метафорами, поддерживают агрессивное отношение к предмету речи:

- у политических и экономических конфликтов есть зачинщики-руководители, которые их организуют в своих корыстных интересах;
- названные лица руководят процессом и контролируют развитие событий, имея в своем подчинении купленных ими послушных исполнителей.

3. Фрейм «Военные действия и вооружение»

3.1. Слот «Атакующие (наступательные) действия»

В метафорах этой группы образно используются следующие номинативные единицы: *атаковать, вести массированный огонь, бомбардировать, взрывать; штурм, бой, прорыв, осада* и т.п.

Ср.: *Политику, который с боем прорывается в историю, выразительные жесты нужны не меньше, чем великие свершения (А. Архангельский // Изв. 2000. №2.). Наш корреспондент Виктор Русских отметил на*

этих выборах массированную атаку на избирателя (А. Колесников // Изв.2000. №3.). Не исключаю, что в дальнейшем даже будет предпринята атака на закон в этой части (А. Вешняков // АиФ. 1999. № 42.). Стрельба по гордуме: попадание – пять из двадцати семи (Е. Челпанов // Местное время. 2000. №32.). Этой власти удалось взять последний бастион – путавшуюся под ногами у нее «левую» Думу (В. Дегтярев // Правда. 2000. №71.). «Единство» десантировало свой передовой отряд в Государственную Думу (Л. Новикова // АиФ. 2000. №17.). В случае победы коммунистов Москва будет взята в «красную» осаду (А. Угланов // АиФ. 1999. №42.). Телевойны: перестрелка перед выборами (Т. Нетреба, В. Цепляев // АиФ. 1999. №33.). Игра по-крупному предполагала новые мощные удары по правительству (В. Юрьев // АиФ. 1999. №11.). Политический компромат может взорвать страну (Н. Гульбинский // АиФ. 1999. №12.). Главный огонь критики пропрезидентских СМИ был обрушен именно на лидеров ОВР (В. Джалагония // Эхо планеты. 2000. №1.). Была у меня и другая задумка: дать бой коррупции по всему фронту (А. Куликов // МК. 2000. № 24.). «По тревоге» подняты налоговые органы, политики ведут переговоры с банками, суля им привилегии в случае победы (С. Подколесин // Рос.газета.1999. №249.). Журналисты, явившиеся на пресс-конференцию, подвергли Зюганова настоящей бомбардировке вопросами, касающимися войны в Чечне (Ю. Шпаков // МН. 1999. №45.).

Из армейского жаргона перенесены в политическую речь понятия зачистить, зачистка, обозначающие в исходной сфере процесс уничтожения или удаления с какой-нибудь территории людей, представляющих опасность. Ср.: Таким образом, после проведенной Минфином «зачистки» число работающих компаний сократилось более чем вдвое (В.Авербух // Изв. 2000. №58.). Может быть, Путину и хотелось бы «зачистить» политическое пространство от конкурентов (В. Соловьев // АиФ. 2000. №16.).

В политическом дискурсе данные слова используются для обозначения таких действий правительственных структур, которые приводят (могут привести) к нежелательным для объекта воздействия последствиям – удалению, исчезновению, сокращению количества. В метафорических словоупотреблениях развивается негативная оценочность, связанная с коннотацией силового воздействия.

3.2. Слот «Оборонительные действия»

Источником метафор являются концепты: *отступить, обороняться, засесть в окопы, в засаду, сдать позиции, бросаться на амбразуру, выдерживать осаду* и т.п.

Ср.: *Хотя нельзя исключать, что в последний момент у и.о. президента появится какой-нибудь другой сильный соперник. Например, Ю.Лужков. Последний пока сидит в засаде, но завтра может ринуться в бой (Т. Нетреба, В. Цепляев // *АиФ*. 2000. №1.). Полтора года назад «Родина» (в лице главы МИД Игоря Иванова) бросила В.Рахманина на амбразуру с журналистами, и он снискал себе уважение в их кругах (С. Бабаева // *Изв*. 2000. №2.). *Березовский готовит ответный удар. Говорят, группа БАБа заперлась в замке на мысе Антиб и усиленно готовит ответный удар...отдать информационную службу ТВ-6 под управление Сергея Доренко. Чем же может ответить Березовский? Во-первых, убойным выбросом компромата... Вариант с тоталитарным отступлением на заранее подготовленные Карибы даже не рассматривается (М. Ростовский // *МК*. 2000. №43.). В периоды предвыборных кампаний начинаешь сильно сомневаться в том, что мой дом – моя крепость. Потому что «крепостные стены» наших квартир не выдерживают осады навязчивых агитаторов (А. Яловец // *Обл.газета*. 2000. № 41.).**

Итак, метафоры рассматриваемого фрейма очень распространены в агитационно-политической речи. Денотативная сфера функционирования

указанных метафор достаточно широка: политическое и экономическое взаимодействие; судебнo-исполнительная, законодательная, информационная, предвыборная деятельность и т.д. Во время метафоризации актуализируются ассоциативные семы «агрессивности производимых действий» (метафоры первого слота) или «защиты от опасных воздействий» (метафоры второго слота).

Метафорические выражения, относящиеся к данному фрейму, самые многочисленные и употребительные в агитационно-политическом дискурсе периода выборов. Общая милитаризация сознания делает такие метафоры очень понятными и естественными для характеристики политических действий.

Многие из рассматриваемых словоупотреблений, несмотря на агрессивное представление обозначаемых явлений, обладают позитивным прагматическим потенциалом, так как характеризуют действия, производимые решительно, интенсивно и целеустремленно. Ср.: *Вполне вероятно, что Владимир Путин начнет с объявления фронтального наступления на коррупцию* (Л. Тимофеев // МН. 2000. № 18.).

А.Тулеев предпринимает уже третий поход на Кремль, при этом внушая опасения самым раскрученным кандидатам (Н. Астафьев // КП. 2000. № 9.).

Но все-таки большая часть метафорических выражений, представляющих данный фрейм, способна оказывать негативное эмотивное воздействие на адресата за счет эмоционально-экспрессивных коннотаций, характерных для военных образов. Рассмотрим, например, метафорическое моделирование в агитационно-политическом дискурсе самого процесса предвыборной борьбы кандидатов в депутаты. Предвыборная борьба метафорически характеризуется как *война, сражение, историческая схватка, боевые действия, взаимное уничтожение* и пр. Ср.: *Во всей этой свистопляске по взаимному уничтожению друг друга лучше всех себя чувствуют*

коммунисты. Они сознательно устранились от московского предвыборного погрома и тихо ушли в регионы (А. Угланов). Генерал В. Карпинский бьется за депутатский мандат исключительно со штатскими. Хотя некоторые из них по опыту предвыборных баталий превосходят неожиданного противника (Л. Бутузова).

В такой обстановке критика политического оппонента – это не анализ достоинств и недостатков его программы, не характеристика его личностных и профессиональных качеств, а «убойный выброс компромата», «информационный залп», «бомбардировка вопросами», «лобовая атака» и т.п. Средства массовой информации, которые в предвыборной борьбе должны давать объективную информацию о кандидатах в депутаты, о политических партиях и их платформах, вместо этого «ведут подрывные работы, перестрелки», «мордуют телевизионной дубиной», «намечают цели и расстреливают по ним все свои калибры», «взрывают ситуацию компроматом», «рвутся в бой». И, соответственно, сами участники предвыборной кампании вместо обычной агитации и пропаганды своих идей, достойного взаимодействия с конкурирующими партиями предпочитают «как следует вооружиться перед битвой за власть», «выстроиться на правом фланге», «нанести весьма ощутимые удары по позиции других кандидатов», «перекрыть противнику отступление», «найти у оппонента «ядерную кнопку» и взорвать его» и ни в коем случае «не сдавать позиции без боя». В сложившейся ситуации интересна позиция российского правительства, которое должно бы навести порядок и как-то урегулировать обстановку, но, по мнению СМИ, «государство с его телеканалами и неплохими товарами – законами и свободами – сидит, как в глухом танке, и держит оборону от главного потребителя – своего народа» (А. Измайлов).

Таким образом, осмысление политической реальности с помощью милитарных метафор и представление результатов этого осмысления в политическом предвыборном дискурсе постепенно, метафора к метафоре, соз-

дает негативный образ российской действительности в целом и оппозицию «народ – политики» в частности. Указанную тенденцию заметили и сами журналисты, что отразилось в следующих обобщениях:

Ср.: Какие бы войны не велись – настоящие, информационные и прочие – обязательно что-нибудь свистит и взрывается то в прямом, то в переносном смысле (В. Дорошенко). Но должностным лицам некогда заниматься благосостоянием народа, они воюют друг с другом (М. Светлова).

Характеризуя различные процессы, происходящие в обществе, как военные действия, авторы политических текстов формируют следующие прагматические смыслы:

- в современном обществе приняты жесткие, конфликтные формы взаимодействия на всех уровнях; и они преобладают над гуманными формами решения проблем;
- силовые действия жестоки, эгоистичны и наносят ущерб обществу.

3.3. Слот «Виды вооружения»

Источниками метафорического переноса в политическую сферу являются концепты: *бомба, орудие, мина, снаряд, патроны, танк, артиллерия* и т.п.

Ср.: Е. Альбац утверждает, что Кремль является главной угрозой для страны и самым главным разрушительным орудием, которое не дает стране подняться с колен (Г. Шахназаров // Рос.газета. 2000. №122.). Как говорят наши источники в московской мэрии, мэр и его окружение оказались совершенно не готовы к доренковской «атомной бомбе» (В. Суховерхов // МК. 1999. №41.). По иркутским улицам начнут инырять чубайсовские «агенты», готовя «пулю в лоб или фугас в подъезде» нерадивым неплательщикам за энергию (Н. Костин // Рос.газета. 2000. №120.).

Ельцин – это ядерный заряд в аварийном состоянии...Мы предлагаем дожидаться, что он разрядится сам...(В. Рыжков // АиФ. 1999. №29.). Члены Совета Федерации сразу начали говорить о главном – о том, какие мины несет в себе сам этот законопроект для государства...(А. Фролов // Сов.Россия. 2000. № 73.). В Волгограде создана новая организация «Юные береовцы». Назвали самодельную газету «Лимонка и Динамит» (В. Корнев // Изв.2000. №2.). «Мина замедленного действия» - название книги о КГБ Евгении Альбац (Е. Альбац // Изв. 2000. №1.). Блок «Отечество – Вся Россия» – единственная сила, которая в принципе способна опередить коммунистов, - подвергся обстрелу из орудий всех калибров и вынужден был приостановить свое наступление (В. Никонов // Труд. 1999. №229.).

Объектами метафорических номинаций становятся в основном денотаты политической сферы. Заметим, ни один журнал о здоровом образе жизни или книга сказок не могут быть названы миной, динамитом, лимонкой и чем-либо подобным. Только те предметы, лица и явления, которые связаны с политической деятельностью в нашей стране, могут ассоциироваться с угрозой и опасностью, так как именно семы «разрушения», «уничтожения» и «вреда» актуализируются при метафоризации.

Типовые прагматические смыслы, формируемые перечисленными метафорами, можно сформулировать таким образом:

- в распоряжении российских политиков находится достаточно средств для ведения и поддержания конфликтов, для отстаивания своих интересов, для создания напряженной атмосферы в обществе;
- страдать от указанных средств придется не только самим участникам конфликтов, но и обычным гражданам.

4. Фрейм «Итоги (результаты) военных действий»

В метафорах этого фрейма исходными концептами являются: *жертвы, разрушения, победа, поражение, захват, плен; рана, смерть, контузия, расстрел, фантомные боли, госпиталь* и пр.

Ср.: *Жертв и разрушений ни среди электората, ни среди самих кандидатов пока нет* (Е. Шкалов // Обл.газета. 1999. №235.).

Информационная война собирает обильную жатву и ее жертвами, как во всякой современной войне, становятся в первую очередь мирные граждане (Д. Гиназов // Обл.газета. 1999. №232.).

Приятно, что хоть в этой «войне за эфир» телезрители оказались победителями, а не побежденными (О. Костенко-Попова // АиФ. 1999. №33.).

Реформа власти в плену интриг. Следующей жертвой должна стать сама Госдума (В. Цепляев // АиФ. 2000. № 24.).

Слот «Ранение, госпитализация, смерть»

Ср.: *События развивались осенью прошлого года, когда следы раны 17 августа еще не зажили на теле нашей многострадальной экономики* (Е. Овчинникова // Обл.газета. 1999. №236.).

Лишь потому, что государство отвернулось от своих главных предприятий и от закрытых городов с их открытыми социальными ранами, вынудив тем самым выживать по принципу «кто как сможет» (Н. Колпакова // Обл.газета. 1999. №242.).

Политики интригуют, а народ потом кровью умывается (С. Кучнин // АиФ. 2000. №10).

Денотативная область функционирования единиц этого слота затрагивает самые «уязвимые» сферы современной российской реальности – экономику и социальную действительность, реже – политические реалии. При метафорической характеристике социальных и экономических понятий в лексемах «рана», «кровь» актуализируются периферийные семы «страдания» и «повреждения от чьего-либо воздействия».

Рассмотренный слот в значительной степени пересекается с метафорами, представляющими Россию как больной организм. Формируются типовые прагматические смыслы народного страдания, экономического кризиса и социального неблагополучия.

5. Фрейм «Воинские символы, атрибуты, парады»

При характеристике политической ситуации метафорически используются слова, обозначающие воинские символы и атрибуты: *мундир, камуфляж, флаг, знамя, дембельский альбом, строевой шаг, парад, марш* и т.п.

Ср.: А ведь думцы абсолютно готовы к законотворческим подвигам под президентскими знаменами. Причем к подвигам как реформаторским, так и консервативным. Вот только подвигов от них не требуют (Т. Скоробогатько // МН. 2000. №13.).

Вступить в думскую битву (как и битву за Кремль) под дырявым знаменем лужковского «Отечества» бессмысленно (А. Степанов // Изв. 2000. №5.).

По расчетам кремлевских стратегов, оставшиеся бесхозными сторонники ЛДПР стройными рядами двинутся под знамена С. Шойгу (С. Чугаев // КП №192. 1999).

Организовать марш железнодорожников в Думу мог только один человек – министр путей сообщения Н. Аксененко....Марш по шпалам в Думу можно совершить скрытно, не ввязываясь в политбаталии (С. Чугаев // КП. № 195. 1999).

Подобные метафорические словоупотребления обозначают, как правило, принадлежность определенным политическим силам, но предмет речи представляют сатирически.

Итак, как показывает анализ метафорической модели РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА, военные

метафоры активно используются в агитационно-политическом дискурсе периода федеральных выборов 1999-2000 гг. Несмотря на то, что названные метафоры давно существуют и функционируют в русском языке, в настоящее время наблюдается широкое использование военной лексики в качестве источника метафорических номинаций.

Как отмечает А.П.Чудинов, агитационно-политическая речь имеет свои законы, в ней используются особые коммуникативные стратегии и тактики. Во все времена и во всех странах оппозиционные партии стремятся показать избирателям, как неудачно правящий режим распоряжается данной ему властью, до какого незавидного положения доведено государство. Соответственно «партия власти» остро критикует оппозицию... И чем острее обстановка в стране, тем агрессивнее становятся метафоры (А.П. Чудинов, 2001, с.212).

Судя по востребованности в политическом дискурсе метафор «войны», обладающих сильным агрессивным прагматическим потенциалом, можно предположить, что в ситуации федеральных выборов 1999 г. и президентских выборов 2000 г. социальная и политическая обстановка в стране воспринималась носителями языка как острая, критическая, кризисная. Подчеркнем: метафорическая модель отражает не объективную реальность, а восприятие этой реальности в национальном сознании, осознание реальности в социальной ментальности.

Но, с другой стороны, Дж.Лакофф (1991) справедливо подчеркивает, что метафорическая модель может служить эффективным орудием для манипулирования социальным сознанием. В первой главе нашего исследования отмечались такие важные свойства метафор, как когнитивная способность служить орудием познания мира, моделирующая функция, позволяющая создавать некую модель мира и уяснять взаимосвязи между его элементами, прагматические возможности воздействия на адресата и формирования у него необходимого говорящему мировосприятия. Политиче-

ская метафора рождается не в языке, а в ментальной сфере конкретной личности, которая стремится познать и объяснить окружающий мир, выразить свое отношение к нему и воздействовать на окружающих (А.П. Чудинов, 2001, с.208). Или, в терминах теории эволюции сознания, можно сказать, что метафора, родившаяся в семантическом контуре сознания, отражает свойственный данной личности туннель реальности, который она считает объективным и пытается навязать другим (Роберт А.Уилсон, 1998).

Концептуальные метафоры способны влиять на представления человека о каких-то фрагментах действительности и, соответственно, определять его действия и поступки. В современной политической речи, вероятно, становится концептуальной метафора «Избирательная кампания – это война». А в целом рассматриваемая метафорическая модель позволяет ярко представить преимущественно негативные аспекты характеризуемого явления и соответственно сделать менее заметными возможные положительные моменты.

Милитарная метафора в агитационно-политическом дискурсе навязывает негативное представление о современной российской действительности, способствует созданию образа агрессивной и опасной реальности, тем самым обедняя полную картину политической жизни страны.

2.3. Метафорическая модель РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это МИР ЖИВОТНЫХ

Как заметил С.И. Виноградов, по семантике метафор можно изучать политическую историю страны, по распространенности тех или иных метафорических моделей – составить представление о ситуации, в которой она оказалась (С.И. Виноградов, 1994, с. 71). В числе наиболее частотных

метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом в дискурсе избирательной кампании 1999-2000 гг. оказалась модель РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это МИР ЖИВОТНЫХ.

Использование лексики из понятийной сферы «Мир животных» для номинации политических деятелей и характеристики их действий и взглядов создает яркий экспрессивный эффект и является сильным средством выражения разнообразных, в том числе негативных, прагматических смыслов. Переход наименования животного в разряд характеризующих лексических единиц представляет собой анималистическую (зооморфную) языковую метафору, получившую терминологическое обозначение «зооморфизм». Подобная метафора возникает на основе переноса по сходству животного и человека в поведении (попугай, сова, осел), во внешнем виде (лошадь, бегемот, тюлень), на основе представления животного как носителя определенных качеств характера (лиса, заяц, ишак) и т.п.

Зооморфизмы как функционально-семантическая группа лексических единиц не раз становилась объектом лингвистических исследований (Я.Н. Белицына, Е.А. Гутман, Ф.А. Литвин, Ц.Ц. Огдонова, О.А. Рыжкина, М.И. Черемисина и др.). Но с позиций метафорического моделирования действительности в современном агитационно-политическом дискурсе зооморфная метафора лишь частично изучалась некоторыми учеными (Т.С. Вершинина, Ю.Б.Феденева, А.П. Чудинов), хотя благодаря семантической емкости, эмоционально-экспрессивной окраске и национально-культурной специфике данные языковые единицы дают богатый и интересный материал для исследования вопроса о метафорическом способе отражения современной российской действительности.

Изучая моделирующую функцию метафоры, ученые обращаются к когнитивным потенциям метафорических номинаций, к той роли, которую играют образные средства в структурировании знаний человека о мире и

формировании языковой картины мира. В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании носителя языка концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира и отражают не научную картину мира, а обыденные («наивные») представления о мире.

По словам Ю.Д. Апресяна, «наивные» - в смысле отличия от научной картины мира во многих существенных деталях, а отнюдь не примитивные; при этом наивные представления не менее сложны и интересны, чем научные (Ю.Д. Апресян, 1995, с. 39).

Зооморфные метафоры отражают именно «наивные» представления человека об основных группах живых существ. Эти представления ориентированы на взаимодействие человека и фауны, на ту роль, которую представители фауны играют в жизни людей, а также на обыденное человеческое представление о взаимоотношениях в животном мире. Обыденная классификация животного мира во многих случаях не соотносится с научной классификацией. Анализ функционирующих в предвыборном дискурсе зооморфных метафор позволяет предложить, например, следующий вариант «ненаучной» классификации животных.

Агрессивные (опасные) – неагрессивные (безопасные) животные

К числу опасных животных, наименования которых отражаются в современных русских политических метафорах, относятся *волк, шакал, акула, ястреб, орел, сокол, паук* и т.п.

Ср.: *А потому мы говорим открыто: раз бандиты называют себя «одинокими волками», то мы будем для них волкодавами* (В .Хлыстун // Труд. 2000. №160.).

- *Как ведут себя дагестанские ополченцы?*

- Они говорят, что готовы перегрызть глотку этим шакалам (чеченским боевикам) (В. Хлыстун // Труд. 2000. №164.)

Робертсон снискал себе известность как «натовский ястреб», который настаивал на наземной операции против Югославии и готов был бросить туда британские войска (А. Степанов // Труд. 1999. №143.).

К числу относительно безопасных животных, чьи наименования используются в политических метафорах, относятся лиса, верблюд, гиппопотам, собака, лебедь, гусь и т.п.

Ср.: *Надо быть полным гиппопотамом, чтобы не понять, куда катился мир* (из ст. «Степашин чуть не прозевал светопреставление» А. Сергеев // Труд.1999. №150.).

Дикие – домашние животные

Дифференциация животных на диких и домашних является ярким примером именно антропоцентрической характеристики. В политических метафорах встречаются такие наименования домашних животных, как лошадь, корова, бык, собака, кот, гусь, курица, свинья, кролик и др., диких животных – волк, медведь, шакал, зубр, бизон, лис и др.

Ср.: *Особенно импонирует «люмпенизированным» избирателям обещание «прогрессивной социалистки» отправить «жирных котов», наживших огромные богатства несправедным путем, на украинские урановые рудники* (В. Колинко // Труд. 1999. №186.).

Молодой монарх (Путин) многим обязан старому лису (Яковлеву)... (А. Петренко //КП. 2000. №78.).

Взрослые животные – детеныши животных

В данную группу входят слова *медведи – медвежата, щенки, птенцы* и т.п.

Зооморфные метафоры, использующие концепты названной группы, при характеристике денотата указывают не только на физический возраст, но и на политический опыт и вес.

Ср.: *Но вот беда: если к политической ориентации «медвежат» претензий нет, то половая ориентация многих из них несколько шокирует более старшее поколение. Теперь старшим «медведям» придется либо радикально пересмотреть свои взгляды, либо привлечь более проверенных комсомольцев со стороны (Е. Василевский // МК. 2000. №3.).*

Отгалкивающие (пугающие) внешним видом – приятные для восприятия животные

В основе подобных метафор лежит акцентирование эмоциональной оценки при восприятии человеком соответствующих представителей царства животных. Такие метафоры максимально антропоцентричны, они ярко отражают национальную картину мира

К первой группе относятся *крысы, пауки, тараканы, пиявки* и пр.

Вторая группа малочисленна – *зайчик, лебедь, голубь*. Вследствие того, что вторая группа лексических единиц является малопродуктивным источником для политических метафор, в агитационно-политическом дискурсе они используются редко, хотя единичные случаи все-таки встречаются.

Ср.: *Постепенно произошло превращение Соланы из «голубя» в «ястреба». Именно его сейчас называют главным инициатором натовского нападения на Югославию (Н. Шевцов // Труд.1999. №189.).*

Реальные – вымышленные (вымершие) животные

К числу вымышленных (вымерших) животных, наименования которых нашли отражение в зооморфных метафорах, относятся *кентавр, дракон, динозавр, птица-говорун, птица Феникс*.

Ср.: *Мы думали, он (Путин) ворье пересажает, людям за работу деньги начнет платить, людей уважать начнут, а он оказался птицей-говоруном. Говорит он много, и слова все правильные, но не меняется абсолютно ничего (А.Тарасов // Континент.2000. №48.).*

Можно представить и другие более или менее детальные варианты классификации животных в обыденном представлении человека, но все они связаны с восприятием и оценкой животного мира человеком и изначально (принципиально) антропоцентричны.

Таким образом, исходная понятийная сфера «Мир животных» имеет в обыденном сознании носителей языка свою структуру, сформировавшиеся концепты и образы, что позволяет осуществлять в политическом дискурсе перенесение различных характеристик, качеств и свойств нечеловеческого общества (мира животных) на политическую жизнь современного российского общества (мира людей).

Сопоставим сферу-источник метафорической экспансии и сферу-мишень.

Мир животных	Политика
1. Состав царства животных 1.1. Собственно животные 1.2. Птицы 1.3. Остальные животные	1. Субъекты политической деятельности 1.1 Политики, журналисты, люди из сферы экономики и пр. 1.2. Избиратели
2. Объединения животных и иерархические отношения в них 2.1. Объединения животных 2.2. Иерархические отношения в мире животных	2. Политические организации и их структура 2.1. Политические организации 2.2. Иерархические отношения в политических кругах
3. Действия животных 3.1. Агрессивные действия 3.2. Неагрессивное поведение 3.3. Образ жизни животных	3. Политическая деятельность 3.1. Борьба за власть 3.2. Политическое сотрудничество 3.3. Политическая деятельность и образ жизни политиков
4. Обращение с животными	

4.1. Животные как объект агрессии	
4.2. Животные как объект эксплуатации	
5. Части тела животных	
6. Места обитания животных 6.1. Места обитания на воле 6.2. Места обитания в неволе	6. Условия существования субъектов политической деятельности (ситуации, в которых могут оказаться политики) 6.1. Комфортные условия, благоприятные ситуации, в которых субъекты политической деятельности свободны; 6.2. Условия и ситуации, в которых субъекты политической деятельности не имеют свободы.

Анализ метафорических словоупотреблений предвыборного дискурса показывает, что в процессе метафоризации происходит взаимодействие всех выше названных источниковых фреймов с целевыми фреймами политики. К примеру, содержание первых трех фреймов исходной сферы переносится в соответствующие целевые фреймы, в результате субъекты политической деятельности метафорически характеризуются в предвыборном дискурсе с помощью всевозможных зооморфизмов (от *медведей* до *верблюдов*), различные политические организации и партии метафорически представляются как *стаи* и *своры*, в которых есть свои *вожаки*, и если политическая борьба метафорически переосмысливается как *грызня*, *схватка*, то, соответственно, деятельность политических соперников характеризуется с помощью глаголов *грызть*, *кусать*, *царапать*, *клевать* и т.п., хотя возможны и другие формы поведения и взаимодействия (*лаять*, *кукарекать*, *лизать*, *поджимать хвост* и пр.). Содержание четвертого и пятого

фреймов более структурированной базовой сферы может переноситься во второй и третий целевые фреймы, и тогда политическая деятельность метафорически характеризуется концептами *охотиться, пасти, доить, выгуливать, дрессировать и т.п.*, а сами политики могут «показывать зубы, клыки», «выпускать когти», «запускать щупальца» и пр.

Таким образом, используемая в политических текстах зооморфная метафора обладает богатыми возможностями: во-первых, может передавать разнообразные отношения между денотатами: агрессивность, иерархию, утилитарные свойства и пр.; во-вторых, может формировать самые разнообразные прагматические смыслы, зачастую содержащие речевую агрессию и негативную оценочность.

Рассмотрим подробнее фреймово-слотовую структуру метафорической модели РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это МИР ЖИВОТНЫХ. В структуре модели можно выделить следующие фреймы:

1. Фрейм «Наименования животных».

1.1. Слот «Собственно животные»

В метафорах этой группы образно используются следующие номинативные единицы: *зверь, хищник, животное; волк, медведь, лиса, лошадь, свинья, коза* и т.п. Объектами метафорической характеристики с помощью зооморфизмов становятся преимущественно субъекты политической деятельности. В политическом дискурсе человек, особенно если это государственное лицо, рассматривается в первую очередь с точки зрения его личностных качеств: оценке подвергаются интеллектуальные способности, моральные принципы, потенциальные возможности, профессиональные достоинства, активность и пр.; реже оценивают внешний вид политика и производимое им впечатление. Для дискурса избирательной кампании характерны преимущественно критические оценки политических оппонентов и партий, так как в борьбе за власть вербальная агрессия используется как

орудие понижения социального статуса политического противника. Рассмотрим метафорические выражения, в которых исходные концепты способны продуцировать агрессивные образы. Ср.: *Не знаю, встанут ли хищники из чубайства СПС под сень наивного травоядного Явлинского или, напротив, съедят его, но рано или поздно у них будет одна партия* (А. Проханов // *АиФ*. 2000. № 15.).

Метафорическая характеристика членов партии СПС как *хищников* указывает на отсутствие у названных лиц качеств, достойных человека, подчеркивает жестокость и агрессивность их обращения с политическим оппонентом, который в противоположность своим соперникам метафорически представлен в образе безобидного – «*травоядного*» - животного. Эпитет «*наивный*» (простодушный, обнаруживающий неопытность – СО 1982, с. 334) контекстуально поддерживает противопоставление политических противников. Манипуляции с именем политического лидера (А. Чубайс – *чубайство*) являются одним из средств вербальной агрессии в предвыборном дискурсе, так как направлены на умаление значимости, понижение статуса упоминаемого политика.

В этом же ключе используется образ «цепного пса» в следующих метафорических выражениях. Ср.: *Силен Доренко! Мы знали, что с яростью цепного пса за щедрости любого денежного мешка он способен облаять и унизить любого гражданина, но чтобы вот так, походя, унизить целый народ* (Ю. Найкалюк // *Правда*. 1999. №139.).

Путин – та соломинка, за которую якобы схватился Ельцин... «Цепной пес» президента, который ляжет на пороге его семейного дома (В. Симонов // *МК*. 1999. №222.).

В процессе метафоризации актуализируются семы «агрессивности, злобности в поведении по отношению к чужим», с одной стороны, и «верности, покорного подчинения хозяину», с другой стороны. Вызванные метафорами ассоциации и сам контекст развивают негативную оппозицию

«народ – политические деятели», в которой народ «унижен и облаян», а политик надежно защищен.

Ярким ассоциативным фоном обладает зооним *свинья*, поэтому его использование в предвыборном дискурсе для характеристики субъектов политической деятельности создает крайне негативные образы и может расцениваться как инвектива. Ср.: *Братья и сыновья, жена и тесть, индюшки и свиньи Руцкого «кормятся» из бюджетного и кремлевского корыта (И. Першин // Правда. 1999. №142.). Надо отлучать чиновника от «кормушки», как свинью от корыта. Визга будет много, но жить станет спокойно (А.Гуров // КП. 2000. №74.).*

По словам Е.И.Шейгал, чем ярче коннотация грубости, связанная с нарушением этического табу, тем сильнее агрессивный заряд инвективы (Е.И. Шейгал, 2000, с. 140). Грубый инвективный образ *свиньи* метафорически развивается в высказываниях. Государственные, бюджетные средства, льготы и привилегии людей, находящихся у власти, метафорически переосмысливаются как *кормушки, корыта*, из которых чиновники «кормятся», то есть получают то, что многим недоступно, без труда, даром, незаслуженно. Лишение их названных возможностей может вызвать сильный протест – «визгу будет много». Негативность высказывания достигается также, в одном случае, нарочитым преувеличением размеров явления (этому служит ряд однородных членов, где индюшки и свиньи в прямом или переносом смысле упоминаются вместе со всеми родственниками политического деятеля), в другом высказывании – обещанием быстрых положительных результатов (решится проблема с чиновниками – станет спокойно жить).

Наименее «жестким» средством вербальной агрессии является ирония. Ирония менее эмоциональна и более интеллектуальна. Ирония является средством вторичной номинации и всегда выступает как скрытая, косвенная инвектива (Е.И. Шейгал, 2000, с.141.). Ср.: *Отважный прокурор*

Илюхин во времена становления русской оргпреступности заводил уголовные дела по измене на дохлого льва Михаила Горбачева (Д.Горелов //Ивестия). Определение «дохлый» уничтожает все положительные ассоциации, связанные с образом льва, и делает высказывание ироничным. Супербизоны в лягушатнике (заголовок статьи о Березовском и Абрамовиче в Государственной Думе) (МК. 20 апреля. 2000.). Выбрав метафору «супербизоны» для характеристики двух известнейших российских олигархов, авторы подчеркнули политический вес, значительность и исключительность этих фигур на фоне обычных государственных деятелей. Бизоны – «крупные и редкие животные», по этим ассоциативным признакам в данном контексте происходит метафоризация. Сема «значительности» поддерживается еще и словообразовательно – с помощью приставки супер-. Но вся значительность снимается общей ироничностью высказывания.

Выбор наименований животных в метафоре и область объектов номинации взаимообуславливают друг друга, определяя денотативную сферу в рамках личностно-психологических характеристик политиков и их действий. К примеру, в следующих высказываниях с помощью метафор создаются яркие образы, соответствующие стереотипному представлению о характеризуемых личностях.

Ср.: С Ельциным, даже ушедшим в отставку, не поборешься; старый волк по-прежнему сильнее молодых трезоров (А. Архангельский // Изв. 2000. №2.).

Правда, нужно отдать Ельцину должное: он никогда не мстил за оскорбительные статьи о своей персоне. Он очень резко реагировал в тех случаях, когда затрагивалась честь России. Тогда он порой становился настоящим русским медведем (Д. Бабич // МН. 2000. №2.).

В кулуарах же разные политики характеризуют Матвеевко еще проще: конь-баба. Сопровождается этот эпитет легкой мужской иро-

нией, но с неизменным уважением, потому что «конь» кого хочешь в ба-
раний рог скрутит (Н. Ефимович // Изв. 2000. №43.).

*Возраст у Путина не пенсионный. Явно не глуп. Решителен. Говорит
пока мало, но сочно. Видимо реформатор, но, возможно, эпохи контрре-
формации. В общем, не кот в мешке, как пугают нас пессимисты, а скорее
Путин – это кот, высовывающийся из мешка (А. Бовин // Изв.2000. №24.).
и др.*

Как видим из примеров, в зависимости от интенциональной установки говорящего (пишущего) метафорические высказывания, в которых для характеристики человека используются зооморфизмы, не всегда направлены на понижение политического статуса объекта, они могут содержать положительную оценку и даже создавать привлекательный образ политического деятеля.

На выбор исходного концепта могут влиять так называемые «фоновые знания» - знания о политической ситуации, ее особенностях и нюансах. Так, в период выборов депутатов в Государственную Думу (1999 г.) распространенным источником метонимических и метафорических процессов стало слово *медведь*, по названию одной из партий «Межрегиональное движение «Единство», обозначенное аббревиатурой Медведь по двум первым буквам каждого элемента полного наименования. В предвыборном дискурсе произошел перенос наименования партии на членов этой партии, а возрастная разница представителей «Единства» позволила дифференцировать их на «медведей» и «медвежат». Попавший в название зооним «медведь» открыл широкие возможности для использования различных языковых приемов при характеристике обозначенного им политического движения и деятельности его членов. Например, появился подтекст во фразеологических выражениях «оказать медвежьё услугу», «медвежья болезнь». Притяжательное прилагательное «медвежий» перешло в разряд относительных, обозначающих признак через отношение к лицу или пред-

мету. Во многих контекстах авторы стали использовать связанные с образом медведя понятия, обыгрывая их прямые и переносные значения. Ср.: КПРФ и «Единство» - кому страшен ручной медведь (М. Панкратова // КП. 2000. №17). У Думы медвежье лицо. А у вас, судя по вашему поспешному бегству из той самой Думы, - медвежья болезнь (С. Репов // АиФ. 2000. №4). Вспомните рейтинг Примакова весны прошлого года. Кремль же оказал ему в этот момент «медвежьё услугу» (С. Отраднов // АиФ. 2000. №7). Конкуренты Путина могут и воспользоваться подобной «медвежьей услугой» сторонников и.о., чтобы опротестовать итоги выборов в Верховном суде (Т. Нетреба // АиФ. 2000. №8). Позиция «медвежьих» депутатов вырабатывается на встречах руководителя фракции Б. Грызлова и зам.главы администрации В. Суркова. Не исключено, что «Медведь» не захочет оставаться ручным вечно и начнет показывать зубки своему дрессировщику (В. Цепляев // АиФ. 2000. №4) и пр.

1.2. Слот “Птицы”

В метафорических словоупотреблениях данного слота используются такие концепты исходной сферы, как *орел, ястреб, сокол, птенец, курица* и др. “Орнитологические” образы могут быть весьма разнообразны. Сильным изобразительным и агрессивно воздействующим эффектом обладают метафоры, образованные от названий хищных птиц. Ср.: Заклеванное “дружественными правительству” телеястребами “Отечество” стремительно теряло рейтинг (В. Джалагония // Эхо планеты. 2000. №1.).

Назначение Добродеева на важный для проведения президентских выборов пост – событие знаковое. Во-первых, Путин дистанцируется от деятелей, замаранных грязным пиаром предшествовавшей выборной кампании. Демонстрирует профессионализм формируемой им команды. По

сути же это замена кукушки на ястреба. Поэтому народу не сулит ничего хорошего (В. Петров // Правда. 2000. №13.).

Клонированный сокол – Жириновский хочет сорвать все выборы (В.Новиков // МК. 1999. № 32.).

Почему избиратель предпочтет Путина, Березовского, Чубайса, Немцова и прочих вылетевших из гнезда “царя Бориса” хищных птиц Зюганову? (Л. Ковров // МК. 2000. №22.)

Подобные метафорические представления политиков и их действий, а также сопровождающие комментарии, можно рассматривать как акты вербальной агрессии в предвыборном дискурсе, для которых характерна отрицательная оценочность, атакующий характер и резкая критичность оценки. Потенциально метафоры с исходными концептами “хищные птицы” весьма продуктивны, а создаваемые с их помощью образы могут быть достаточно агрессивны, так как способствуют внедрению в сознание реципиентов ощущения опасности и угрозы, исходящей от метафорически характеризуемых представителей той или иной политической ориентации.

Метафорические выражения, основанные на других орнитологических образах, менее конфликтны, хотя тоже могут содержать иронию и негативную оценку. Ср.: В наличии скромности упрекать Б.Немцова трудно и несправедливо – он птенец гнезда чубайсова и четко усвоил правило: больше наглости (В.Буртник // Сов.Россия. 2000. №19.). А для будущих птенцов “гнезда Владимировича” это время могло запомниться беспрецедентностью, открытостью границ (В.Соловьев // АиФ. 2000. №14.). Буду голосовать за Лужкова, потому что Лужков – это птица домашняя, Кириенко – грач перелетный, а Бородин пускай в ельцинском огороде копается, в Москве ему делать нечего (Л. Волкова // МК. 1999. №32.). Господин Жириновский всегда голосом редкой птицы выкрикивает то, что хотели бы слышать наши недоброжелатели и завистники Москвы... Но попугаи не всегда правы (Ю.Ряжский // МК 2000.

№12.). *Нынешняя предвыборная кампания, которую ведут соловьи Березовского, отличается полным отсутствием правил приличия (Б. Алексеев // МК. 2000. № 7.). Сам Кириенко, посидев за столом по правую руку от патрона, пришел к вечеру в “телегерои” дня к Сорокиной и, напыжившись, как воробей на морозе, объяснял свои позиции и мотивы (М. Андреев // Правда. 2000. №9.).*

В приведенных примерах умаление значимости характеризуемых лиц достигается не столько за счет собственно метафор и сравнений, сколько высказыванием в целом. Такие метафоры, как *воробей, соловьи, птенец, птица, грач* требуют контекстуальной поддержки для развития положительного или отрицательного образа. Исключением, пожалуй, является лишь метафора *попугай*. Использование названного концепта для характеристики какого-либо лица оживляет ассоциативные и фоновые семы «крикливости», «глупости», «повторения и бессмысленности высказываний».

1.3. Слот “Остальные животные”

В основе метафорических выражений данного слота оказались наименования вымышленных существ, а также таких представителей животного мира, как *рыбы, акулы, пауки, мухи, динозавры* и пр.

Ср.: *Да я и сам уже профессионально вижу эдакое мушиное роение в думских рядах – слетаются ребятки на запах денег, как сами знаете кто на что. (А.Куликов // МК.. 2000. № 44.). Вполне возможно, что Борис Абрамович, подобно каракатице, выпускает некое чернильное облако, призванное скрыть реальную сущность вещей (И. Вишневецкий // Правда. 2000. №8.). Океан российской политики велик и богат обитателями (А. Степанов // Изв. 2000. №54.). Те кланы в олигархически-криминальном государстве, что возникло на обломках СССР, чувствуют себя как «щуки в воде, царапают, заглатывают все подряд» (Е. Спехов // Правда. 2000.*

№1.). На последних выборах в Думу баллотировалось немало известных «акул пера и микрофона» - Александр Минкин, Павел Воцанов, Александр Невзоров (А. Филиппов // МН. 2000. №1.). Всех депутатов можно пиявками назвать, пусть уж нас простят. Им бы только присосаться к кому-нибудь. А присосутся – не оторвешь. (К. Чернова // Сов.Россия. 2000. №21.). Первая половина 90-х годов, когда возникло огромное количество партий и движений...словно из-под кожи выброшенного на мель огромного кита – советской системы – выползла масса разноцветных паразитов (А. Проханов // АиФ. 2000. №10.). В российской политике, как в никакой другой, много хамелеонов (П. Придорогин // КП. 2000. №12.). Однажды депутат от КПРФ Альберт Макашов всего лишь пятью словами уел сразу двух президентов: «гнида» Горбачев родил «вошь» Ельцина (В. Устюжанин // КП. 1999. №205.). Путин, Строев, Селезнев – это лебедь, рак и щука (С. Жихарев // КП. 2000. №24.).

Зооморфизмы, лежащие в основе метафор и сравнений в приведенных высказываниях, используются преимущественно для характеристики политических лиц и партий, которые являются в предвыборном дискурсе объектами вербальной агрессии. Исходные концепты, развернутые в метафоры и сопровождающиеся в контексте резкой критичностью оценки, способны вызывать у адресата негативные ассоциации, поэтому можно утверждать, что метафорические выражения носят атакующий характер и как языковые средства политической борьбы успешно выполняют свою основную функцию – понижают социальный, политический статус политического противника, причиняют вред репутации и публичному имиджу. В одних высказываниях это происходит в резкой и даже грубой инвективной форме (*вошь, гнида*), в других менее интенсивно – с иронией, аллюзией на известных героев басни (*лебедь, рак и щука*).

Итак, анализ метафорических словоупотреблений рассматриваемого фрейма показывает, что в политическом нарративе «Федеральные выборы

1999-2000 гг.» денотатами зооморфных метафор становятся политические деятели, государственные служащие, избиратели, политические партии и организации. Большая часть метафорических высказываний используется в предвыборном дискурсе как средство политической борьбы и своим представлением предмета речи может вызывать и/или поддерживать в адресате агрессивное состояние формированием прагматических смыслов, внедряющих в сознание негативное представление о государственных лицах и политической ситуации в стране.

2. Фрейм «Объединения животных и иерархические отношения в них»

Источником метафорической экспансии в рассматриваемом фрейме послужили такие концепты, как *стая, стадо, свора, улей, вожак*.

Ср.: *«Кучка», «карлики», «инвалиды» - с такими кличками Доренко, Леонтьев, а теперь на шестом канале Пономарев вцепились в отколовшихся правых. Зачем-то хотят согнать всех в зюгановское стадо. Зачем – непонятно (В. Лошак // МН. 2000. №3.). Даже Скуратов...ударился в основном в теорию и не скормил кружившей вокруг него стае репортеров и телеоператоров ни одного жареного факта (В.Лошак // МН. 1999. № 40.). *Что может сделать президент за сто дней? Борьба крысиных стай не создавала никогда великого государства (А. Афанасьев // Рос.газета. 2000. №41.). Ласковый друг кремлевской семьи (о Б. Березовском) и гонитель властных отступников, слегка отбившийся от правлящей стаи (С. Обухов // Сов.Россия. 2000. №2.). Центральная избирательная комиссия, олицетворявшая собой в последние месяцы неутомимый пчелиный улей, зарегистрировала первого кандидата в Президенты России Г. Зюганова (Г.Щербина // Правда . 2000. №15.).**

Е.Гайдар и С Кириенко – «шибко грамотны» и больно занудны, чтобы стать вожаками народных масс. (В.Соловьев // АиФ. 2000. №16.). По отношению же к власти лучше всего поза подчинения. Как у хищников. В

такой позе тебя не тронут. Более того, допустят до остатков трапезы (В. Егорушкин // МН. 2000. №11.).

Метафоры *стая, стадо, улей* для обозначения группы людей нередко используются в речи; в политическом дискурсе денотатами названных метафор становятся государственные и политические организации, партии и различные объединения лиц, имеющих отношение к политике. В процессе метафоризации актуализируются семы, в которых содержатся отрицательные или положительные коннотации, связанные в сознании носителей языка с данными концептами: *стая* – это жестокость, агрессия, сила, опасность и угроза; *стадо* – бессловесная подчиненность, тупая покорность, управляемость; *улей* – дружная работа, упорный труд.

3. Фрейм «Действия животных»

Достаточно многочисленный и продуктивный фрейм. Большое количество базовых концептов позволяет широко использовать их в предвыборном дискурсе для метафорического представления политической действительности.

3.1. Слот «Агрессивные действия»

В метафорических словоупотреблениях образно используются лексические средства, обозначающие в первичном значении агрессивное поведение животных: *цаннуть, укусить, загрызть (грызня), клевать, бодать* и т.п.

Ср.: *Вокруг Путина идет жуткая грызня (И. Шабдурасулов // КП. 2000. №77). Липовой, показушной является затеянная предвыборная политическая трескотня, в которой настоящей-то политики, то есть борьбы принципиально различных взглядов на пути социально-экономического развития страны, кот наплакал, а в основном все это – просто грызня у еще не растасканных остатков российского пирога (В. Петров // Правда. 1999. №139.). Команда Лужкова «вгрызается в глотку»*

Березовского (А. Рубцов // МН. 1999. №42.). А закон этот предписывает журналистам на весь период предвыборной агитационной кампании отойти в сторону и молча наблюдать, как кандидаты на депутатское место в Думе грызут друг друга, ставят соперникам подножки, толкаются на дистанции (Т. Шкель // Рос. газета. 1999. №219.).

Денотат метафоры ГРЫЗНЯ – предвыборная борьба кандидатов в депутаты. При метафоризации актуализируются семы «ожесточенности», «злобности». Негативно-оценочный характер метафоры подчеркивает повышенную конфликтность и жесткость политической борьбы. Метафорические выражения показывают, что предвыборная кампания 1999-2000 гг. воспринимается и, соответственно, представляется в политическом дискурсе названного периода как крайне жестокая конкуренция политиков в борьбе за власть, где приемлемы любые меры и способы достижения цели.

В высказываниях используются дополнительные средства, усиливающие агрессивный воздействующий потенциал метафорических словоупотреблений: развитие зоологического образа (*вгрызается в глотку*), оценочная лексика (*жуткая, липовая, показушная*), параллельные метафорические образы (сферы влияния как *остатки российского пирога*, предвыборная кампания как *политическая трескотня, спортивные состязания*, на которых участники отличаются агрессивным поведением – *ставят подножки, толкаются на дистанции*).

В других метафорических словоупотреблениях данного слота действия политических лиц и средств массовой информации в предвыборной кампании также представлены как конфликтные и не соответствующие цивилизованным способам борьбы. Ср.: *У меня есть свои соображения, кто мог бы стать следующим президентом. Но как только я назову его имя, ему не дадут спокойно жить, заклюют* (Б. Ельцин // ТР. 1999. № 48.). *Если эти люди хотят забодать всех демократов в виде митинговщины, то дать им самим этого самого по полной программе (М. Текеев*

// КП. 2000. №71.). То Березовский лягнет Гусинского, то Гусинский лягнет Березовского (М. Постол // Правда. 1999. №138.). А покусывания за мягкое место теперь уже никого не впечатляют – хорошо отдрессированный, тренированный, бойцовый тележурналист должен сразу вцепляться в горло и висеть на нем до тех пор, пока клиента не станет (А. Филиппов // Изв. 2000. №36.). Как тявкают политические партии друг на друга, имитируя бурную политическую жизнь, в конечном счете, значения не имеет (В. Петров // Правда. 1999. №139.).

Денотативная сфера функционирования подобных метафорических выражений – действия политиков в борьбе за власть. Восприятие и представление политической борьбы в зоологических метафорических образах вызвано проведением ассоциативных аналогий между политической действительностью и агрессивными отношениями в животном мире. Метафорическая форма высказываний позволяет повысить степень интенсивности и эксплицитности эмоций, показать накал политических страстей в борьбе за власть и, таким образом, оказать воздействующий эффект на адресата. Использование для обозначения политических действий неметафорических средств значительно обеднило бы предвыборный дискурс: «тележурналисты критикуют депутатов» или «кандидаты спорят друг с другом» - подобные фразы хотя и передают основную информацию, но воздействующий потенциал у них практически отсутствует; гораздо ярче и эмоциональней звучит «вцепился в горло», «грызут друг друга» и пр.

3.2. Слот «Другие формы поведения»

В сознании носителей языка взаимоотношения в животном мире ассоциируются не только с жестокостью и угрозой, поэтому в политическом дискурсе находят метафорическое применение языковые средства, отражающие другие формы поведения животных, например: *лизать, лаять, зализывать раны, поджать хвост, кукарекать* и т.п.

Ср.: Лужкову приходится зализывать свои раны, и он в обозримом будущем опасности не представляет (Д. Орешкин // МН. 2000. №8.). Угоревшие в чад ухуляжа славные представители массового оболванивания народа уже вылизали до блеска зады В.Путина и С.Шойгу и превратили их в зеркала (Л. Ковров // Сов.Россия. 2000. №4.). Ни одна из политических сил сегодня не смеет даже тявкнуть в сторону Путина, понимая, что немедленно потеряет симпатии населения (Е. Анисимов // КП. 1999. №242.). Стоял мрачный Боровой – он провалился на выборах. Стоял, поджвав хвостик, пухленький жириновец Митрофанов – тот самый, который собирался «молотить коммунистов» (А. Трубицын // Сов.Россия. 1999. №148.). Но представить себе, что депутаты оппозиции будут лаять, как дрессированные собаки, ровно столько, сколько надо, а когда скажут «молчи» - замолкать, было бы нереально (В. Старков // АиФ. 1999. №32.). Ястржембский с плачевным скулежом приползает к Лужкову (А. Трубицын // МК.. 2000. №8.).

Приведенные выше высказывания можно расценивать как скрытые, косвенные инвективы, потому что они содержат иронию и пренебрежительно представляют предмет речи, что, безусловно, отрицательно влияет на политический имидж характеризуемых лиц, умаляются их вес и значимость в глазах адресата. В процессе метафоризации актуализируются ассоциативные семы «трусости», «слабости», «незначительности»; формируются прагматические смыслы о трусливом, подобострастном поведении политических деятелей, их боязни говорить правду, отстаивать свои позиции, неумении серьезно и ответственно работать и т.п.

3.3. Слот «Образ жизни животных»

Существуют обыденные представления об образе жизни и типичном поведении представителей животного мира. Ассоциации с некоторыми сторонами политической действительности позволяют осуществлять ме-

тафорический перенос в сферу политики знаний о том, что, например, птицы вьют гнезда, пауки плетут паутину, медведи впадают в спячку, а страусы от страха прячут голову в песок и т.п.

Ср.: Вот рядом с В.Путиным и свили себе гнезда единомышленники и помощники-союзники (Ю. Костин // Сов.Россия. 2000. №22.).

Надо ориентироваться на природу. Смотрите, как ведет себя паучок в своей паутине: прилетела муха-стерва – он ее тут же «схватил». У каждого политика должна быть своя паутина: информационная, экономическая, защитная (Д. Аяцков // АиФ. 1999. №49.).

Народ устал. Четыре года политической спячки почти гарантированы (А. Колесников // Изв. 2000. №51.).

Во фракции «Единство» кишат руководители мелких фирм, промышленно-строительных групп. Неизвестные землякам, они – свои люди в региональных администрациях (А. Останчук // МН. 2000. №3.).

Одни тянули руки «за», подавая сигнал «мы с вами». Вторые попытались спасти лицо, но почему-то по -страусиному спрятав голову в песок (В. Егорушкин // МН. 2000. №11.).

Птенцы гнезда Гусинского растут, оперяются: только что состоявшееся назначение Киселева на пост гендиректора НТВ дает ему шанс раскрыть свое дарование с иной стороны (А. Архангельский // Изв. 2000. №21.).

Создаваемые зоологические образы не имеют сильно выраженной негативной оценки. Некоторые из приведенных метафорических выражений можно отнести в разряд нейтральных (*спячка, паутина*), другие же высказывания содержат коннотации пренебрежения к характеризуемому политическому объекту: *выгодно пристроились те, кто свили гнезда рядом с Путиным; испугались депутаты, спрятавшие голову в песок; многочисленны и незначительны руководители, которые кишат во фракции «Единство».*

Итак, большинство метафорических словоупотреблений фрейма «Действия животных» образно представляют действия политиков в борьбе за власть. Концепты исходной сферы позволяют продуцировать различные образы, в том числе и агрессивные, что вполне соответствует характеризующейся области, так как агрессия – одно из свойств политической борьбы.

4. Фрейм «Обращение с животными»

Данная структура знаний включает в себя типичные представления человека о способах обращения с животными. Метафорический перенос этих знаний в сферу политических отношений порождает такие высказывания, которые представляют политическое взаимодействие партий, организаций, депутатов и пр. аналогично обращению человека с дикими или домашними животными. В структуре фрейма мы выделили два слота.

4.1. Слот «Животные как объект агрессии»

В основе метафорических выражений лежат концепты, подразумевающие жестокое обращение с животными: *охота (охотиться), травля (травить), ловушка (ловить), сеть, кнут, поводок; подрезать крылья, зарезать, давить* и т.п.

Ср.: Главным организатором травли лидеров ОВР является Борис Абрамович (Ю. Лужков // МК. 1999. №41.). Левых избирателей сильно го-

рячила также открытая травля ОВР, путавшая электоральную оборону оппозиции (А. Рубцов // МН. 2000. №1.). Если мы не хотим, чтобы нас переловили, как кроликов, и передавили, как мух на стекле, к декабрьским выборам в Госдуму надо подойти ответственно (Л. Ковров // Сов.Россия. 1999. №144.). Нет, это не избирательный бюллетень – это сеть, раскинутая ловцами человеческих душ (Ж. Касьяненко // Сов.Россия. 1999. №150.). Журналист решил сделать ход конем – пригласить в свою последнюю программу председателя ЦИКа А.Вешнякова в надежде переговорить его, запутать вопросами... Не получилось... (Вешняков) сумел обойти неуклюже расставленные демагогические ловушки (А. Вартанов // Труд. 1999. №208.). Часть населения оболванена, зомбирована. Но те, у кого есть своя голова на плечах, уже начинают разбираться, кто есть кто. Отказываются «клевать» на пропагандистские наживки доренок и сванидзе (Ю. Махрин // Правда. 1999. №139.). С помощью правого блока можно держат на коротком поводке коммунистов, в любой момент угрожая поставить вопрос о доверии спикеру и пересмотру пакетного соглашения (С. Чугаев // КП. 2000. №10.). А премьер Путин, пока ему еще не подрезали крылья, решил зайти на террористов с другого конца и велел МИДу ввести визовый режим с Грузией (Ю. Клинина // Сов.Россия. 1999. №6.).

Метафорические словоупотребления, характеризующие в предвыборном дискурсе политическую борьбу как травлю, охоту или ловлю, создают образ жертвы и ее преследователей, чем акцентируют негативные стороны политической действительности: жесткие формы борьбы, неуважение к политическому противнику, достижение поставленных целей любыми средствами.

В этом же ряду мы рассматриваем идиоматические выражения «держат на коротком поводке» в значении контролировать, управлять и «подрезать крылья» в значении ограничить инициативу. Данные высказывания

выполняют ту же функцию в политическом дискурсе, что и большинство конфликтных (агрессивно воздействующих) метафорических словоупотреблений, - умаляют значимость характеризуемых политических лиц, указывая на их возможную несамостоятельность (зависимость, подчиненность) и легкую управляемость.

Итак, в силу того, что многие исходные концепты данного слота прочно ассоциируются в сознании носителей языка с жестокими и агрессивными явлениями, рассматриваемые метафорические образы и сравнения используются в предвыборном дискурсе для представления отрицательных сторон политической действительности, для негативной характеристики политических противников и оказания эмотивного воздействия на адресата.

4.2. Слот «Животные как объект эксплуатации»

Источником метафоризации явились концепты, связанные с такой деятельностью человека, которая направлена на эксплуатацию животных, использование их для своих нужд: *доить, запрягать (упряжка), оседлать, дрессировать, приручать, укрощать, клонировать, селекционировать* и т.п.

Ср.: По инициативе Центризбиркома существует два объединения: ЛДПР и Блок Жириновского. Я это назвал политическим клонированием. Англичане овец клонируют, а мы Жириновских (В. Жириновский // АиФ. 1999. №50.).

Идея носилась в воздухе – организация разного рода пирамидальных компаний, чековых фондов, с помощью которых можно основательно «подоить» наивное население (Ю. Васильев // Рос.газета. 2000. №58.).

В метафорических словоупотреблениях данного слота исходные концепты способны репрезентировать различные свойства, как положительные, так и отрицательные. К примеру, с помощью метафоры УПРЯЖКА

(КОЛЕСНИЦА) можно обозначить, во-первых, дружную работу; во-вторых, использование и эксплуатацию кого-либо; в-третьих, тесную связь, единство с кем-либо. Ср.: *Разумеется, свою лепту внес в приветственной речи и.о. президента В. Путин, призвавший парламентариев работать в одной упряжке с правительством* (В. Никифорова // Правда. 2000. №6.).

В последнее время много говорят и пишут о желании некоторых политических кругов «приватизировать» или хотя бы как-то впрячь в свою предвыборную колесницу новую и многообещающую фигуру – Владимира Путина (А. Овчаров // Труд. 1999. №228.).

А на встрече с городской общественностью не менее задиристо напирал депутат областной Думы профессор Иван Сурков, нарочито впрягая самарского губернатора в упряжку соратников Б.Ельцина, обвиняя во всех ошибках и упущениях «семьи» (А. Терновский // МН. 2000. №8.).

Глагол «оседлать» и его производные в метафорических выражениях могут обозначать, например, «взять под контроль, навести порядок» или же «подчинить себе, использовать в своих интересах». Ср.: *В итоге, Путин сумел оседлать античеченскую волну народных настроений* (Е. Анисимов // КП. 1999. №215.).

Страной управляет номенклатура, оседлавшая выборные технологии. Обладая гигантскими ресурсами, номенклатура контролирует все ключевые структуры, включая СМИ, что и было продемонстрировано выборами 19 декабря (С. Хайтун // МН. 2000. №1.).

По отношению к политическим деятелям, партиям, населению страны в политическом дискурсе метафорическое используются глаголы «укротить», «обуздать», «приручить», существительные «дрессировка», «дрессировщики», в результате чего формируются прагматические смыслы о возможном обращении с названными объектами с позиций силы и власти. Ср.: *Характерно, что другой телеведущий этой же программы («Теледе-*

баты» ТВЦ) – Дмитрий Кисилев – знает способ укротить не в меру активных политиков (А. Вартанов // Труд. 1999. №227.).

Руководство страны обязано обуздать чиновников всех рангов, которые мешают становлению предпринимательства (В. Федцов // Рос.газета. 2000. № 1.).

Кто поручится, что у кого-то из кремлевских администраторов не возникнет искушения приручить северную столицу, направив туда на губернаторство своего ставленника? (Н. Борисов // КП. 2000. №5.).

Что бы там ни заявляли дрессировщики «Медведя» о либерализации животного, но стоит посмотреть на середину и левую от спикера часть зала нашего парламента, чтобы различий в лицах не увидеть: собственно это и есть «единство» – общность мелких функционеров КПРФ (В. Львов // МН. 2000. № 3.).

Итак, денотатами метафорических словоупотреблений фрейма «Обращение с животными» становятся в предвыборном дискурсе сами политики, чиновники, партии и организации, а также деятельность названных субъектов и государственных структур.

В сознании носителей языка существуют типичные знания о взаимодействии человека и животных. Например, одно из стереотипных представлений о том, что человек, как существо разумное и более развитое, может уничтожать животных или использовать их в своих целях, лежит в основе формирования ассоциаций и аналогий с политическими отношениями, что позволяет осуществлять метафорический перенос подобных знаний и представлений в сферу политики. В процессе метафоризации актуализируются ассоциативные и факультативные семы «силы», «превосходства», с одной стороны, и «слабости», «подчиненности», с другой стороны. При этом сохраняется и воздействующий эффект метафорических выражений: образ слабой, зависимой и управляемой политической «жертвы» внушает мало уважения адресату речи.

5. Фрейм «Части тела животных»

Исходные концепты сферы-источника – *зубы, когти, рога, хвост, крылья, шерсть, шкура* и пр. - метафорически используются в агитационно-политическом дискурсе преимущественно при описании типовых действий политиков. Ср.: *Еще задолго до парламентских выборов политики и политологи решили: эти выборы – в значительной степени ключ к выборам президентским, ожидающих нас летом 2000 года. Вот почему такая жесткая была борьба – зубами и когтями, а не мягкими лапками* (М. Ростовский // МК. 1999. № 112.).

Классический прием под названием «хвост виляет собакой» был использован и на этот раз. Яковлева очень хотели «свалить», но действительно сильного соперника найти так и не смогли (Ш. Султанов // КП. 2000. №75.).

Все жильцы дома проголосовали за конкретного кандидата, с которого потом можно будет взять «хоть шерсти клок» (А. Яловец // Обл.газета. 2000. №31.).

Перенос в политическую сферу концептов, называющих части тела животных, способствует в целом созданию и развитию зоологических метафорических образов, которые, в свою очередь, негативно характеризуют предмет речи.

Так, в высказывании об избранном депутате содержится аллюзия на известную поговорку «С паршивой овцы хоть шерсти клок». Таким образом, депутат имплицитно, косвенно отождествляется с «паршивой овцой». Кандидаты, боровшиеся за депутатские мандаты «зубами и когтями, а не мягкими лапками», ассоциируются с дикими животными, а не с избранными представителями российского народа.

Содержащиеся в высказываниях ирония и пренебрежение по отношению к политикам и предвыборной борьбе направлены на умаление значимости как самих характеризуемых лиц, так и их действий.

6. Фрейм «Быт и места обитания животных»

Источником переноса в область политики становятся здесь концепты, связанные с бытом и местом обитания животных: *кормушка, корыто, ферма, хлев, логово, болото, берлога* и пр.

В обыденном представлении человека быт животных связан с кормлением и уходом, и неплохо живется тем, кто имеет возможность хорошо питаться – полная кормушка и свободный доступ к ней являются залогом счастливой сытой жизни. Вероятно, на основании подобных представлений метафора КОРМУШКА активно используется в политическом дискурсе, когда речь идет о льготах, привилегиях и возможностях находящихся у власти лиц. Источники обогащения, которые становятся доступны людям, достигшим власти (государственных постов, должностей), метафорически осмысляются в предвыборном дискурсе как *кормушки, корыто*. Ср.: *Никто круглощеких гайдарчиков от корытца оттаскивать не собирается. Разве что сам припасть желает. Чубайс, Березовский и К... прозорливо потеснились* (И. Вишневский // Правда. 1999. №137.).

Немного ущербная система, но она позволяет элитам спокойно провести ротацию внутри себя, распределить портфели и кормушки и начать управлять вверенным населением (А. Колесников // Изв. 2000. №51.).

И вся многочисленная свита ушедшего короля (о Ельцине) вполне благополучно сохранила доступ к властному корыту. Волки сыты. А народ... (В. Никифорова // Правда. 2000. №1.).

Номенклатурная собственность имеет двойное назначение. Во-первых, она создает спецсреду обитания, позволяющую номенклатуре жировать за счет основного населения. Спецсреда создается спецкор-

мушкой, то есть глубоко эшелонированной системой привилегий и льгот (С. Хайтун // МН. 2000. №1.). Только слепые не видели, что договориться о разделе мест у кормушки олигархи уже физически не в состоянии, ибо кормушка иссякает. Наступили суровые времена не полюбовных сделок, а «братоубийственной» борьбы хищников не на жизнь, а на смерть (А. Фролов // МК. 2000. №9.).

Приведенные высказывания относятся к числу конфликтных, агрессивно воздействующих метафорических словоупотреблений. Яркий пример того, как сильна не столько сама метафора, сколько выводимые из нее следствия. Конечно, метафора КОРМУШКА (КОРЫТО), обозначающая источник дохода, имеет отрицательные коннотации, связанные с актуализацией ассоциативных сем «нечистоплотности», «грязи», «дармовщины», но основное развитие метафоры и реализация ее негативного прагматического потенциала происходит в контексте.

Назовем основные направления, по которым разворачивается метафора и наводит на неограниченное количество следствий: во-первых, кто получает доступ к кормушке и насколько заслуженно...; во-вторых, на какое количество «потребителей» она рассчитана...; в-третьих, за чей счет кормушка постоянно пополняется... В метафорических выражениях развивается оппозиция «свой – чужой» (один из показателей агональности в политическом дискурсе), в которой резко противопоставляются народ и политики. Агрессивность высказываний усугубляется манипуляцией с именем политика (*гайдарчики*), эмоционально-оценочной лексикой (*круглощечие, ущербная, жировать, оттаскивать, припасть, «братоубийственная»*), развитием основного зоологического и параллельного метафорического образа (*волки; король и многочисленная свита* – о президенте и его окружении; *борьба хищников* – об олигархах), умолчанием с аллюзией на народную поговорку «И волки сыты, и овцы целы» (*Волки сыты. А народ...*).

Понятия, означающие места обитания животных, имеют свои особенности употребления в политическом дискурсе. В процессе метафорической номинации зданий, территорий, мест сбора политических лиц концептами *заповедник, зоопарк, джунгли, тайга* одновременно происходят метонимические преобразования по схеме ВМЕСТИЛИЩЕ - ВМЕСТИМОЕ, когда под названными понятиями подразумевается не сама территория, а ее обитатели. Ср.: *Калашников – крупная фигура в масштабах нашего заповедника* (В. Шендерович // МН. 1999. №44.).

А тут не колхозная ферма и даже не район. Тут кремлевские джунгли, где за каждым каналом свой Шерхан (А. Блинов // Сов.Россия. 2000. №6.).

Метафора БОЛОТО для обозначения какого-либо коллектива, в котором царит косность взглядов и застой, характерна для русского языка и зафиксирована в толковых словарях, поэтому ее использование в предвыборном дискурсе для характеристики политических партий и организаций вполне оправданно и соответствует целям политической борьбы – давать негативную оценку политическому оппоненту. Ср.: *Переговоры, как здесь выражаются, с думским «болотом» (т.е. с фракцией «Единство» и группой «Народный депутат») вел другой заместитель главы администрации Владислав Сурков* (Е. Красников // МН. 2000. №3.).

Метафоры со значением местообитания животных могут использоваться для номинации конкретного здания. Ср.: *Нередко он (С. Ниязов) садится за руль старенького битого «Москвича», который держит на такой случай в президентской «конюшне», и, улизнув от охраны, в гриме и с прилепленной бородой выясняет, как на самом деле живет народ в стране* (В. Березовский // Рос.газета. 2000. №35.). Метафорический перенос здесь осуществляется по функциональному признаку. А могут участвовать в создании зоологического метафорического образа. Ср.: *В будке гласности царит Доренко. Еще на цепи, но уже без намордника. И как орел у Проме-*

тея, по воскресеньям выгрызает у Лужкова кровоточащие куски печени и других политических органов (А. Рубцов // МН. 1999. №42.). Денотат метафоры БУДКА – телепередача, свободное телевидение. Сама метафора является только частью метафорической характеристики конкретных лиц: телеведущий представляется сначала в образе злобного цепного пса, а затем мифического орла, а критикуемый им политический лидер – в образе жертвы. Метафора ЦЕПЬ актуализирует зависимость объекта, но метафора БЕЗ НАМОРДНИКА указывает на его злобное, агрессивное и угрожающее поведение. Сравнительный оборот вводит мифологические образы, которые метафорически развиваются в высказывании: *«выгрызает кровоточащие куски политических органов».*

Таким образом, метафоры, исходные концепты которых связаны с бытом и местообитанием животных, могут быть вполне нейтральны, а могут нести негативно-оценочный заряд и акцентировать отрицательные стороны, свойства и признаки политической действительности.

Итак, как показывает анализ, рассмотренная метафорическая модель МИР ЖИВОТНЫХ оказалась востребованной в политическом нарративе «Федеральные выборы 1999-2000 гг.» для представления политической и экономической ситуации в стране в предвыборный период, для характеристики субъектов политики и самой политической борьбы.

Несмотря на широту и многомерность исходной сферы, в предвыборном дискурсе при метафоризации используются типовые представления о животном мире и взаимоотношениях в нем, о чем свидетельствует фреймовая структура метафорической модели и приводимая нами выше ненаучная («наивная») классификация животных, существующая в сознании носителей языка и функционирующая в дискурсе избирательной кампании. Причем в метафорических словоупотреблениях представлен далеко не весь спектр даже обыденных знаний о животных, авторы высказываний выбирают преимущественно те концепты сферы-источника, с помощью

которых можно репрезентировать негативные аспекты политической жизни, показать агрессивность политиков в борьбе за власть, создать неприглядный образ политического противника. Особенно способствуют достижению перечисленных целей многие метафорические выражения фреймов «Наименования животных», «Действия животных», «Обращение с животными». В большинстве случаев метафорическая номинация крупных политических фигур зооморфизмами направлена в агитационно-политическом дискурсе на дискредитацию, резкое снижение предмета речи, и, как отмечает Г.Н. Складарская, «обычно такие наименования-характеристики... обладают яркой пейоративной окраской» (Г.Н. Складарская, 1993, с.91). А развивает зоологические образы и усиливает воздействующий эффект на адресата речи метафорическое осмысление и представление политической деятельности как агрессивного поведения животных или жестокого обращения с ними. Подобные метафорические высказывания мы расцениваем как акты вербальной агрессии в предвыборном дискурсе, потому что они нацелены на причинение ущерба политическому противнику и, следовательно, являются средством политической борьбы.

Следует отметить, что для метафорической модели МИР ЖИВОТНЫХ характерно наличие не только явно агрессивных, конфликтных высказываний, но и метафор, создающих ироничные, смешные зоологические образы. В таких метафорических выражениях через иронию, смех, пренебрежение происходит умаление значимости характеризуемого объекта или предмета речи, уничижение его в глазах адресата, что также считается вербальной агрессией в политическом дискурсе, хотя и менее «жесткой» ее формой.

Потенциал исходной сферы позволяет образовывать нейтральные и позитивные метафоры, которые используются в дискурсе избирательной кампании для положительной характеристики политических деятелей,

партийных организаций, органов власти. Таких метафор немного, и встречаются они значительно реже.

Таким образом, исследованный материал позволяет заключить, что в агитационно-политическом дискурсе периода федеральных выборов 1999-2000 гг. зооморфная сфера является активным источником образования метафорических выражений, которые, характеризуя политическую реальность и эмотивно воздействуя на адресата, являются сильным средством предвыборной борьбы.

Выводы по второй главе

Рассмотренный в настоящей главе материал свидетельствует, что в политическом нарративе «Федеральные выборы на рубеже веков» активно функционируют метафорические модели **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА**, **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это МИР КРИМИНАЛА**, **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это МИР ЖИВОТНЫХ**.

Наиболее частотной и детально структурированной среди рассматриваемых оказалась метафорическая модель **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это МИР ЖИВОТНЫХ**, второе место по частотности занимает модель **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА**, соответственно на третьем месте находится метафорическая модель **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это МИР КРИМИНАЛА**.

Наиболее многочисленные по количеству элементов фреймы зооморфной метафоры – «Состав царства животных» (137 единиц), «Действия животных» (98 единиц). Наиболее многочисленные по количеству элемен-

тов фреймы криминальной метафоры – «Преступные действия» (86 единиц), «Преступники и их специализация» (74 единицы). Наиболее многочисленные по количеству элементов фреймы военной метафоры – «Военные действия и вооружение» (128 единиц), «Война и ее особенности» (115 единиц).

Рассматриваемые в настоящей главе зооморфные, военные и криминальные образы чаще всего обозначают политических лидеров современной России (особенно непосредственных участников избирательной кампании), политические партии (объединения и отношения внутри них), политическую борьбу между политическими партиями и объединениями, деятельность органов власти, социально-политическую реальность в государстве предвыборного периода 1999-2000 гг.

Исходные концепты базовых сфер при метафорическом использовании позволяют создавать высказывания, которые расцениваются в политическом дискурсе как акты вербальной агрессии, так как способствуют понижению статуса метафорически характеризуемого политического лица или создают в целом негативный образ реальности, провоцирующий недовольство, тревогу у адресата речи. Зооморфные, военные, криминальные метафорические выражения функционируют в предвыборном дискурсе в качестве средства политической борьбы. Непосредственно направленные на объект агрессии рассматриваемые метафорические единицы опосредованно воздействуют на дискурсного адресата, внедряя в сознание необходимое говорящему мировосприятие. Все три рассматриваемые метафорические модели обладают значительным агрессивным прагматическим потенциалом: соответствующие им метафоры способны вызвать у адресата негативную эмоциональную оценку соответствующих лиц и явлений, стремление к действиям, необходимым для изменения существующей политической ситуации.

Таким образом, проанализированные материалы показывают, что в агитационно-политическом дискурсе периода федеральных выборов 1999-2000 гг. оказываются востребованными конфликтные, агрессивно воздействующие метафоры. Милитарная, криминальная и зооморфная метафора становится наиболее подходящим способом представления вполне естественно для предвыборной кампании соперничества политических сил, для критики существующей политической ситуации и обоснования необходимости изменений.

В задачи настоящей диссертации не входит этическая оценка исследуемых словоупотреблений, однако необходимо отметить, что многие конкретные образы, соответствующие рассматриваемым моделям, способны унижить честь и достоинство оппонента. Некоторые криминальные, милитарные и зоологические образы, используемые в политическом дискурсе, не всегда соответствуют принципам толерантного общения и кодексу честной политической борьбы. К сожалению, далеко не все современные политические лидеры и журналисты стремятся к политической корректности и забывают о том, что сильные выражения не обязательно воспринимаются как сильные аргументы.

ГЛАВА 3. Развертывание в тексте метафорической модели с агрессивным прагматическим потенциалом

В предшествующей главе было представлено описание структуры ведущих метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом в общем континууме текстов, относящихся к политическому нарративу «Российские политические выборы на рубеже веков». Основная задача настоящей главы – исследование закономерностей развертывания названных метафорических моделей в конкретных текстах.

3.1. Концептуальная метафора как средство организации текста

Наблюдается терминологическая многозначность в определении понятия «текст». В «Кратком словаре лингвистики текста» выделяются четыре основных значения данного термина: 1) текст как связная последовательность, законченная и правильно оформленная; 2) некоторая общая модель для группы текстов; 3) последовательность высказываний, принадлежащих одному участнику коммуникации; 4) письменное по форме речевое произведение (1978, с.471).

В действительности же круг значений термина «текст» значительно шире. Исследование текста ведется в рамках лингвистического, семиотического, психологического и других подходов, и каждое принятое определение подчеркивает различные аспекты этого сложного образования. Интегрировать как лингвистические знания относительно текста, так и данные об этом явлении смежных наук призвана «лингвистика текста», становление которой как особой языковедческой научной дисциплины относится в основном к трем последним десятилетиям. В отличие от других языковедческих дисциплин для лингвистики текста «характерно объяснение лингвистических фактов не только с помощью лингвистических же фактов – сочетаемости языковых знаков, их распределения в речевой цепи,

но и широкое привлечение экстралингвистических фактов: ситуации порождения и восприятия текста, коммуникативной и прагматической установки автора, соотнесение писателем созданной в тексте модели мира с самим этим миром» (З.Я. Тураева, 1986, с.7).

В настоящей работе мы анализируем представленные средствами массовой информации конкретные тексты, сконцентрированные вокруг политической ситуации федеральных выборов 1999-2000 гг. Текст рассматривается как объект исследования и вслед за И.Р. Гальпериным понимается как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с этим типом документа, произведение состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (И.Р. Гальперин, 1981, с.18). Данное определение признается в отечественной научной литературе наиболее удачным (Л.А. Манькова, 2000, с.172), хотя и исключает устную речь, подчеркивая фиксированность произведения на письме.

Одной из основных задач лингвистики текста является выделение и описание текстовых категорий (И.Р. Гальперин, 1977, 1981, 1984; Н.И. Кондаков, 1975; Т.М. Николаева, 1972; З.Я. Тураева, 1986 и др.). Категории текста носят универсальный характер и описывают способы внутренней организации текста. Наблюдаются существенные различия в выделении основных параметров текста, поскольку в основе классификаций лежат различные критерии: семантические и структурные, прагматические и функциональные, отличающие текст как лингвистический объект и характеризующие экстралингвистическую ситуацию порождения текста. Например, И.Р. Гальперин (1981) описывает такие категории, как информативность, ретроспективность, сцепление и др.; Л.М. Майданова (1987) вы-

деляет следующие основные признаки текста: целостность, отдельность, связность, метареференция (отражение ситуации общения); по мнению Н.Н. Трошиной (1982), одним из основных признаков текста наряду с завершенностью и отдельностью является целостность, или когерентность; Т.Н. Ушакова (1989) в качестве основного текстообразующего признака текста выделяет его связность и описывает грамматические, лексические и интонационные средства связи в тексте.

Так, О.А. Лапшова, анализируя и обобщая подходы к проблеме текста у различных авторов, предлагает выделять две группы текстовых категорий: структурные и содержательно-концептуальные. Структурные категории присущи тексту как лингвистическому объекту, они заложены в самом тексте, его структуре, - это когезия (связность), членимость, интеграция и др. Содержательные признаки связаны с семантикой понятий, их индивидуальной интерпретацией получателем информации, трактовкой текста в зависимости от его коммуникативного назначения. Содержательно-концептуальные категории осуществляют связь между текстом и объективной реальностью, отраженной и преломленной в нем, и описывают экстралингвистические особенности порождения текста; к ним относятся – цельность (целостность), информативность, образ автора, прагматическая направленность, подтекст, локально-темпоральная отнесенность (О.А. Лапшова, 2001, с.44).

Итак, наиболее часто основными параметрами текста в научной литературе называются признаки цельности (целостности) и связности (Л.Г. Бабенко, Ю.А. Сорокин, Л.Н. Мурзин и др.). Целостность текста «ориентирована на план содержания, на смысл, она в большей степени психолингвистична и обусловлена законами восприятия текста, стремлением читателя, декодирующего текст, соединить все компоненты текста в единое целое» (Л.Г. Бабенко, 2000, с.56). Целостность – «есть латентное (концептуальное) состояние текста, возникающее в процессе взаимодействия реци-

пиента и текста» (Ю.А. Сорокин, 1982, с.65). Читатель воспринимает текст как некоторое единство, хотя и не всегда до конца осознает причины такого восприятия. В то же время восприятие текста – это семантически ориентированный процесс, в результате которого в сознании читателя закрепляется не весь текст.

Мы считаем, вслед за А.П. Чудиновым (2001) и Е.В. Колотниной (2001), что существующая в том или ином тексте система концептуальных метафор может способствовать восприятию данного текста как определенного единства и метафора, развернутая в тексте, способна актуализировать и удерживать объект (предмет речи) в сознании адресата.

Другой основной параметр текста как единицы речи – связность (когезия), которая определяет особенности соединения внутри текста его элементов (фрагментов, сверхфразовых единств, предложений). По определению Ю.А. Сорокина, связность текста – это «рядоположенность и соположенность строевых и нестроевых элементов языка (речи), есть некоторая дистрибуция, законы которой определены технологией соответствующего языка» (Ю.А. Сорокин, 1982, с. 65).

К числу обеспечивающих связность текста элементов языка во многих случаях относится и система метафор. М.Л. Новикова, исследующая метафору в художественном тексте, доказывает, что метафора нередко представляет остов, основу текста. В тексте метафоры тесно связаны друг с другом, образуя целую систему единообразия изобразительных средств. Образная структура текста основывается на логической связи вида «если А, то В», «А влечет В»: если *шинель – парус*, то *идти – плыть*, *стороны улицы – берега*, *противиться ветру – лечь в дрейф* и т.п. Взаимодействие таких словесных рядов создает общую метафорическую многоплановость и образность текста (М.Л. Новикова, 1982, с.25-30).

Как показывают даже предварительные наблюдения, метафорические словоупотребления в рассматриваемых политических текстах часто пред-

ставляют собой не случайный набор абсолютно автономных элементов, а своего рода систему. Организующим стержнем этой системы становится та или иная метафорическая модель.

Основная гипотеза, лежащая в основе данной главы, - это представление о том, что концептуальная метафора (параллельно с другими средствами) способна обеспечивать связность и цельность текста. Как показывает А.П.Чудинов (2001, с. 205 – 209), политические тексты часто организованы таким способом, что в них ясно ощущается доминирование какой-то одной метафорической модели. В этом случае в тексте обнаруживается значительное число взаимодействующих метафор, соответствующих этой модели. И эта система метафор способствует восприятию текста как определенного единства, она связывает отдельные части текста в единое целое.

Способность к разворачиванию в тексте – важнейшее свойство концептуальной метафоры. Например, если в тексте появляется та или иная концептуальная метафора («политика – это война»), то можно ожидать ее разворачивания по самым разнообразным фреймам: война ведется по определенным законам, в ней есть победители и побежденные, в войне принимают участие различные подразделения, войсковые группы, участники военных событий применяют различные виды вооружений и т.д.

В связи с тем, что мы исследуем тексты агитационно-политического дискурса периода избирательной кампании, представляется важным в ряду основных рассмотреть еще и такую текстовую категорию, как прагматическая направленность текста. Под прагматикой понимается отношение знаков к их истолкователям. Субъект, создавая определенный текст, всегда ориентируется на возможного получателя информации (в нашем случае – на избирателя, политического оппонента). Текст продуцируется автором для достижения запланированной цели, конечного результата. Адресант предполагает, что посредством текста сможет регулировать поведение адресата, воздействовать на него.

Н.А. Безменова отмечает, что текст может воздействовать на разные уровни человеческого сознания, осуществляя различные формы перестройки этого сознания. Первый тип речевого воздействия характеризуется изменением отношения субъекта к некоему объекту без изменения категориальной структуры индивидуального сознания субъекта. Второй тип речевого воздействия состоит в формировании общего эмоционального настроения, мироощущения реципиента воздействия. Эмоции выступают как наиболее глубинные факторы категоризации, определяющие общие контуры выстраиваемого сознанием концептуального образа мира. Третий тип речевого воздействия можно связать с перестройкой категориальной структуры индивидуального сознания, введением в нее новых категорий, проявляющихся в классификации, формах упорядочивания объектов, событий окружающей предметной и социальной действительности (Н.А. Безменова, 1990, с.19).

Обладающая воздействующим эффектом, концептуальная метафора с агрессивным прагматическим потенциалом, получив развитие в тексте, может считаться сильным языковым средством, используемым в политической борьбе предвыборного периода для оказания эмотивного воздействия на адресата речи. Создаваемые конфликтной метафорой негативные образы отражают агрессивную прагматику текста и расцениваются как акты вербальной агрессии в политическом дискурсе.

В соответствии с общей задачей настоящей главы в следующем параграфе описываются основные виды метафорического развертывания: ярко выраженное доминирование одной модели (и даже одного фрейма) и параллельное развертывание двух-трех моделей.

Как известно, современная лингвистика выделяет ряд сильных (то есть наиболее значимых для восприятия) позиций текста. Это начало и концовка текста, его заголовок, эпиграф, первая и последняя фразы основной части и составляющих ее компонентов (Г.И. Богин, Н.А. Кузьмина,

Э.А. Лазарева, Ю.А. Сорокин, А.П. Чудинов и др.). Очевидно, что метафора, оказавшаяся в сильной позиции, воспринимается как наиболее значимая. Она часто организует всю метафорическую систему текста и поэтому представляет особый интерес для исследования. Поэтому в последнем разделе настоящей главы рассматривается взаимодействие метафорического заглавия и других метафор текста.

3.2. Основные виды развертывания концептуальной метафоры в тексте

В исследованиях А.П.Чудинова (2001) и Е.В.Колотниной (2001) было выделено два основных вида развертывания доминантной метафорической модели в тексте. В первом случае в рамках одного текста сосредоточены метафоры, относящиеся к одному фрейму (к данному варианту относятся сценарии, в которых не менее 70% метафор относятся к основному фрейму). При втором варианте в тексте происходит многоаспектное развертывание метафор, принадлежащих разным фреймам одной модели, приобретающей функцию метафорической доминанты, метафоры модели лишь эпизодически взаимодействуют с метафорами смежных или оппозиционных моделей. Вместе с тем, исследователи отмечают, что далеко не в каждом рассматриваемом тексте можно выделить доминантную метафорическую модель.

В нашем исследовании в связи с особенностями его проблематики использована несколько иная классификация:

1) Тексты, в составе которых отчетливо выделяется доминирующая метафорическая модель (в нашем случае это милитарная, криминальная или зооморфная метафора).

2) Тексты, в которых параллельно реализуются две-три метафорических модели с агрессивным прагматическим потенциалом.

3) Тексты, в составе которых метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом не занимают доминирующего положения.

Рассмотрим в качестве примера текст, в котором отчетливо выделяется доминирующая метафорическая модель **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ВОЙНА**. Статья под заголовком *«Броненосец «Яковлев» наскочил на «Яблоко»* из газеты «Комсомольская правда» от 14 декабря 1999 года. Основная тема публикации: лидеру партии «Отечество – Вся Россия» (ОВР) губернатору Санкт-Петербурга Яковлеву решением Верховного суда РФ по иску представителей партии «Яблоко» запрещено досрочное проведение губернаторских выборов одновременно с выборами в Госдуму 19 декабря 1999 года. В связи с названным событием автор публикации рассматривает особенности продвижения к парламентским выборам блока ОВР.

Метафоричны название рубрики (*морской бой*), сам заголовок и подзаголовок (*Грозит ли армаде ОВР политическая Цусима?*), провоцирующие любопытство и интерес адресата. Фоновые знания (общеизвестные названия политических партий «Яблоко», ОВР) позволяют читателю понять, что речь пойдет о политике, а не о действительных морских битвах, поэтому могут возникнуть вопросы о том, чем вызваны подобные аналогии. Начало статьи дает объяснение выбору автором именно военного образа – целый абзац посвящен сравнению движения блока ОВР с *«плаванием Второй Тихоокеанской эскадры в пору русско-японской войны, когда на старте армада казалась непобедимой, а к точке решающего сражения – Цусимскому проливу – приближалась, потеряв немало времени, ресурсов, кораблей»*.

Задав метафорический образ, автор статьи продолжает раскрывать тему с помощью концептов из военной сферы-источника. Лидеры блока уподобляются *старым броненосцам, флагманам*, их политические противники – *дерзким супостатам*, сам партийный блок – *армаде*. Доминируют в

тексте метафорические выражения, относящиеся к фрейму «Военные действия». Деятельность политиков, принадлежащих блоку ОВР, представляется в тексте как неудачная оборона, а действия их политических противников характеризуется метафорой АТАКА. Ср.: *Вот и лидеры ОВР, подобно старым броненосцам, отбиваются от наседающего дерзкого супостата, да их снаряды до цели не долетают (устарели). Супостат же, в свою очередь, жалит со всех сторон – то сосредоточит огонь на флангах, то топнит корабли арьергарда. Точный и мощный удар был нанесен армаде ОВР в конце прошлой недели.*

Основная тема вводится метафорическим выражением, повторяющим заголовок. Ср.: *Один из трех флагманских броненосцев - «Губернатор Яковлев» - наскочил на ловко подброшенную ему мину в виде «Яблока».*

Для поддержания и усиления заинтересованности читателя автор не сразу дает информацию, которая позволит понять суть метафоры, а использует композиционный прием экспрессии – проспекцию: забегает вперед, сообщая о последствиях происшествия; при этом для характеристики результатов события используется все тот же милитарный образ. Ср.: *Получил (Яковлев) пробоину ниже ватерлинии и поставил под угрозу все плавание.*

Главная тема сообщается практически без использования метафорических выражений, только в последних фразах основной части появляется метафора СПОРТ, совмещенная с метафорой ВОЙНА. Ср.: *На финишном рывке предвыборной гонки позиции одного из лидеров ОВР оказались серьезно подорваны.*

В заключительной части текста автор вновь обращается к заданному метафорическому образу военного корабля, плывущего к боевой цели. Ср.: *При этом противники ОВР не оставили блоку времени для маневра. Впрочем, флагманы ОВР пока не собираются ни флаги спускать, ни кингсто-*

ны открывать. Броня еще крепка. Шансы доплыть по инерции до порта назначения под названием «Государственная Дума» остаются.

Итак, в анализируемой статье использованы метафорические выражения с исходной понятийной сферой «Военно-морской флот», около 18-ти словоупотреблений, среди которых доминируют метафоры фрейма «Военные действия» (11 словоупотреблений). Функционирующие в данном тексте метафорические высказывания можно отнести к языковым средствам, обеспечивающим связность и цельность (целостность) текста, потому что они, организуясь в единую метафорическую систему, однонаправленно характеризуют рассматриваемые в статье действия политических сил (как военные действия) и занимают в тексте сильные, наиболее значимые для восприятия позиции – заголовок, начало и концовка статьи.

Несмотря на потенциальные возможности агрессивного воздействия на адресата с помощью милитарных метафор, прагматика данного текста содержит скорее иронию, чем открытую агрессию. Ироничное отношение автора к предмету речи, на наш взгляд, выдает заголовок рубрики (*морской бой*), который может быть воспринят как игровая метафора по аналогии с известной детской игрой, а также подпись под статьей (*На капитанский мостик поднимался Сергей Чугаев*). Как отмечают Э.А. Лазарева и Е.В. Горина, исследующие стратегию дискредитации в современной российской прессе, для «Комсомольской правды» дискредитация – это насмешка, ирония, легкость повествования, которая может обидеть дискредитируемого. Концепция «КП» – «развлекающая, поучающая». Издание рассчитано в большей степени на молодежь, поэтому менторский тон в газете недопустим, все недостатки обличаются в игре (Э. А. Лазарева, Е. В. Горина, 2001, с.240).

Рассмотрим пример, когда в тексте доминирующая метафорическая модель развертывается по нескольким фреймам, эпизодически взаимодействуя с метафорами смежной модели. Статья «О, поле брани, кто тебя за-

сеял?...» (Труд. 17 февраля 2000 г.) посвящена современному телевидению: смене руководителей телеканалов, характеру и качеству программ, особенно информационных, в период избирательных кампаний осенью 1999 г. и зимой 2000 г.

Метафора заголовка не содержит указания на предмет речи, но дает представление об авторском выборе метафорического образа для описания и характеристики событий. Помещенный в начале текста фон к цели сообщения поясняет, что речь пойдет о телевидении, и развивает милитарную метафору заголовка. Ср.: *В последние дни крупнейшие телеканалы обрели новых руководителей. Никогда прежде в истории отечественного ТВ не было столь решительной смены первых лиц на телевизионном фронте.*

Автор статьи называет информационные программы «*телевизионными информационными войнами*», «*эфирными битвами*», и, характеризуя действия журналистов, ссылается на наше историческое военное прошлое. Ср.: *Знакомый нашим дедом лозунг «Все для победы!» стал, кажется, главным девизом в осенне-зимние дни нынешнего сезона. За месяцы прошедших эфирных битв изменилась до неузнаваемости вся система телеценностей. Информационные жанры, как и положено в военную пору, заняли главенствующее место.*

Проведя аналогию с военным временем, автор текста использует для метафорической номинации телепередач словоупотребления, которые в нашей классификации соответствуют фрейму «Война и ее особенности» (слот «Виды войн», 5 словоупотреблений). Далее в тексте метафорическая модель развивается по фреймам «Военные действия» (6 словоупотреблений), «Воины и их специализация» (2 сл-я), «Ранение» (1 сл-е), «Итоги войн» (1 сл-е).

Ведущие информационных программ метафорически представляются как бойцы, а их критические выступления против политиков, партий и блоков – как ведение военных действий. Ср.: *Военные действия на телеви-*

зионных фронтах по идее после думских выборов должны были бы прекратиться. Но куда там: на телеканалы продолжают подходить подкрепления. Вот уже на подмогу госпитализированному для обследования А.Хинштейну объявился А.Караулов со своим «Моментом истины».

Казалось бы, руководству ТВЦ следует радоваться: наконец-то найден достойный боец. Но, полагаю, новому президенту компании О. Попцову вряд ли захочется начинать с наращивания боевых действий, да еще в такой агрессивной форме.

Но автору оказывается недостаточно военной метафоры для характеристики журналистов и их агрессивных телепередач, поэтому в тексте доминирующую милитарную метафору дополняют метафорические словоупотребления смежной модели РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это КРИМИНАЛ (3 словоупотребления). Криминальный жаргонизм «мочить» в значении «бить, убивать» метафорически переносится в информационно-политическую сферу для обозначения крайне агрессивной и несдержанной критики политических лиц, движений, партий и пр. Журналисты, позволяющие себе подобное поведение, характеризуются в предвыборном дискурсе политического нарратива «Федеральные выборы 1999-2000 гг.» метафорой КИЛЛЕРЫ (подробно мы рассматривали это явление в п.2.1.), и автор статьи использует данную метафору по отношению к известному телеведущему. Ср.: *Два последних воскресных вечера он (А. Караулов) мочил всех подряд. Причем в отличие от коллег по каналу...по агрессивности и «сильным» выражениям ни в чем не уступал главному телекиллеру С. Доренко.*

В самом начале 90-х этот человек (О. Попцов – новый президент ТВЦ) создавал российское ТВ...и даже тогда, хотя обстоятельства были порой крутые, он не позволял себе сбиваться на брань и «мочиловку».

В целом статья носит критичный характер, в ней дается аналитическая оценка ситуации на телевидении: отмечается негативный характер и агрес-

сивный настрой информационно-аналитических программ, посвященных современным политическим проблемам, чрезмерное количество подобных передач на крупнейших каналах. Характеризуя фигуры новых руководителей компании, автор связывает с ними надежды на возрождение этических принципов и позитивного настроения в телевизионном эфире.

Отметим, что при сопоставлении негативных и конструктивных явлений, связанных с телевидением, в тексте резко контрастируют используемые для этого языковые средства: конфликтные милитарные и криминальные метафорические словоупотребления оказываются востребованными с целью актуализации отрицательных сторон, в то время как положительная информация передается без использования заданных метафорических образов.

В конце статьи автор вновь прибегает к метафоре ВОЙНА для подведения итога и заключительной оценки описанных событий, в очередной раз называя телепрограммы *информационными войнами*, ведущих *бойцами* и метафорически осмысляя наведение порядка как *призыв к демилитаризации*. Ср.: *В одном я уверен уже сегодня – ни Добродеев, ни Попцов не являются оголтелыми приверженцами информационных войн. Они сумеют остудить своих не в меру разгоряченных битвой бойцов. И тогда отечественное ТВ постепенно снова обретет нормальный вид. А те, кто не воспримет призыв к демилитаризации, будут выглядеть нелепо.*

Итак, мы рассмотрели текст, в котором по нескольким фреймам развернута метафорическая модель РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА, эпизодически взаимодействующая с метафорическими словоупотреблениями смежной модели КРИМИНАЛ. Развернутая и организованная система метафор однотипной прагматики, к тому же функционирующая в наиболее сильных позициях (заголовки, фон, начало основной части, заключение), обеспечивает наряду с остальными языковыми средствами связность текста, способствует целостности его

восприятия, удерживая с помощью метафорических образов предмет речи в сознании адресата, передает эмоциональный настрой автора по отношению к характеризваемым явлениям.

Специфика второго из выделенных выше типов развертывания метафорических моделей состоит в том, что в тексте параллельно развертываются несколько видов конфликтных метафор с агрессивным прагматическим потенциалом.

Рассмотрим пример текста, в котором взаимодействующие метафорические словоупотребления, относящиеся по нашей классификации к трем метафорическим моделям ВОЙНА, КРИМИНАЛ и МИР ЖИВОТНЫХ, позволяют представить картину описываемых событий целиком, создают единый образ.

Статья называется «Первая кровь» (Известия. 5 февраля 2000г.) и посвящена проблемам взаимодействия государства и РАО «ЕЭС». Стремление получить блокирующий пакет акций РАО «ЕЭС» вынуждает правительственные структуры пойти на жесткие действия и, в первую очередь, по отношению к председателю правления РАО Анатолию Чубайсу. Основная информация, которая касается экономической и правовой стороны проблемы, подается в строгом изложении, последовательно и четко, практически без использования образно-выразительных средств (только когда речь идет о процедуре голосования акционеров, возникает метафора ЧАША ВЕСОВ). Но для представления политических аспектов событий в тексте задействованы метафорические средства языка.

В рассматриваемой статье политика государства по отношению к олигархам укладывается в следующий сценарий: есть неугодный государству объект; место, где с ним можно расправиться; цели, мотивы и возможности; действия, направленные против объекта, приводят к какому-либо результату. Данный сценарий отражает силовое решение проблемы, поэтому

для его представления в тексте более подходящими оказались конфликтные метафоры.

Неугодные объекты – это олигархи А. Чубайс, Р. Вяхирев, Б. Березовский (в п.2.1. мы уже говорили об эволюции слова «олигарх» в сторону политического ругательства в современном политическом дискурсе), которых уже «заказали». Ср.: *Информированные источники говорят, что Кремль и Белый дом уже «заказали» Анатолия Чубайса, Рема Вяхирева и Бориса Березовского.* Функционирующее в криминальной сфере слово «заказать» используется в значении «нанять убийц для уничтожения кого-либо». Метафорический перенос в область политических отношений, элиминируя сему «убийство, физическое уничтожение», актуализирует сему «уничтожение социальное, экономическое, политическое» и фоновые семы «заказчик – исполнитель», а также все связанные с данным концептом негативные ассоциации.

Место, где разворачиваются события, - РАО «ЕЭС» - обозначается военной метафорой «полигон для борьбы» Ср.: *РАО «ЕЭС» станет полигоном для отработки методов борьбы с олигархами.* Здесь и происходит «наступление на позиции» противников; одним из них является А. Чубайс, на которого «направляется удар» с целью «посадить на короткий поводок». Последнее метафорическое выражение по нашей классификации относится к фрейму «Обращение с животными» модели МИР ЖИВОТНЫХ и в политическом дискурсе означает «подчинить кого-либо, сделать его управляемым, заставить действовать в своих интересах». Ср.: *Едва заступив на пост руководителя Комитета Госдумы по кредитным организациям и финансовым рынкам, Александр Шохин заявил, что Анатолий Чубайс должен «сдать» государству блокирующий пакет РАО «ЕЭС». Инициатива А. Шохина ...заложила основы для наступления на позиции олигархов «старой школы», которым в новой политической ситуации не находится места.*

Удар по Анатолию Чубайсу направлен не только из Думы...

Судя по всему, это лишь повод для того, чтобы посадить на короткий поводок Анатолия Чубайса, который в результате перестает быть несменяемым главой РАО «ЕЭС».

Результат предпринятых правительством действий автор метафорически осмысляет как пролитие первой крови и выносит в заголовок. Метафора заголовка создает эффект усиленного ожидания: только прочитав статью, можно понять, что «первая кровь» – это первая жертва правительственных мер по отношению к российским олигархам, глава РАО «ЕЭС» А. Чубайс, власть которого государство хочет существенно ограничить и взять под свой контроль.

Итак, мы рассмотрели текст, где в представлении предмета речи участвует система метафор, относящихся к метафорическим моделям с агрессивным прагматическим потенциалом. Выбранные автором метафоры позволяют характеризовать предмет однопланово, акцентируя конфликтную сторону фиксируемого явления, создавая образ жертвы и преследователя. Олигархи косвенно уподобляются преступникам, врагам, животным, а меры, применяемые к ним государством, ассоциируются с преступными взаимоотношениями, военными операциями или дрессировкой.

Статья содержит достаточно непростую для восприятия читателя-непрофессионала экономическую и юридическую информацию, поэтому метафорическая система выполняет в тексте важные функции: во-первых, придает тексту эмоциональную окрашенность; во-вторых, образно представляет ключевые моменты в понятиях хорошо знакомых адресату, что позволяет уловить суть сообщения и составить целостное представление о событиях.

В предвыборном дискурсе встречаются тексты, в которых параллельно разворачивается несколько метафорических моделей, но при этом более половины метафор базируются на милитарных, криминальных или зооло-

гических образах. В объемных статьях, затрагивающих различные вопросы, метафоры одной модели могут функционировать в пределах микротемы. Доминантные метафоры располагаются, как правило, по всему тексту или на ключевых позициях и участвуют в организации связности текста, в обеспечении целостности его восприятия.

В качестве примера рассмотрим статью, в которой автор предпринял попытку охарактеризовать известных политических деятелей, основные партии, движения и блоки (КПРФ, ОВР, «Яблоко», «Единство»). Метафоричен уже сам заголовок статьи – *«Страна, ты слышишь страшный зуд? Все кандидаты по тебе ползут!»* (Комсомольская правда. 16 октября 1999г.). В подзаголовке говорится, о ком именно пойдет речь: *Зюганов, Лужков, Явлинский, Примаков, Степашин... - кого мы выберем себе в президенты?* Отождествление кандидатов с ползающими насекомыми, вызывающими зуд, уже настраивает на определенное восприятие предмета речи, как нам кажется, - ироничное.

В целом данную статью отличает метафорическое осмысление политической ситуации в стране и использование образных средств при характеристике претендентов на президентский пост. Текст состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет свое заглавие, причем многие из них метафоричны и позволяют предположить, составляющие какой метафорической модели будут характеризовать предмет речи.

В тексте получило развитие несколько метафорических моделей: ВОЙНА, МИР ЖИВОТНЫХ, ИГРА, СЕКС, при явном доминировании первых двух моделей. Кроме этого в тексте есть примеры метафорических выражений, входящих в состав моделей СПОРТ, КРИМИНАЛ, МЕХАНИЗМ, МЕДИЦИНА, ТЕАТР, СТРОЙКА, ПРИРОДА.

Начало статьи, выделенное жирным шрифтом и воспринимаемое как фон к цели сообщения, вводит в текст военный образ для представления ситуации в стране. Выбор военной метафоры автор оправдывает ссыл-

кой на высказывание выдающегося мыслителя прошлого. Ср.: *Томас Гоббс – выдающийся философ эпохи победы капитализма в Англии – описал состояние современного ему общества чеканной латынью: bellum omnes – война каждого против всех. Нынче капитализм побеждает в России. И на отечественных просторах бушует война в гоббсовом духе.*

В дальнейшем метафорическая модель ВОЙНА развивается по характерному для нее сценарию, и в тексте функционируют метафоры основных фреймов и слотов: «Война и ее особенности», «Участники военных действий», «Места ведения боев», «Военные действия», «Итоги (результаты) военных действий». Политические партии, их лидеры, государственные структуры метафорически осмысляются как победители или побежденные, бойцы, противники. СМИ – это, конечно же, основное оружие. Борьба за власть характеризуется как ведение боевых действий: субъекты политики «разрабатывают стратегии», «проводят маневры», «вступают в бой», «завоевывают позиции», «атакуют и захватывают кого- или что-либо», «уступают позиции», «отступают», «терпят поражение» и пр.

Ср.: *Расстроить ряды противника мало. Если Кремль не сумеет выставить на ристалище собственных могучих бойцов – его дело все равно проиграно.*

Но его (Б.Березовского) СМИ всегда были главной ударной силой Кремля

Атаки на него (Ю.Лужкова) все сильнее и безудержнее.

Не исключено, что неполнота «Единства» тоже вполне устраивает Кремль. Хороший стратег не выискивает путь к победе. Он строит условия, в которых к победе ведут все пути.

ОВР имеет наибольшие шансы завоевать в следующей Думе ключевые позиции...именно этот блок признала своим главным противником команда президента нынешнего.

Дело не только в ожидаемых победах. Сам мэр... вступил в бой, только убедившись, что кремлевский аппарат становится для него откровенно опасен.

А кое-кто уже прощупал тропки в лагерь победителя.

Резерв главного командования (о В. Путине).

Даже если движение НДР окажется ниже 5% барьера – несгибаемые политбойцы всегда в цене.

Ястржембский поневоле будет выдвигать на первый план привычные навыки паркетных маневров...мастерство, обретенное еще на дипломатическом фронте. Но он, увы, далеко не стратег...Наша внутренняя борьба заметно жестче.

Кремль готов кошмми лечь, лишь бы и в своей вотчине мэр потерпел поражение... и пр.

Как видно даже из примеров, статья охватывает широкий круг вопросов и тем, связанных с расстановкой политических сил в предвыборный период. Милитарные метафоры пронизывают весь текст, иногда вплетаясь в другие метафорические образы, взаимодействуя с остальными моделями.

Вторая доминантная метафорическая модель МИР ЖИВОТНЫХ также разворачивается в тексте по ряду фреймов – «Собственно животные», «Действия животных», «Обращение с животными», «Места обитания». В отличие от метафорических выражений с исходной военной сферой зооморфная метафора функционирует в статье более компактно, в пределах определенной микротемы и, как правило, взаимодействует с метафорами смежных моделей.

К примеру, развернутый метафорический образ создает автор при характеристике политических действий КПРФ и «Яблока», используя для этой цели милитарные и зоологические концепты. Ср.: *Еще недавно главными оппозиционными силами считались КПРФ и «Яблоко». Сегодня они уступают передовые позиции в сражении с Кремлем новым оппозиционе-*

рам. А сами подражают обезьяне из китайской сказки – сидят на холме и ждут, пока тигры в долине загрызут друг друга. Похоже за решетками российского зоопарка после похорон тигров останутся сплошные обезьяны.

Повторно автор обращается к данному зоологическому образу для характеристики Ю. Лужкова и развивает метафору, оценивая реакцию политика на компрометирующие материалы, появляющиеся в газетах и на телевидении. Если для метафорического представления лидера ОВР в тексте хватило зоологического образа, то для осмысления действий СМИ понадобилось несколько типов метафор. Например, зооморфная метафора: очередная публикация или выступление на ТВ против Ю. Лужкова – это «грязная шавка», морбиальная метафора: газета «Бильд», «охваченная желтой лихорадкой», артефактная: телевизионный ведущий С. Доренко – «бревно позанозистей». Ср.: *Из лидеров блока самый активный, разумеется, Лужков. Если уж кого и сравнивать с тигром в долине, то как раз его. Он совершенно по-тигриному яростен. Явно не хватает ему только одного свойства кошачьих: гибкости. ...Кремлевские интриганы то и дело подбрасывают ему бревна позанозистее – вроде безудержного Доренко. Иной раз и заграничные силы привлекают – например, давно охваченную желтой лихорадкой газету «Бильд». Мэр пытается отвечать им всерьез, даже к суду привлекать. Столь серьезная реакция бьет по его рейтингу... Великий и могучий Лужков вдруг снизошел до очередной грязной шавки. Шавка изображает медвежью осанку. А медвежий рык кое-кому хотелось бы низвести до собачьего визга.*

Элементы метафорической модели МИР ЖИВОТНЫХ используются для представления взаимоотношений политических партий и правительства (Кремля). Ср.: *Ужаленных Кремлем в России любят*.

Послушен может быть только тот, кто кормится из хозяйских рук. В новый блок «Единство» собраны лидеры регионов, зависимых от федерального бюджета.

Часть текста, посвященная личности Б. Березовского, переполнена самыми разнообразными метафорами, поэтому здесь зоологические образы активно взаимодействуют с метафорическими словоупотреблениями, входящими в состав моделей СТРОЙКА, ПРИРОДА, ИГРА, КРИМИНАЛ. Ср.: *Трудолюбиво выстроенная (Б. Березовским) империя СМИ готова рвать глотку любому...*

Стоит этой вере (в близость Березовского к высшей российской власти) пошатнуться – прикормленные менеджеры отвернутся, финансовые потоки хлынут в иные русла.

А сколько таких братьев (Черных) ...в ужасе ждут проигрыша матерого шулера!

Зато и выигрывает он (Березовский) больше всех. Такие ставки не для слабонервных. Скромный математик обретает высшее мужество – мужество отчаяния. Перед яростью загнанной в угол крысы отступают грозные волкодавы.

В статье встречаются примеры метафор, относящихся к сексуальной понятийной сфере. Автор использует названные языковые средства при характеристике партии НДР и ее лидеров В. Черномырдина и В. Рыжкова, метафорически осмысляя их взаимоотношения с правительством. Ср.: *Но вот неучастие НДР явно идет вразрез с предварительными кремлевскими расчетами. Хотя Черномырдин и заверяет, что нагнуть его невозможно, но, скажем, Никита Михалков пытался его нагнуть даже в прямом эфире НТВ.*

Да и Владимир Рыжков оказался неожиданно непримирим. Так что НДР сохранил относительную девственность.

Финансовый лидер НДР Александр Лебедев сообщил, что желающих отдаться Кремлю в партии тоже хватает.

Негативная оценочность приведенных высказываний позволяет отнести их к числу конфликтных метафорических словоупотреблений, нацеленных на умаление значимости предмета речи.

Игровой и театральной метафорой оцениваются в тексте действия правительства, политических лидеров, партий. Ср.: *В ближайшее время может разыгаться новый политический спектакль.*

Кремль играет по старым правилам.

Прочие игроки могут себе позволить отойти от колеса российской политической рулетки: пусть кое-что проиграно – осталось тоже немало! Березовский каждый раз кидает на стол все фишки. И проиграть может только все сразу.

Таким образом, мы рассмотрели текст, в котором происходит развертывание нескольких метафорических моделей при явном доминировании метафор, продуцирующих негативные (преимущественно агрессивные) образы.

Заявленная заголовком метафорическая модель МИР ЖИВОТНЫХ развивает в тексте яркие зоологические образы, характеризующие политические партии, самих политиков и СМИ (КПРФ и «Яблоко» – «обезьяны», Кремль и ОВР – «дерущиеся тигры», Ю. Лужков – «тигр, великий и могучий», Б. Березовский – «загнанная в угол крыса», желтая пресса – «грязная шавка» и т.п.).

Элементы моделей ИГРА и СЕКС, пересекаясь с другими метафорами, группируются преимущественно вокруг определенной темы (политические и экономические действия «*матерого шулера*» Б. Березовского осмысляются как игра в рулетку, политическое взаимодействие Кремля и НДР метафорически представляется как сексуальные отношения).

Метафорическая модель ВОЙНА репрезентирует самые разнообразные концепты политической сферы в милитарных образах и активно функционирует по всему тексту, участвуя в организации его связности и поддерживая негативно-оценочный тон повествования, заданный еще заголовком.

Подобное метафорическое освещение политических отношений показывает адресату речи, насколько сложно в такой ситуации обычному избирателю сделать объективный и достойный выбор, поэтому автор дает читателю совет, который больше звучит как предупреждение. По сути, это главный вывод из предложенной в статье информации, к тому же он отличается особым оформлением (расположен в самом конце текста, обведен в рамку, выделен жирным шрифтом, озаглавлен БУДЬ ГОТОВ): *«Итак, за оставшиеся до выборов месяцы политическая картина может измениться очень резко – хотя и предсказуемо. Противопоставить этому можно, похоже, только собственные раздумья каждого гражданина».*

Рассмотрим еще один текст предвыборного дискурса, посвященный телевизионным дебатам политических оппонентов. Здесь происходит параллельное развертывание двух метафорических моделей ВОЙНА и СПОРТ, а также частичное включение метафорических выражений, относящихся к моделям ИГРА, КРИМИНАЛ, МИР ЖИВОТНЫХ, ПУТЬ.

В первой главе настоящего исследования говорилось о том, что метафорическая модель СПОРТ, по нашему мнению, обладает средним агрессивным воздействующим потенциалом, так как далеко не все составляющие модель метафоры при характеристике денотативной области содержат негативные прагматические смыслы. Продуцировать агрессивные образы способны лишь некоторые фреймы и слоты данной метафорической модели. В рассматриваемом тексте автор использует спортивные метафоры именно с агрессивной прагматикой. Доминируют в статье метафорические словоупотребления, относящиеся к моделям СПОРТ и ВОЙНА, но при ха-

рактике предмета речи активно взаимодействуют с криминальными, зооморфными и игровыми метафорами.

Метафоричен уже сам заголовок, проводящий аналогию между политической борьбой и преступными действиями. Ср.: *Теледебаты: репликой по горлу - и в колодец!* (Комсомольская правда. 3 декабря 1999г.) Хотя далее в тексте криминальный образ не получает развития, но метафора заголовка создает эффект оценки явления, о котором пойдет речь, а характеризующие предмет речи метафорические выражения с исходной спортивной и военной сферами способствуют усилению негативного оценочного эффекта.

Телевизионные дебаты с участием политических лидеров метафорически представляются в тексте как *бои без правил, побоища, телебаталлии*, поэтому все, что с этим связано, разворачивается по соответствующему сценарию. Ср.: *Эти словесные «бои без правил» сразу вызвали взрыв интереса... Наутро после очередного побоища народ захлеб обсуждает их, как боксерские матчи: кто кого обыграл по очкам или вовсе отправил в нокаут.*

Но это только на первый взгляд политические противники обмениваются сериями хаотических ударов. На самом деле «убойные» реплики тщательно отрепетированы, выпады подготовлены, стратегия боя разработана на несколько ходов вперед.

Но избиратели должны знать: уловка – это та же подножка. И свидетельствует не о силе, а о коварстве нападающего.

Прошли годы, но до сих пор в нашей стране не разработаны единые правила проведения телебаталлий. Иногда политики встречаются один на один и под контролем ведущего задают друг другу коварные вопросы.

Перед теледебатами профессиональные психологи обучают своих клиентов, как найти у оппонента «ядерную кнопку» – то есть тему, которая выводит его из себя. Например, Явлинский рассчитывал, что такой

«кнопкой» станет обвинение Чубайса во лжи. Жириновский хотел «взорвать» Немцова обвинениями в непрофессионализме.

Находит применение в статье и жаргонизм из криминальной сферы, обозначающий в тексте атакующие действия политического оппонента. Ср.: *Отвечающий, естественно, в первую очередь отбивается от «наезда» и сразу попадает в положение оправдывающегося.*

Игровая и зооморфная метафоры используются в тексте для характеристики политиков и их действий. Ср.: *Сергей Ковалев оказался старой лисой и всех переиграл, изобразив внезапную забывчивость.*

Автор таких «изречений» пытается вызвать у оппонента стресс. Нечестная игра!

Итак, конфликтные метафорические образы оказались востребованы для представления и оценки поведения политических оппонентов в телевизионных дебатах. Результат политической борьбы осмысляется метафорой ТУПИКА, в котором оказывается избиратель. Ср.: *Похоже, наши политики в борьбе за наши симпатии взяли на вооружение фразу известного сатирика: «Вы решили поставить меня в тупик своими вопросами, а я поставлю вас в тупик своими ответами»...В результате в тупике оказался российский избиратель.*

Несмотря на использование метафор с различной исходной сферой, создается единая образная структура текста, которая формирует негативную оценку предмета речи, акцентирует его отрицательные стороны.

К третьему типу мы условно относим тексты, в которых происходит параллельное развертывание метафор различного типа, а метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом хотя и занимают важное место, однако указанные метафоры в данных текстах составляют менее половины образов.

Рассмотрим в качестве примера текст под заголовком «Быстро бегут «медведи» (Труд. 27 апреля 2000г.), который затрагивает вопрос об особенностях российской многопартийной системы и о положении в этой системе и перспективах развития нового общественно-политического движения «Единство» («Медведь»). Автор использует метафорические выражения, входящие в состав метафорических моделей ВОЙНА, СПОРТ, БОЛЕЗНЬ, СТРОЙКА, СЕМЬЯ, ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ. В заголовке и далее в тексте происходит метонимический перенос названия политического блока на его членов: «медведи» как представители указанного политического движения, «медвежата» как члены молодежного движения «Единство». Ср.: *Владимир Путин, под которого и создавалось это движение, заявил, что на его основе будет создана партия. И «медведи» приступили к реализации этой задачи. ...уже проводит свой съезд молодежное движение «медвежат» – новый комсомол.*

Создание политических партий и работа по их расширению метафорически осмысливается в понятиях строительства. Ср.: *Конечно, во многом успех партийного строительства зависел, наверное, от бывшего президента.*

Для объединения с солидным политическим стажем партийное строительство представляется не таким простым.

Наверное, не спят по ночам и другие архитекторы партийной системы. ...разрабатывают проекты строительства партии в «Отечестве». Стройку надо закончить до холодов.

Метафорические выражения с исходной военной сферой характеризуют вступление в партию, ее укрепление и борьбу за власть. Ср.: *Срочная мобилизация в ряды очередной «партии власти» – все это было не однажды.*

Но подождем до 27 мая, возможно, к тому времени ряды «Единства» укрепятся видными политиками из близких по духу, но не прошедших в Думу партий, например, из НДР...

Вспомним хотя бы печальную судьбу «Выбора России» и НДР, которые после некоторого успеха на выборах начинали постепенно сдавать позиции в Думе...

Происходящие в политической среде объединения / разъединения блоков, преобразования движений в партии представляются в статье как лихорадка. Ср.: *Весенняя партстроительная лихорадка не обошла и другие общественно-политические движения.*

Отношение лидера к созданной им партии характеризуется метафорой родства. Ср.: *Продолжает работать над своим социал-демократическим детищем Михаил Горбачев...*

Существование политической организации в условиях конкуренции и жесткой борьбы за власть осмысливается спортивной и физиологической метафорой. Ср.: *Далеко не все, кто быстр на старте, доходят до финиша. Создание мощной партии требует времени, средств, сильных кадров.*

«Выбор России» и НДР..., стремительно теряя своих сторонников, до следующей избирательной кампании фактически не доживали...слабели не только так называемые «партии власти», но и другие.

Анализ примеров метафорического употребления показывает, что набор, к которому прибегает автор, довольно разнообразен, и в рамках данного текста представляется сложным выделить метафорическую доминанту.

Итак, мы рассмотрели основные виды развертывания концептуальной метафоры в политическом тексте. Следующий параграф посвящен исследованию особенностей метафорического заголовка.

3.3. Метафора в заголовке и ее развертывание в тексте

Заголовки играют важнейшую роль в судьбе газетно-журнальных публикаций, поскольку именно они вызывают у читателя интерес к публикации, желание познакомиться с ней. Как речевая единица, находящаяся перед публикацией и занимающая сильную позицию, заголовок вступает в разнообразные связи с основным текстом, что способствует повышению выразительности текста. Показательно, что публицистические заголовки постоянно вызывают интерес исследователей (И.С. Стам 1982, Г.Г. Хазагеров 1984, Л.А. Коробова 1975, А.А. Сафонов 1981, Е.В. Колотнина 2001, М.И. Шостак 1998 и др.). При определении теоретических основ настоящего исследования наиболее значимыми оказались книги Э. А. Лазаревой (1989, 1993), в которых подробно рассмотрены функции газетного заголовка, специфика его выразительности и стилистические эффекты в системе «заголовок – текст». Предложенные Э.А. Лазаревой приемы анализа заголовков оказались в полной мере соответствующими нашему материалу, а поэтому они активно используются в настоящем разделе.

В предшествующей главе было представлено описание элементов рассматриваемых в настоящей диссертации метафорических моделей, в том числе наименование моделей, наименование составляющих модель фреймов и составляющих эти фреймы слотов. Специальные наблюдения показывают, что наименование моделей, фреймов и слотов нередко обнаруживаются уже в заголовке статьи. Такой заголовок настраивает адресата на восприятие метафорической структуры текста и - шире - его содержания в целом, а также часто создает эффект оценки.

Примером могут служить следующие заголовки, включающие метафоры модели ВОЙНА: «Зюганов - Селезнев: начало войны» (АиФ. окт.1999); «Грачев засиделся в засаде» (Труд. февр.2000); «Последний бой Березовского» (МК. июль 2000); «Штабные учения» (о Госдуме // МН.

февр. 2000); «*В кольце фронтов*» (о депутатах // МН. апр. 2000); «*Информационное мародерство*» (Известия. март 2000); «*Кто наш противник?*» (Правда. янв.2000); «*Время держать удар*» (Известия. янв.2000); «*Наздраченко и Черепков: война до гроба*» (АиФ. апр. 2000); «*Схватка заклятых друзей*» (МК. янв.2000) и др.

Заголовки, соответствующие модели ПОЛИТИКА – это КРИМИНАЛ: «*Плутводство премьера*» (МК. окт.1999); «*Ведущие с большой дороги*» (Труд. ноябрь 1999); «*А.Сарычев будет «мочить» В.Рыжкова*» (Рос. газета. ноябрь 1999); «*Как «Комсомолка» обула Вовку Путина*» (КП. апр.2000); «*Зюгановская Дума «кинула» читателей «Комсомолки»*» (КП. янв. 2000); «*Запад «шьет» Путину дружбу с главарями мафии*» (МК. июнь 2000); «*Путин и плутократы*» (Сов. Россия. июнь 2000); «*К власти крадутся, чтобы красть не крадучись*» (АиФ. май 2000); «*Не голосуй «по понятиям»*» (МН. дек. 1999); «*Выборы в кандалах черных технологий*» (МК. янв. 2000); «*Под «крышей» депутатского мандата*» (Рос.газета. февр.2000) и др.

Широко распространены и заголовки, в которых использованы метафоры, относящиеся к модели МИР ЖИВОТНЫХ. Ср.: «*Динозавры российской многопартийности*» (Дем.выбор. март 2000); «*С яростью цепного пса*» (Правда. дек.1999); «*Отказаться от тугого поводка*» (Правда. дек.1999); «*Скованные на взлете*» (Рос.газета. март 2000); «*Тамбовская шкурка Березовского*» (Сов. Россия. янв.2000); «*Плющенко вовсе не плюшевый, а кусачий*» (АиФ. февр. 2000); «*Явление думской пиявки*» (Сов. Россия. дек.1999); «*Кого кусают кандидаты?*» (АиФ. окт.1999); «*Стоит ли Лужкову бодаться*» (Рос.газета. дек.1999); «*Бой быков*» (КП. февр.2000); «*Печально я гляжу на кандидатский рой*» (Рос.газета. ноябрь 1999); «*Капканы думской гонки*» (МК. янв.2000) и др.

Как речевой элемент, заголовок обладает определенной самостоятельностью, следовательно, в качестве самостоятельного элемента может

рассматриваться и метафора, употребленная в заголовке. Действительно, часто заголовок несет информацию о содержании публикации, при этом возбудить читательский интерес способны именно заголовки, в составе которых обнаруживается метафора. С другой стороны, и заголовок, и метафора в составе заголовка, входят в состав комплекса *заголовок - текст*, представляя собой целостную структуру, элементы которой (в данном случае метафоры) взаимосвязаны.

Анализ текстов, в заголовке которых содержится метафора, позволяет сделать вывод о том, что отношения *метафора заголовка – метафоры текста* часто носят взаимообусловленный и взаимозависимый характер, часто метафора заголовка является доминантной, определяющей по отношению к метафорам текста.

3.3.1. Заголовки, соответствующие метафорической модели, доминантной для данного текста

Рассмотрим в качестве примера метафорическую структуру статьи «*Последний бой*» (Известия. 26 января 2000г.). По нашей классификации заголовок относится к метафорической модели ВОЙНА. Подзаголовок проясняет, что статья посвящена политике, и поддерживает военную метафору: *Новая фаза внутри думского противостояния*.

Из текста становится понятно, что *бой, противостояние* – это конфликт депутатов Государственной Думы, связанный с распределением комитетов между депутатскими объединениями, назначением председателей и вице-спикера. Ср.: *Сегодня, 26 января, возможно, завершится затянувшееся внутридумское противостояние КПРФ, «Единства» и их союзников с одной стороны и «ОВРага», СПС и «Яблока» – с другой. На пленарном заседании депутаты Госдумы планируют рассмотреть...окончательное распределение портфелей всех думских вакансий*.

Действия политических лидеров, партий, блоков в создавшейся конфликтной ситуации метафорически осмысливается в соответствии со сценарием ведения войны, где есть победители и побежденные. Ср.: *Проблема не в том, что победители не захотели быть великодушными.*

Вот только побежденные оказались слишком гордыми.

«Российские регионы»...в конце концов сдались. В кулуарах нижней палаты парламента говорят, что и сторонники Сергея Кириенко вот-вот сдадутся.

Попытка погасить конфликт метафорически представляется в тексте как *план мирного урегулирования*. Ср.: *Несколько дней консультаций обернулись провалом «плана мирного урегулирования», с которым выступил стикер Геннадий Селезнев.*

Охарактеризовав действия политиков и партий в создавшейся ситуации, автор делает вывод – логическое завершение военного образа. Ср.: *Однако окончательное распределение портфелей, возможно, не завершит внутридумскую войну, а только переведет ее в другую фазу.*

Как видно из примеров, военная метафора становится доминантной метафорой статьи, автор прибегает к ней в сильных позициях текста, начиная текст метафорой *боя* и *противостояния*, заканчивая также военной метафорой.

Параллельно в тексте используется жаргонизм из криминальной сферы, обозначающий наведение порядка, мирное решение проблем. Ср.: *Конфликтную ситуацию так и не удалось «разрулить».*

Других метафорических словоупотреблений в тексте не встречается, автору оказывается достаточно системы метафор с исходной военной сферой. Метафорический образ *боя*, заявленный заголовком, требует дальнейшего развития, и автор развертывает метафорическую модель для обеспечения цельности и связности текста.

Еще один текст, посвященный предвыборной борьбе за президентский пост, содержит в заголовке метафору, которая является доминантной по отношению к метафорам текста. Статья «Переполюх на левом фланге» (Труд. 7 марта 2000г.) и разъясняющий подзаголовок: *Накануне выборов бывшие соратники по партии, Тулеев и Зюганов, оказались по разные стороны баррикад. Почему? Заглянем в их программы.* Метафорически используются понятия из военной сферы-источника и доминируют в дальнейшем тексте, взаимодействуя с метафорами моделей СПОРТ, БОЛЕЗНЬ. Ср.: *С кандидатами правого фланга вроде бы все ясно. Не мудрствуя лукаво они уже сейчас принялись перестраивать свои ряды в пользу единого претендента. Евгений Савостьянов практически сошел с дистанции.*

А вот в лагере левых ситуация куда более запутанная. В штабе Зюганова разгорается настоящий переполюх. Помимо мнимого противостояния с и.о. президента и пальбы по правым либералам у коммунистов появилась новая головная боль – бывший соратник по партии Аман Тулеев.

Откуда же взялся этот переполюх на левом фланге?

Тулеев же спокойно и взвешенно предлагает... «Хватит бороться. Нужно работать. Дружно. Сообща».

Чем же закончится противостояние бывших товарищей по лагерю?

Как видим, метафорический комплекс заголовков – текст представляет собой целостную структуру, элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Метафора заголовка создает эффект усиленного ожидания и требует разъяснения, в процессе которого автор использует метафорические средства, поддерживающие и развивающие заданный образ.

В следующей статье метафорическая структура текста организуется таким образом, что соответствующие одной модели метафоры занимают только ключевые позиции – заголовок, начало и конец статьи. Несмотря на то, что тема публикации – подмосковные выборы, совпадающие по срокам проведения с федеральными, мы решили включить данный текст в

наше исследование, так как автор проводит аналогию между избирательной кампанией в Госдуму и выборами губернатора Подмосковья.

Статья называется *«На подмосковном «фронте» перемены»* (Комсомольская правда. 12 декабря 1999 г.). Обыгрывается название известного художественного произведения Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», что способствует возникновению ассоциативных связей с военным временем. Из текста становится понятно, что *подмосковный «фронт»* - это Подмосковье, где идет предвыборная борьба за пост губернатора области. Оценивая эту борьбу, автор продолжает аналогию с войной. Ср.: *Предвыборная борьба в области идет не так жестко, как на общенациональном уровне, но и здесь есть свои информационные батальоны, свои «рейтинговые войны». Данные «своих» социологов в «своих» изданиях публикует штаб нынешнего губернатора.*

Далее в тексте содержится информация центра социологических исследований МГУ – результаты опроса общественного мнения жителей Подмосковья, так называемый электоральный рейтинг кандидатов на пост губернатора. Приводятся конкретные цифры, проценты, расчеты, поэтому метафорические средства оказались не востребованы. Но в заключительной части текста автор вновь прибегает к милитарному образу, которым и замыкает повествование. Ср.: *У действующего губернатора еще остаются шансы попасть во второй тур, но для этого ему придется в оставшуюся неделю вести «тяжелые позиционные бои» с А. Тихоновым и Б. Грозовым.*

Таким образом, функционирующая в комплексе *заголовков – текст* система милитарных метафор способствует обеспечению смысловой и структурной организации текста, позволяет автору выразить свою оценку предмета речи, оживить повествование.

Как видно из примеров, рассматривались статьи, заголовки которых имеют в своем составе метафору с исходной понятийной областью «вой-

на». Обзор текстов, составляющих политический нарратив «Федеральные выборы 1999-2000 гг.», показал, что для создания единого метафорического комплекса *заголовков – текст* из метафорических моделей с сильным агрессивно воздействующим потенциалом наиболее подходящей и востребованной оказалась модель ВОЙНА, метафоры которой не только входят в состав заголовка, но и занимают доминирующее положение в тексте. Очевидно, исходная сфера, составляющие ее концепты и сценарии предоставляют большие возможности для характеристики и представления предмета речи с разных сторон, но в то же время с сохранением целостности образа.

В текстах, озаглавленных с элементами метафорических моделей КРИМИНАЛ, МИР ЖИВОТНЫХ, метафора заголовка редко занимает доминирующее положение. Как правило, такой заголовок дает оценку предмету речи, настраивает на определенное восприятие, а в самом тексте разворачивается и взаимодействует несколько метафорических моделей. Примеры подобных текстов уже встречались выше, и будут рассматриваться далее в связи с анализом стилистических эффектов, возникающих за счет метафоры заголовка.

3.3.2. Стилистические эффекты, возникающие за счет метафоры заголовка

Для настоящего исследования особенно значимым становятся идеи Э.А. Лазаревой о стилистических эффектах в системе «*заголовков – текст*». Автор считает, что в результате взаимодействия заголовков и текстов могут возникать два основных эффекта – эффект обманутого ожидания и эффект усиленного ожидания (Э.А. Лазарева, 1989, с.46). Детальное рассмотрение политических текстов с заголовками, имеющими в сво-

ем составе метафору, позволяет подтвердить выводы о стремлении многих авторов использовать указанные эффекты.

Эффект усиленного ожидания возникает в том случае, когда читатель, обратившись к заголовку, не может в полной мере понять его смысл и, следовательно, проблематику соответствующей статьи, а поэтому для выяснения смысла заголовка вынужден обращаться к основному тексту. Подобный эффект часто возникает в случае использования в заголовке метафор.

Например, метафоричный заголовок «*Пейзаж перед битвой*» под рубрикой *ПРОГНОЗ* (АиФ. 3 марта 2000г.) сам по себе не позволяет понять, о какой битве (реальной или политической) пойдет речь в статье. И только из текста читатель узнает, что *битва* – это выборы президента, а *пейзаж* – это политический прогноз о шансах каждого из кандидатов. Военная метафора заголовка переносится в текст и активно взаимодействует с метафорой СПОРТ. Ср.: *В битве за третье место больше шансов у Г. Явлинского. В бой за место в «призовой тройке» может вклиниться А.Тулеев – самый опытный участник президентских гонок.*

В следующем заголовке содержится часть цитаты и метафора: «*Карлики*» и *кролик*» (Комсомольская правда. 25 января 2000г.). В подзаголовке зооморфная метафора продолжается, и указываются объекты метафорической номинации: «*В субботу мы увидели кролика и удава. Кролик был Доренко. Удав – Березовский*». На наш взгляд, заголовок провоцирует эмоциогенную ситуацию необычности и создает эффект усиленного ожидания, благодаря неожиданной зооморфной метафоре применительно к известному своей агрессивностью телевизионному ведущему. Статья посвящена телепередаче в прямом эфире с участием Б. Березовского. По мнению автора, прямой эфир показал истинные отношения олигарха и ведущего: «*Мы увидели униженного и уничтоженного Сергея Доренко. Ведущий смешался, потерялся, исчез. Его вопросы были ничтожны*». Из-

вестное высказывание С.Доренко о «бунте карликов (т.е. фракций «Яблоко», ОВР и СПС) в Госдуме» автор называет «хамским» и заключает, что «унижение других, как известно, признак собственной неполноценности». Данная в статье оценка действий и взаимоотношений Березовского и Доренко объясняет выбранные для них метафоры заголовка и подзаголовка.

Эффект усиленного ожидания создает также следующий заголовок: «Становись! Олигархи мысленно в строю» (Комсомольская правда. 14 декабря 1999 г.) под рубрикой *ОТКРЫТАЯ ТРИБУНА*. Возникают вопросы, вызванные военной метафорой: Кто отдает приказ? Куда и зачем должны строиться олигархи? Фон к цели сообщения продолжает милитарную метафору, но не дает ответа на вопросы. Ср.: *По мере приближения решающих предвыборных схваток отечественную бизнес-элиту потянуло на программные заявления. Анатолий Чубайс, Игорь Малащенко, Борис Березовский и Роман Абрамович «позиционировались» в пространных интервью российским СМИ. А недавно полку боеготовых олигархов прибыло: «Независимая газета» опубликовала огромную статью Льва Черного «Россия в поисках солидарности». Предвыборные маневры большого бизнеса по просьбе редакции комментирует российский политолог, директор Агентства прикладной и региональной политики Валерий Хомяков.*

Становится ясно, что речь пойдет о связи олигархов с предвыборной кампанией, и возникает ряд новых вопросов: Что означает в данном контексте рекламный термин «позиционировать(ся)»? Какие программные заявления позволили себе олигархи? Что за предвыборные маневры они проводят? «Боеготовых», то есть готовых к каким боям? и т.п. Из текста выясняется, что «позиционироваться» означает занять позицию по отношению к политическим силам, по отношению к власти. И большинство представителей бизнес-элиты заявляют о своей поддержке Владимира Путина, подтверждают свою готовность работать с избирательным штабом Путина. Олигархи опасаются передела собственности и в случае реальности такой

угрозы готовы объединиться и консолидироваться вокруг той политической силы, которая имеет больше шансов оказаться у власти. Теперь становится понятен не только смысл метафор заголовка и вступления, но и открывается содержащаяся в них экспрессия, ирония и негативная оценочность.

Рассмотрим еще один пример, заголовок *«Ловушка для фаворита»* под рубрикой *ПОЛИТИКА* (АиФ. 2000. №8.) создает эффект усиленного ожидания метафорой ЛОВУШКА. О том, что фаворитом предвыборной борьбы за президентский пост считается В. Путин, пишут практически в каждой посвященной выборам статье, поэтому у читателя скорее возникает вопрос не о том, кто фаворит, а о том, что может ему помешать. Автор рассматривает три основных причины, по которым выборы президента могут быть признаны несостоявшимися: низкий процент явившихся избирателей, большинство голосов против всех кандидатов, грубые нарушения в ходе голосования.

Метафорическое использование концепта «ловушка» вызывает ассоциативные представления, связанные с неожиданностью опасности. Но явку избирателей *«обеспечат губернаторы»*, *«большинство голосов против – маловероятно»*, так что здесь неожиданностей быть не может. Остается третья причина: *«реальной ловушкой для фаворита, считают в окружении и.о. президента, может оказаться попытка признать выборы недействительными»*. Метафора заголовка несколько проясняется для читателя, но возникает новый вопрос, какие неожиданные нарушения могут привести к срыву выборов. Ответ дает последующий текст, и смысл метафоры раскрывается до конца. Ср.: *...если некоторые губернаторы в порыве подобострастия или корысти ради выступят с призывом проголосовать за Путина в самый день выборов, что запрещено законом....проштрафившийся кандидат потеряет право участвовать в повторных выборах. И тогда уже Путину придется искать себе преемника.*

Как отмечает М.Л. Новикова, метафора может находиться в различных позициях по отношению к объясняющему, «поддерживающему» ее тексту. В препозиции метафора не подготовлена, ее надо разгадать. Читая последующий текст, читатель снова возвращается к ней, осознавая ее смысл и эстетическую ценность, двигаясь как бы «челночнообразно» (М.Л. Новикова, 1982, с.27). Метафора заголовка всегда в препозиции, поэтому удачный выбор метафоры, ее развитие и использование в тексте может способствовать созданию экспрессивного эффекта усиленного ожидания, напряжения, в результате чего адресат оказывается в эмоциогенной ситуации необычности или препятствия и испытывает интерес, нетерпение, любопытство.

Эффект обманутого ожидания, как показывает Э.А.Лазарева (1993, с.48), создается в том случае, когда мнение о содержании публикации, сложившееся у читателя по заголовку статьи, опровергается по мере прочтения. Например, читатель воспринимает заголовок в качестве метафоры, тогда как автор вкладывает в него прямой смысл. Рассмотрим следующий пример использования эффекта обманутого ожидания в заголовке «У «Медведя» коровий хвост» (АиФ. 2000. №9.) под рубрикой *ПОЛИТИКА*. Фоновые знания адресата о том, что «Медведь» – это название политического движения, поддерживаемого В. Путиным, позволяют предполагать, что «коровий хвост» – это метафора с намеком на какие-то неизвестные читателю обстоятельства, касающиеся названной политической организации. Но в статье подробно излагается информация о проведении учредительного съезда движения «Единство», его участниках, обсуждении устава, ходе голосования. И только в заключительной части статьи говорится о замечании С. Шойгу к изображению медведя на эмблеме, украшавшей сцену: «Позднее Шойгу пояснил корреспонденту «АиФ», что, собственно, его не устраивает в портрете зверя: «Да хвост у него, как у коровы». Обыгрывание этого комментария в заголовке послужило созданию эффек-

та обманутого ожидания, читателя вряд ли заинтересовал бы заголовок типа «У нарисованного на эмблеме медведя коровий хвост».

Заголовок-вопрос «Жириновского разжалуют в рядовые?» (Комсомольская правда. 8 декабря 1999 г.) может быть воспринят как метафоричный. Насыщенность газетных текстов, посвященных политическим лидерам и предвыборной борьбе, метафорическими выражениями с исходной военной сферой способна спровоцировать читателя на восприятие данного заголовка как метафоры. Прочтение статьи показывает, что речь идет о действительном собрании офицеров, на котором рассматривался вопрос «Об антиобщественной, аморальной деятельности полковника запаса Жириновского В.В., порочащей звание, честь и достоинство офицера».

Правда, эффект обманутого ожидания заголовок произведет только на читателя, который не владеет подробной информацией о лидере ЛДПР и не знает (не помнит) о том, что В. Жириновский – полковник запаса.

Заканчивая рассмотрение взаимодействия метафоры в заголовке с системой метафор в основном тексте, отметим, что метафора в заголовке политического текста в абсолютном большинстве случаев активно разворачивается в последующем тексте статьи, тогда как обратная зависимость обнаруживается значительно реже, то есть наличие в тексте доминантной метафорической модели вовсе не обязательно предполагает метафоричность заголовка статьи. Конечно, далеко не все современные политические тексты имеют метафорические заголовки и отличаются стройной системой метафор, однако наши наблюдения показывают, что политические лидеры и журналисты достаточно часто стремятся к тому, чтобы использовать потенциал системы концептуальных метафор.

Выводы по третьей главе

В настоящей главе рассмотрены закономерности реализации в политическом тексте концептуальной метафоры с агрессивным прагматическим потенциалом.

В начальном разделе выделены три основных варианта развертывания метафорической модели с агрессивным прагматическим потенциалом в пределах текста: 1) одна из метафорических моделей с агрессивным метафорическим потенциалом является доминантной; 2) доминантное положение в тексте занимают две-три метафорических модели с агрессивным прагматическим потенциалом; 3) метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом не занимают доминирующего положения в тексте, в котором происходит параллельное развертывание самых различных моделей. Активное использование в тексте рассматриваемых метафорических моделей позволяет ярче отразить вполне естественный для политического нарратива "Федеральные выборы 1999-2000 гг." накал политической борьбы, когда далеко не все политические лидеры и журналисты в должной мере заботятся о корректности создаваемых ими образов.

На следующем этапе анализа рассмотрены закономерности взаимодействия метафоры в заголовке и собственно текста статьи. Обнаружено, что концептуальная метафора заголовка имеет тенденцию к развертыванию в тексте; в процессе такого развертывания могут быть использованы ресурсы всех составляющих модель фреймов и слотов.

На заключительном этапе исследования были проанализированы стилистические эффекты, которые могут быть связаны с метафоричным названием статьи. Используемый в заголовке эффект усиленного или обманутого ожидания позволяет привлечь внимание адресата к тексту, сделать изложение более интригующим и интересным, то есть добиться решения важнейших задач политической коммуникации.

В целом, рассмотренный материал свидетельствует, что развертывание в тексте метафорической модели (особенно при метафоричности заголовка) может быть важным средством обеспечения связности политического текста и целостности его восприятия. Развернутая в тексте метафорическая модель создает впечатление его внутреннего единства и соответственно стройности авторской концепции, что способствует большей эффективности воздействия на адресата и, следовательно, достижению стратегической цели политического текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основу настоящего исследования метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе "Российские федеральные выборы на рубеже веков" была положена возникшая в Соединенных Штатах (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Динсмор, А. Маккормак и др.) и активно развиваемая в современной России (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.В. Колотнина, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов и др.) теория когнитивной метафоры. В соответствии с этой теорией метафорическое моделирование политической реальности представляет собой мощное средство постижения, представления и оценки действительности, отражающее национальное самосознание и соответствующий этап развития общества. Концептуальная политическая метафора - это сильное средство прагматического воздействия, она структурирует и при необходимости преобразует в сознании человека политическую картину мира, создает аксиологическую базу и подсказывает политические решения. Использование методов когнитивной лингвистики и, в частности, методики метафорического моделирования (параллельно с применением контекстуального и лингвокультурологического анализа, а также приемов, выработанных лингвистикой текста и теорией регулярной многозначности) позволяет обнаружить новые факты и закономерности в организации современного российского политического дискурса.

Проведенное исследование свидетельствует, что в дискурсе рассматриваемого политического нарратива, к сожалению, очень широко используются метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом: **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ - это ВОЙНА**, **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ - это МИР КРИМИНАЛА** и **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ - это МИР ЖИВОТНЫХ**. Наши материалы показывают, что

милитарная, криминальная и зооморфная метафора оказываются наиболее подходящим способом представления вполне естественного для предвыборной кампании соперничества политических сил, для критики существующей политической ситуации и обоснования необходимости изменений. Вместе с тем необходимо отметить, что многие конкретные образы, соответствующие рассматриваемым моделям, способны унизить честь и достоинство оппонента, что в ряде случаев такие метафоры оскорбительны для национального сознания. Очевидно, что подобные образы не всегда соответствуют принципам толерантного общения и кодексу честной политической борьбы. Видимо, понятие политической корректности еще не до конца вошло в практику современной российской политической жизни.

При сопоставлении рассматриваемых метафор выяснилось, что указанные модели обладают как общими, так и специфическими свойствами. Наиболее частотной и детально структурированной в рассматриваемой понятийной области оказалась модель **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ - это МИР ЖИВОТНЫХ**, каждый фрейм которой включает десятки слотов, второе место по частотности занимает модель **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ - это ВОЙНА**, соответственно на третьем месте находится метафорическая модель **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ - это МИР КРИМИНАЛА**. Другие концептуальные метафоры с агрессивным прагматическим потенциалом встречаются в современном политическом дискурсе значительно реже.

Во всех рассмотренных в настоящей диссертации случаях сферой метафорического притяжения (сферой-мишенью) были политические реалии. Чаще всего метафорические номинации использовались для обозначения субъектов политической деятельности (физических лиц, партий и объединений, органов государственной власти), профессионалов, занятых

в сфере организации политической деятельности, конкретных видов политической деятельности.

Рассмотренный в заключительной главе диссертации материал позволил обнаружить, что концептуальная метафора в современных политических текстах часто становится фактором, обеспечивающим связность, целостность и выразительность конкретных текстов. Яркая метафора не просто концептуализирует политическую реальность – она делает текст красивым, выразительным и запоминающимся. Развертывание той или иной метафорической модели на протяжении всего текста (начиная с заголовка) скрепляет в единое целое все части текста, обеспечивая тем самым его восприятие как синтаксического и речевого единства.

Реализация соответствующей той или иной модели метафоры уже в названии статьи создает условия для проявления ряда стилистических эффектов, возникающих в результате взаимодействия метафоры в заголовке и развертывания системы метафор в основном тексте. Это может быть эффект усиленного ожидания, который проявляется в тех случаях, когда метафорический смысл заголовка не до конца понятен читателям, что заставляет их обратиться к основному тексту статьи. Эффект обманутого ожидания проявляется в том, что только при чтении основного текста статьи читатель обнаруживает, что он неправильно понял метафорический заголовок.

В целом, рассмотренные материалы свидетельствуют, что грамотное использование в тексте системы концептуальных метафор способно сделать этот текст более выразительным, привлечь интерес читателей; метафорическая аргументация обладает высоким прагматическим потенциалом и тем самым способствует решению важнейших задач политической коммуникации.

Настоящая диссертация не относится к числу работ полностью решающих соответствующую научную проблему. Поэтому в ней рассмотре-

ны далеко не все вопросы, которые могут представлять интерес для специалистов по политической лингвистике. К числу наиболее перспективных направлений дальнейшей работы следует отнести следующие:

- детальное изучение и описание максимально широкого количества метафорических моделей, используемых в политическом нарративе "Российские федеральные выборы на рубеже веков", а также анализ других подобных нарративов;
- сопоставление закономерностей метафорического моделирования действительности в различных национальных дискурсах и на различных этапах развития общества;
- сопоставление закономерностей метафорического моделирования в текстах, относящихся к одному и тому же дискурсу (в данном случае политическому), но к различным функциональным стилям (например, к научному, официально-деловому и публицистическому);
- значительную перспективу имеют исследования, в которых рассматриваются закономерности использования метафорических моделей в различных дискурсах (например, в экономическом, политическом, медицинском и др.);
- большую практическую значимость будут иметь исследования политической метафоры, ориентированные на изучение эффективности конкретных образов и моделей; в том числе, на изучение эффективности их использования в текстах, адресованных различным категориям избирателей.

Дальнейшее развитие когнитивной лингвистики (и в том числе теории метафорического моделирования) откроет новые перспективы, высветит новые актуальные темы и проблемы, позволит развить и уточнить некоторые высказанные в данной работе положения.

Библиографический список

- 1) Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3.
- 2) Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- 3) Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. Вып.6.
- 4) Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1.
- 5) Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- 6) Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М., 1998.
- 7) Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. № 4.
- 8) Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- 9) Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
- 10) Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
- 11) Багичева Н.В. Россия – мать или мачеха? (метафорическое моделирование образа Родины) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т.5.
- 12) Базылев В.Н. Новая метафора языка (семиотико-синергетический аспект): Автореф. дис....д-ра филол.наук. М., 1999.
- 13) Балашова Л.В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI – XX веков. Саратов, 1998.

- 14) Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход). Дис. ...д-ра филол.наук. М., 1990.
- 15) Баранов А.Н. Что нас убеждает. Общественное сознание и язык. М., 1990.
- 16) Баранов А.Н. Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2.
- 17) Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
- 18) Баранов А.Н. Метафорическая интерпретация понятия «коррупция»: языковые грани онтологизации бессознательного // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001.
- 19) Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
- 20) Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия Ан. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 1.
- 21) Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
- 22) Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Метафоры общественного диалога: война или согласие // Знание – сила. 1991. № 10.
- 23) Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.
- 24) Баранов А.Н., Паршин П.Б. Процедурный язык в лингвистической семантике // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. № 1.
- 25) Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- 26) Безменова Н.А. Речевое воздействие как риторическая проблема // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М., 1989.
- 27) Белицына Я. Л. Теория и практика комплексного лингвистического словаря (на материале наименований животных в русском языке): Автореф. дис. ...канд.филол.наук. Уфа, 2000.
- 28) Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001.

- 29) Бессарабова Н.Д. Метафорические сочетания в общественно-публицистическом стиле русского литературного языка // Филологические науки. 1979. № 1.
- 30) Бессарабова Н.Д. Метафора и образность в газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики. М., 1990.
- 31) Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990.
- 32) Богин Г.И. Типология понимания текста. М., 1986.
- 33) Брысина Е.В. Метафорическая функция военной лексики: (По материалам современной публицистики) // Слово в различных сферах речи. Волгоград, 1988.
- 34) Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1998.
- 35) Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- 36) Вершинина Т.С. Метафора в политическом дискурсе: традиции и новаторство // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т.6.
- 37) Виноградов С.И. Слово в парламентской речи и культура общения // Русская речь. 1993. № 2-4.
- 38) Виноградов С.И. Выразительные средства в парламентской речи // Культура парламентской речи. М., 1994.
- 39) Виноградов С.И., Платонова О.В. Средства массовой информации и культура речи // Культура русской речи. М., 1999.
- 40) Воробьева О.И. Политический язык: семантика, таксономия, функции: Автореф. дис...д-ра филол.наук. М., 2000.
- 41) Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- 42) Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
- 43) Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- 44) Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.

- 45) Дейк Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- 46) Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- 47) Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
- 48) Динсмор Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. М., 1998.
- 49) Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
- 50) Елкина Г.Н. Особенности и проявление социальных представлений в период избирательных кампаний: Дис... канд. психол. наук. М., 2001.
- 51) Енина Л.В. Идеологическое содержание современных лозунгов протеста // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- 52) Енина Л.В. Современные российские лозунги как сверхтекст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- 53) Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 2000.
- 54) Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Ярославль, 1990.
- 55) Жельвис В.И. Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
- 56) Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- 57) Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. Москва – Волгоград, 2000.
- 58) Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1994.
- 59) Земская Е.А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 2000.
- 60) Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени // Вопросы языкознания. 1997. № 3.

- 61)Иванова Т.П. О характеристике связности газетного текста экономического содержания // Диалог. Международный семинар. 2002 (info@dialog-21.ru).
- 62)Игнатъев А.А. Ценности науки и традиционное общество (социокультурные предпосылки радикального политического дискурса) // Вопросы философии. 1991. № 4.
- 63)Илюхина Н.А. Об одной метафорической категории // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994.
- 64)Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара, 1998.
- 65)Иомдин Б.Л. Механизмы понимания в русской и английской картинах мира // Диалог. Международный семинар. 2002 (info@dialog-21.ru).
- 66)Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики. Екатеринбург; Омск, 1999.
- 67)Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 2000.
- 68)Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- 69)Каслова А.А. Концептуальная метафора в российских и американских текстах, посвященных выборам президента // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002. Т.8.
- 70)Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М., 2002.
- 71)Климова И.И. Исследования по дискурсу в современной американской функциональной и когнитивной лингвистике. М., 2000.
- 72)Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. Материалы первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 1998.
- 73)Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. Материалы второй международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2000.

- 74) Колотнина Е.В. Метафорическая модель «Субъекты экономической деятельности – это животные» // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т.6.
- 75) Колотнина Е.В. Метафорическое использование лексики понятийной сферы «Больной – здоровый» // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т.5.
- 76) Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1999.
- 77) Крысин Л.П. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. 2000. № 1.
- 78) Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996.
- 79) Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- 80) Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- 81) Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер.лит. и яз. 1999. Т.58. № 5 – 6.
- 82) Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. Екатеринбург; Омск, 1999.
- 83) Купина Н.А. Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- 84) Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- 85) Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994.
- 86) Лабутина В.В. Вторичная номинация в сфере обозначения причинно-следственных отношений в русском языке: Автореф.дис. ...канд.филол.наук. Уфа, 1998.

- 87) Лабутина В.В. О двух моделях метафорического обозначения причинно-следственных отношений // Семантическая системность языковых единиц. Самара, 1997.
- 88) Лазарева Э.А. Заголовок в тексте. Свердловск, 1989.
- 89) Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993.
- 90) Лазарева Э.А., Горина Е.В. Стратегия дискредитации в современной российской прессе // Толерантность. Екатеринбург, 2001.
- 91) Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1995.
- 92) Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
- 93) Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
- 94) Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- 95) Лапшова О.А. Психологическое содержание текста и его оценивание методами интент-анализа и психосемантики: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
- 96) Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
- 97) Лебедева Л.Б. Бессознательное в языковом стиле // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- 98) Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Левин Ю.И. Поэтика. Семиотика: Избр. труды. М., 1998.
- 99) Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.
- 100) Лихачев Д.С. Экология культуры. Л., 1985.
- 101) Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1999.
- 102) Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. Красноярск, 1987.

- 103) Майданова Л.М. Категории текстообразования и композиция газетного текста: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Свердловск, 1987.
- 104) Майданова Л.М., Амиров В.М., Енина Л.В., и др. Речевая агрессия в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.
- 105) Манькова Л.А. Лингвистическая типология газетных заголовков (90-е годы XX века): Дис. ...канд.филол.наук. Симферополь, 2000.
- 106) Минский М. Фрейм для представления знаний. М., 1979.
- 107) Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике.М., 1998.
- 108) Москвин В.П. Русская метафора. Волгоград, 1997.
- 109) Москвин В.П. Русская метафора: параметры классификации // Филологические науки. 2000. № 2.
- 110) Муране С.Н. Лексика медицинской сферы в языке современной латвийской и российской прессы // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002. Т.8.
- 111) Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- 112) Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. № 1.
- 113) Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
- 114) Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
- 115) Новикова М.Л. Метафора и текст // Русская речь. 1982. № 4.
- 116) Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. Иркутск, 2000.
- 117) Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга. СПб, 1996.
- 118) Олешко В.Ф. Моделирование в журналистике: теория, практика, опыт. Екатеринбург, 2000.
- 119) Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001.

- 120) Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- 121) Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- 122) Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.
- 123) Панкрац Ю.Г. Пропозициональная форма представления знаний // Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- 124) Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3.
- 125) Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988. № 2.
- 126) Политическая культура: Теория и национальные модели. М., 1994.
- 127) Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- 128) Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000.
- 129) Почепцов Г.Г. Тоталитарный человек. Киев, 1994.
- 130) Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы (очерк языка выборов) // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. 1999. № 1.
- 131) Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- 132) Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Сер.лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3.
- 133) Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М., 2002.
- 134) Реан А.А. Психология изучения личности. СПб., 1999.
- 135) Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.
- 136) Романов А.А. Конфликтный дискурс политика // Политический дискурс в России – 3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.

- 137) Рунов В.В. Языковые средства воздействия в радио- и тележурналистике: Дис. ...докт.филол. наук. Краснодар, 1998.
- 138) Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996.
- 139) Рябцева Н.К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка // Диалог. Международный семинар. 2002 (info@dialog-21.ru).
- 140) Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- 141) Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- 142) Скворцов Л.И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. М., 1996.
- 143) Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- 144) Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблема становления // Филологические науки. 1996. № 2.
- 145) Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000.
- 146) Слово в парламентской речи и культура общения. М., 1995.
- 147) Солганик Г.Я. Что такое «язык газеты»? // Русская речь. 1982. № 4.
- 148) Солганик Г.Я. Лексика газеты. М., 1981.
- 149) Сорокин. Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
- 150) Степанов Ю.С. Семиотика концептов // Семиотика культурных концептов. М., 1999.
- 151) Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1995.
- 152) Сукаленко Н.И. Образно-стереотипная картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания: Дис. ...докт.филол.наук. Харьков, 1991.
- 153) Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

- 154) Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- 155) Телия В.Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- 156) Теория метафоры : Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
- 157) Тертычный А.А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. М., 1998.
- 158) Трошина Н.Н. О семантико-синтаксическом аспекте цельности (когерентности) художественного текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
- 159) Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М., 1986.
- 160) Уилсон Р. Психология эволюции. Киев, 1998.
- 161) Урысон Е.А. Фундаментальные способности человека и «наивная» анатомия // Вопросы языкознания. 1995. № 3.
- 162) Урысон Е.А. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модели восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2.
- 163) Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Дис. ...канд.филол.наук. Екатеринбург, 1998.
- 164) Феденева Ю.Б. Функции метафоры в политической речи // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997.
- 165) Феденева Ю.Б., Чудинов А.П. Метафорическое моделирование в российском политическом дискурсе // Политический дискурс России – 3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- 166) Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
- 167) Фрумкина Р.М. Семантика и категоризация. М., 1991.
- 168) Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.

- 169) Харрис Р. Психология массовых коммуникаций: Секреты воздействия. СПб., 2002.
- 170) Хачатурова Л.А. Проблемы комплексного описания зоонимов в русском языке. Ташкент, 1992.
- 171) Цыганкова А.В. Роль образных средств в организации художественного текста // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т.4.
- 172) Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- 173) Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М., 2002.
- 174) Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 – 2000). Екатеринбург, 2000.
- 175) Черкасова Е.Т. О метафорическом употреблении слов (по материалам произведений Л.Леонова и М.Шолохова) // Исследования по языку писателей. М., 1959.
- 176) Черкасова Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов // Вопросы языкознания. 1962. № 2.
- 177) Чудинов А.П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
- 178) Чудинов А.П. Метафорическое моделирование образа России в современном агитационно-политическом дискурсе // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000.
- 179) Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1, 3, 4.
- 180) Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001.
- 181) Чудинов А.П. Динамика моделей концептуальной метафоры // Говорящий и слушающий; языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб, 2001.

- 182) Чудинов А.П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т.6.
- 183) Чудинов А.П. Политический нарратив и политический дискурс // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002. Т.8.
- 184) Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.
- 185) Шаховский В.И. Голос эмоций в русском политическом дискурсе // Политический дискурс В России – 2: Материалы рабочего совещания. М., 1998.
- 186) Шаховский В.И., Желтухина М.Р. Роль комического в дискурсивном портрете политика // Политический дискурс В России – 3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- 187) Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999.
- 188) Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва; Волгоград, 2000.
- 189) Шестопал Е.Б. Личность и политика. М., 1988.
- 190) Шестопал Е.Б. Очерки политической психологии. Вып. 6. М., 1990.
- 191) Щербинина Ю.И. Природа речевой агрессии // Прикладная психология и психоанализ. 2000. № 3.
- 192) Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- 193) Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- 194) Шостак М.И. Журналист и его произведение: Практическое пособие. М., 1998.
- 195) Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.
- 196) Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.
- 197) Ягубова М.А. Культурно – оценочный аспект речевой деятельности // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.

- 198) Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- 199) Язык и массовая коммуникация. М., 1984.
- 200) Язык как средство идеологического воздействия. М., 1983.
- 201) Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // D. Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.
- 202) Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.
- 203) Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

Словари.

- 1) Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.
- 2) Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- 3) Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- 4) Краткий словарь терминов лингвистики текста. Составитель Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
- 5) Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- 6) Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1982.
- 7) Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 1998.

Список сокращений названий источников

АиФ – Аргументы и факты

Дем.выбор – Демократический выбор

Изв. - Известия

КП – Комсомольская правда

МК – Московский комсомолец

МН – Московские новости

Обл.газета – Областная газета

Рос.газета – Российская газета

Сов.Россия – Советская Россия

СО – словарь Ожегова С.И.